

28.89(21)

Г 20

С Е В Е Р

*Теографическая
научно-художественная
сери́я*

НАША РОДИНА

*Под общей редакцией
Н. Н. Михайлова*

*Издательство
ЦК ВЛКСМ
Молодая Гвардия
Москва — 1948*

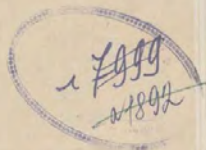
28.89 (21)

Г 20

91

На память Веняминю Ан.
о "призванных"
осваивать

с е в е р .

5856 An

Проект фонда
20/4

20-V-1950..

с. Мутин

Центральная библиотека
«Информационный центр»
Отдел редких

Главной темой настоящей книги является описание лесной полосы Архангельской и Вологодской областей и Коми АССР. Тундра и море затронуты в книге лишь частично. Описание арктических островов не входило в тему книги.

Авторы А. Л. ГАРФ, В. В. ПОКШИШЕВСКИЙ

Редактор Н. Н. СТАВРОГИН.

Переплет, титул и контртитул работ художника
С. М. ПОЖАРСКОГО.

Цветные гравюры художника В. С. БИБИКОВА.
Заставки, инициалы, рисунки на полях и концовки
художника А. Д. КОРОТКИНА.

Оформление раздела «Север в цифрах» художника
В. Ф. ГУСЕВА.

Карты основного текста исполнены картографом
С. В. ПРОХОРОВЫМ.

Художественный редактор А. И. МИЩЕНКО.

Технический редактор М. А. КУТУЗОВА.

Корректоры: И. КУДАШЕВ и В. ПЕСКОВСКАЯ.

ЛЕСНОЙ КРАЙ

строкопечные ели, высокие сосны, мохнатые пихты, могучие кедры с длинной синева-той хвоей, зеленые летом и золотистые осенью лиственницы... Собравшись в сплошные леса, они опоясывают северное полушарие. Лишь изредка проберется в эту семью хвойных деревьев береза или осина, рядом с ней встанет другая, третья — и снова ель, сосна и ель. Хвойные леса тянутся через Скандинавию, США, Канаду, Аляску...

Но наибольшего размаха стихия северного хвойного леса достигает в СССР, простираясь от Берингова моря до Балтики, от Средней Волги и сибирских степей почти до побережья Ледовитого океана. Границы тайги поднимаются чуть ли не до 70° северной широты

и расширяются к югу до 55—58°, где хвойные деревья мало-помалу вытесняются лиственными. Около четверти лесов мира приходится на долю нашей родины. СССР — самая богатая хвойным лесом страна на земном шаре.

Лесная полоса пересекает весь Советский Союз. Наша книга рассказывает о той ее части, которая находится в пределах Архангельской и Вологодской областей и Коми АССР. Это Лесной Север Европейской части РСФСР. Будем называть его Севером.

Север раскинулся на обширной равнине, которая тянется с запада на восток на полторы две тысячи километров — от гранитных скал и озер Карело-Финской республики до склонов Урала, и на тысячу километров с юга на север — от водораздела между Волгой и Северной Двиной до побережья Ледовитого океана. Но лес до океана не доходит. Там, на Крайнем Севере, к поверхности почвы подступает вечная мерзлота. Спасаясь от подземного холода, деревья не пускают глубоких корней, а боясь сурового ветра, не смеют выпрямиться, вытянуться во весь рост. За чертой Полярного круга лес редет и мельчает, а деревья превращаются в цепких, не боящихся ни ветра, ни мороза карликов. Лес становится кустарником, кустарник переходит в тундру. А за тундрой лежит океан.

Наш народ издавна дружит с лесом. Недалеко от южной окраины царства хвойных лесов, в смешанных, дремучих в ту пору лесах между речья Верхней Волги и Оки зародилось сердце нашего отечества — Московская Русь. Леса помогали русским людям защищаться от врагов, отстаивать то, что было им всего дороже, — свою независимость, свой язык и культуру.

На юге Руси пришлось сначала отступить, отстаивать свои рубежи от татар, пока, наконец, окрепнув, она в результате длительной борьбы не возвратила себе просторы Причерноморья. А в северных лесах, по северным рекам Русь могла более спокойно ставить города и деревни, заводить богатые звериные и рыбные ловли, упорным трудом расширять землю под паши.

Оценим по достоинству значение Лесного Севера в жизни нашей родины.

Когда Русь окрепла и отвоевала свой Юг, когда русские люди шагнули за Урал и прошли всю огромную Сибирь до Тихого океана, когда возникли и разрослись новые порты на Черном море, когда народы Кавказа избрали своей защитницей Россию, когда она включила в себя знойные песчаные берега Каспия, старинные оазисы Туркестана, высокие горы Памира и Тянь-Шаня — значение Севера упало. И за море и в глубину Сибири пролегали новые пути, — они прошли, минуя Север. Казалось, сама история оставила в стороне, в тени тот край,

где когда-то совершались такие важные в жизни нашей страны события. И лишь советская власть, лишь великая преобразующая сила большевистской партии вдохнули новую жизнь в этот замечательный край, разбудили его богатства, подняли культуру русских и коми, снова вернули ему роль одного из основных экономических богатств страны. И в природе и в хозяйстве Севера господствует лес.

Мы увидим здесь и города, и заводы, и рыбные промыслы, и ленты железных дорог, и нефтяные скважины, и крупные, быстро растущие угольные разработки. Но на первом месте все же стоит лес. ~~Самая~~ промышленность здесь прежде всего связана с лесом: лесопилки, лесозаводы, целлюлозно-бумажные комбинаты. И даже в обиходе здешних городов на первом месте дерево: деревянные дома, деревянные пачки, иногда даже деревянные мостовые.

Мы увидим много угодий и для сельского хозяйства, но все они окружены лесом. Продвигаясь с юга вдоль рек, русский человек сотни лет изгрызал в эти неистребимые, непроходимые и до сих пор еще не полностью исследованные чащи. Он понемногу разрежал их, перемаяя мрак леса клиньями полей ржи, ячменя, а в наши, колхозные годы и пшеницы. На легких подзолистых лесных почвах он посеял прославленный в песнях, знаменитый русский лен, который как бы наступает на пятки отгесняемому лесу. Тут, в лесах, северные олени, прийдя зимой из тундры, встречаются с крепкими, низкорослыми мезенскими и печорскими лошадьми, со стадами богатого северного молочного скота. Влажный Север дает скоту отличный корм. Великолепные суходольные луга с сочной травой раскинулись по опушке лесов, на перелесках. Еще великолепнее поемные заливные луга, которые тянутся вдоль рек. Нежный запах клевера ощущаешь на Севере, даже плывя по реке: ветер приносит его с берегов... Но больше всего здесь леса. Господствуя над великой северной равниной, взбираясь на ее холмы и спускаясь в пологие долины, стоит лес.

Когда летишь над этим краем, то видишь — словно мохнатой овчиной земля одета лесом. Кое-где то рыжим, то белесым пятном обозначится болото с круглыми озерами стоячей воды. Сверкнет вдруг ручей, и опять лес. Впереди, позади — повсюду, куда ни взглянешь, лес да лес.

Если остановится мотор, сесть нигде: плотным частоколом стоят здесь деревья. Кажется, что и пешком не продерешься сквозь эту сеть ветвей.

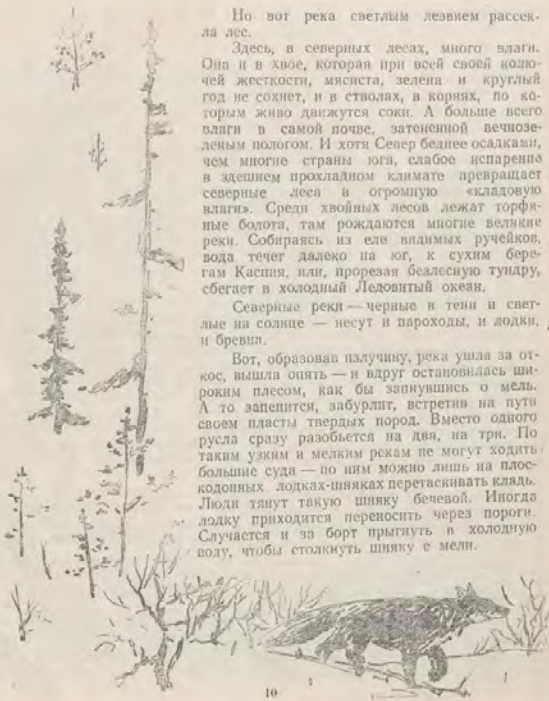
Лес на Севере — стихия, такая же сильная, как море, как степь, как пустыня. Но по морям ходят пароходы, степи и пустыни пересекают машины. А по лесной чаще, пока через нее не проложены дороги, можно идти лишь пешком, груз нужно нести за плечами.

Но вот река светлым лезвием рассекла лес.

Здесь, в северных лесах, много влаги. Она и в хвое, которая при всей своей колючей жесткости, мясиста, зелена и круглый год не сохнет, и в стволах, в корнях, по которым живо движутся соки. А большие всего влаги в самой почве, затененной густо-зеленым пологом. И хотя Север беднее осадками, чем многие страны юга, слабое испарение в здешнем прохладном климате превращает северные леса в огромную «кладовую влаги». Среди хвойных лесов лежат торфяные болота, там рождаются многие великие реки. Собираясь из еле видимых ручейков, вода течет далеко на юг, к сухим берегам Каспия, или, прорезая безлесную тундру, сбегает в холодный Ледовитый океан.

Северные реки — черные в тени и светлые на солнце — несут и пароходы, и лодки, и бревна.

Вот, образовав плучину, река ушла за откос, вышла опять — и вдруг остановилась широким плесом, как бы загнувшись о мель. А то запенится, забурлит, встретив на пути своем пласты твердых пород. Вместо одного русла сразу разобьется на два, на три. По таким узким и мелким рекам не могут ходить большие суда — по ним можно лишь на плоскодонных лодках-шняках перетаскивать кладь. Люди тянут такую шняку бечевой. Иногда лодку приходится переносить через пороги. Случается и за борт прыгнуть в холодную воду, чтобы столкнуть шняку с мели.

Человек, живущий в лесу, долгие века был неразлучен с водой. На луг ли за сеном, в город ли за ситцем шли только водою, на выдолбленных из целого бревна легких и быстрых стругах.

Двигаться в глубь леса встарину можно было лишь вдоль рек. По течению рек и заселялся этот край. Селения гнездами лепились по берегам. Городов на Севере сравнительно немного, и почти все они расположились либо у «корабельных пристанищ», либо на месте «волоков». Лишь в советские годы появились здесь города не на реках, а у разработок полезных ископаемых — угля и нефти.

На старинных торговых путях — на Сухоне, Северной Двине, на Печоре, а устьях Ижмы и Цильмы, в низовьях Мезени — селения обширны; дома в них многококонные, часто двухэтажные. Но деревеньки, приютившиеся у самых малых речушек, в стороне от больших дорог, — это всего три-четыре дома да банька. Избы стоят, тесно прижавшись, как бы обогревая и защищая друг друга.

Крутом лес — еловый, сосновый, кое-где березовый.

«Зимой и летом — одним цветом», говорит о сосне и ели народная загадка. Хвойный лес зелен и летом и зимой. Но как не похожи зимние, заснеженные, тяжелые лапы у елок на легкие летние ветви! Под снеговыми шапками у сосен ветви разглядеть совсем трудно. Зато у березы, лишенной лавсты, зимой виден каждый искрящийся ином прут. Молоденькие деревца, до половины утонувшие в снегу, легко принять за кустарник. Путаница заснеженных ветвей, горбы сугробов, причудливый узор звериных и птичьих следов — все это делает зимний лес на Севере сказочным. Снег плотно укутал землю, выровнял поверхность, и не поймешь — сухая поляна перед тобой или болото, теперь глубоко промерзшее и ставшее твердым. Морозом скованы лесные ручьи.

Зимой лес чист и прекрасен, но на первый взгляд загадочен. Вникнуть в жизнь северного леса, разглядеть все его разнообразие можно только летом.

Заглянешь с освещенной и согретой немеркнущим летним солнцем долины в чащу леса — и сразу поневоле поежишься: прохладно. День точно потускнел, стал зеленоватым. Между стволами стоят вечные сумерки, а само солнце, просвечивающее сквозь ветки, кажется бледно-зеленым. Зелены и поросшие мхом стволы, седые лишайники покрывают толстым слоем все пни и колоды, через которые приходится перебираться чуть ли не ползком.

Лес будто трехэтажный. Вверху закрывают солнце своими ветвями ели-старички. Этажом ниже толпятся нарядные и пушистые, мягкие

голубика

молоденькие елочки. Они и от солнца и от ветра защищены ветвями старых елей. Еще ниже — кустарник.

А на самой земле растут мхи и хвощ. Между ними видны островки темнозеленых кустарников черники. Попадаетея ярко-красная ягода — брусника. Поймы рек густо заросли черной и красной смородиной. Есть и малина. Но вкуснее всего княженика.

Из деревьев на Севере чаще всего увидишь ель и сосну. Это вечные солеринцы.

Ель растет в более влажных местах. Корни ее неглубоки, и на Крайнем Севере это помогает ей бороться с мертвыми прикосновением вечной мерзлоты. Ель теневынослива и легко уживается под пологом более высокой, менее густой сосны. Но ветви самой ели плотно застилают солнце, и в еловом лесу всегда темно. Некоторые ученые считают, что поэтому в еловом лесу в случае затруднения стока легко развивается заболоченность. Академик В. Н. Сукачев говорит: «В самом характере елового леса мы имеем условия, способствующие его заболачиванию». Но вместе с тем ель требовательна к почве, и если почва слишком заболачивается, а воды застаиваются и становятся бедны кислородом, ель начинает хиреть.

Сосна любит сухие песчаные пригорки. Ее золотисто-красноватая кора блестит на солнце. Деревья стоят редкими колоннами, и в сосновом бору всегда торжественно и светло. Но сосна может расти и на открытых заболоченных водоразделах, там, где более требовательная к почве ель уже «сдает». Мощная корневая система сосны пробивает слой отмерших сфагновых мхов, и сосна приживается на болоте. Растет сосна быстрее ели. Она светолюбива, и ее крона на стройном стволе словно распластана в высоком небе. Но вот под пологом этих прозрачных крош подрастают молодые елочки. Они вытягива-

черника

ются, и иногда им удается затенить и заглушить сосновый лес. Так на месте сосняка может зачернеть северный суровый ельник. Зато сосны часто выдерживают лесной пожар, идущий «понизу», и оправляются после него; ель же с ее близкой к поверхности земли корневой системой и свисающими ветвями гибнет. «Низовой пад», как говорят лесники, может очистить лес от ели и превратить его в чистый сосняк.

Вечными, неизменными кажутся северные наши леса, когда их видишь с самолета или изучаешь по карте. На самом деле лес часто меняет облик, свойства, состав своих растений.

Вот свежая порубка. Как только освободилось местечко, выбегут на поляну березы, осины. Но только-только поднимется, войдет в силу лиственный лес, как уже показываются кое-где и молоденькие елочки. Они подросли в тени листвы и теперь затеяют лиственные одоленки своей хвоей, уверенно занимая место хозяев северного леса. А на другой стороне той же порубки уже разрослись сосны. И вот лиственного леса уже нет, а ель и сосна снова ведут свою вековую борьбу...

Вмешательство человека приводит к новым нарушениям того подвижного равновесия, которое устанавливается в природе между сосной и елью: сводя лес в первую очередь там, где почвы лучше, человек выступает прежде всего «против елей»; порубки и пожарища, волею за «легкой кавалерией леса» — березой и осиной, заселяются преимущественно сосной. Поэтому, как утверждает академик Сукачев, без вмешательства человека сосна занимала бы лишь наиболее сухие (с песчаными почвами) или, наоборот, наиболее заболоченные места, большая же часть мест, ныне заросших сосной, была бы занята елью.

Лесов на Севере много, и все они разные. Неодинаков лес потому, что не везде одинаковы условия его развития — разная почва,

Моршанка

Базальник

разный запас влаги в ней, разный рельеф. Иногда эти различия совсем незаметны, но лес чутко откликается на них и принимает каждый раз ту форму, которая лучше всего приспособлена к местным условиям. А каждая разновидность леса имеет свой неповторимый образ, получающий и местное название и отражение в народном сознании. Вот на супесях или на песке растут сосны — это «бор»; песчаные террасы северных рек называются даже в науке «боровыми». Вот «мошара» — моховой, болотистый лес. В омшаре посвистывают кулики. Тут много морошки, но меньше грибов. Вот лес, прозванный «логом»; он растет на затопляемых местах. Здесь крупные деревья с гнилой древесиной.

Ученые делят и сосники и ельники Севера на несколько типов по характеру подлеска и травяного покрова, по особенностям почв. «Зеленомошником» называют лес, выросший на незаболоченной почве; у него слабый подлесок, зато на земле множество «блестящих» мхов, растут кислица, орхидеи, черника, брусника. У «долгомошника» на земле сплошной ковер из кукушкина льна, подлеска почти вовсе нет; развиваются долгомошники там, где уже идет заболачивание. В «сфагновом» ельнике и сосняке земля устлана моховым (сфагновым) покровом; здесь растет багульник, морошка, попадается и черника; иногда бывает много осок: влаги здесь столько, что это уже почти болото. «Травяной» лес с чистым травяным и слабым моховым покровом может расти только там, где почвенные воды хорошо проточны. У «беломошника» на земле ковер из белых лишайников. Сосновые боры — это и есть сосняки-беломошники на сухих песчаных почвах.

В обход упавшего дерева, в просвет между кустами струится ровная, пятнистая, подобная ручью лесная тропа. Кто ее проложил? Почему второй человек прошел точно по тому же пути, по которому шел первый, оставивший едва заметный след? Разве разгадаешь эту лесную загадку!

Необозримые леса Севера малолюдны. Идешь по тропе, напряженно вслушиваясь во все бесчисленные шорохи, шелесты и вдруг — треск сучьев. Сразу остановишься. Ну, думаешь, мишка! Но нет. Это, мелькнув рыжей спиной, пробежала лисица. И лишь теперь замечаешь, что не только у тебя екнуло сердце. Рядом с тобой, привстав на задние лапы, прижавшись всем телом вплотную к развилке дня, насторожился бурый зайчишка.

Идешь, продираясь сквозь ветви, и боишься, как бы не сбиться с едва различимой в траве лесной тропы, на которую случайно набрел. Пройти пешком дальний путь по лесу, где нет ни деревушки, — дело не легкое. Шагаешь, таща за плечами тяжелый рюкзак. А на голове словно

шлем с забралом — марлевый или холщевый пакомарник с волосистой сеткой, на руках холщевые рукавицы, а то ведь комары могут в лесу «заесть» непривычного человека, если заранее от них не защититься.

Вот почва словно вылиняла, из-под хвоща уже виден бледный мох. Все чаще то спотыкаешься о кочки, то попадаешь в глубокую промоину. Острый запах белого кустистого багульника предвещает близкий просвет. Лес сменяется болотом-торфяником.

На Севере идет постоянная борьба не только ели с сосной, человека с лесом, но и леса с болотом. На плоских водоразделах, где скапливается и застаивается дождевая вода, — там побеждает болото; ближе к рекам — хороший сток, — там хорошо растет лес.

Радуюсь просвету, лепяся у болота, на опушке ельника, березы и осины, даже иногда и ольха найдет себе здесь место.

В таком смешанном лесочке, у самого края болота, не диво увидеть лесное чудо — горбоносого лося... Он стоит в тени ветвей неподвижно, прислушиваясь. Громадная голова с длинной, торчащей вперед мордой и плоскими рогами, подобными огромным листьям, выглядит маленькой по сравнению с могучими плечами. Шерсть его так темна, что спина и бока кажутся черными. Брюхо и внутренняя сторона стройных, совершенно прямых, суживающихся книзу ног — цвета ржавчины. С шеи свешивается обросший длинной досынающей шерстью мешок. Странное существо, похожее сзади на лошадь, сбоку на верблюда! Почуя человека, лось поведет влажным глазом, замычит, как корова, и, отбрасывая комья мокрой земли, скроется, прежде чем успеешь его хорошо рассмотреть...

Летом на Севере в лесу почти нет различия в освещении между ночью и днем. Но зато сразу почувешь приближение вечера по лесным

Лесной амбар

голосам. Не скрипит глухарь, замолкла кед-
ровка, не слышно стонов выпя. Но уже начи-
нает хриплым басом «дергать» свою пехитрую
песню коростель — дергач. Значит, уже вечер
пришел.

Вдруг лес застонал. Вершины деревьев за-
качались. Все закрипело. Ветер стих так же
внезапно, как налетел. Но еще долго дрожат
деревья, и шелест хвои кажется дождем, па-
дающим где-то вдалеке. На мгновение ото-
гнанные ветром, опять зазвенели комары. От
них теперь ни сетка не спасает, ни прорезинен-
ный плащ — они злеют к ночи. После долгой
холоды уже и сон валит с ног, а лечь на зем-
лю нельзя — холодно и сыро. Где же отдох-
нуть, согреться?

Тропа вьется между выпирающими на
земле узлами корней вековых деревьев. Вот
почва стала посуше, травы не так остры и
жестки. Лиловато-розовым заревом стоят меж-
ду деревьями высокие кусты иван-чая. Вдруг
на сплосшь заросшем иван-чаем и золотистыми
лютиками холме, под сенью громадной сосны,
между двумя тонкими березками возникает из-
бушка на четырех ножках, и они точь-в-точь
похожи на мохнатые куриные лапы...

Это обычный северный лесной амбар.
Его ставят на сваях, потому что земля здесь
холодна, от сырости продукты портятся; кроме
того, амбар нельзя ставить в лесу прямо на
землю из-за зверья: медведь не очень-то по-
считается с закрытой дверью, да и против лес-
ных мышей, хорьков, ласок доски — плохая за-
щита. Вот и поднимают его повыше.

Ну, теперь ноги шагают веселее. Если
есть амбар, значит недалеко и до лесной из-
бушки!

Также избушки — сруб да печь — встре-
тишь в самых глухих углах необъятного ле-
са. Здесь непременно будут дрова и топор,
котелок и спички.

Поставил этот дом для себя какой-ни-
будь охотник, а припасы предназначены для

случайного путника. Ведь и этот охотник непременно заочует где-нибудь в такой же вот избе, где и для него будут кем-то припасены и дрова и сухие щепки.

Теперь не бегают эти лесные избушки пусты. В лес пришли строители, изыскатели, лесоводы, геологи. И потому еще издали ободрает тебя запах дыма и лай собаки. А придешь в избушку, и сразу же тебе дадут крепкого горячего чая с сухарями — те, кто пришел сюда пораньше.

И кого только не встретишь тут, в лесной избушке: советских работников, инструкторов обкома, кооператора, инженера-путейца, рабочих-бурильщиков, которые переправляются на новое, только что открытое месторождение руды или нефти.

Здесь и школьники, возвращающиеся с каникул, и комсомольский организатор, и учительница сельской школы, спешащая в районный центр на конференцию.

Положишь под голову рюкзак, укроешься пальто. Над тобой спастельным пологом от комаров и мошек стелется едкий дым, — ведь очаг в избе устроен по-черному, без трубы. Вокруг, подобный успокоительному жужжанию прялки, слышен говор незнакомых, но близких тебе людей. Булькает над очагом вода в котелке.

Нигде, никогда не спится так сладко, как в этом черном от сажи лесном теремке. А утром — снова в путь. С грустью покидаешь эту заброшенную, так ласково приютившую тебя лесную избушку.

Как море, раскинулся лес. На много километров во все стороны тысячами, миллионами стоят стройные сосны, тинут свои лапы густые ели. Если быть в лесу гостем и смотреть поверхностью — можно испугаться этой бесконечной стихии тайги. Но если притти сюда хозяином — сразу каждое дерево представится в виде «деловой древесины», в виде будущих досок, балансов, пропсов, телеграфных столбов, ящичных комплектов, шпал, рудничной стойки, — да мало ли еще других сортов древесины есть на свете! Опытный глаз позволяет сразу, с одного взгляда увидеть, что эта сосна даст около трети кубометра ценного леса; что на этой делянке можно вырубить столько-то тысяч кубометров древесины крупномерных сортментов, да еще столько-то тысяч получится мелкотоварника. Ресурсы леса предстанут перед нашим мысленным взором в виде многих и многих тонн целлюлозы, огромных рулонов бумаги, бочек скипидара и смолы, в виде каинфоли, в виде электроэнергии, бегущей по проводам, подвешенным на огромных мачтах, построенных из местного же корабельного леса, в виде сотни разнообразных предметов, вплоть до таких неожиданных, как технический спирт, полученный путем гидролиза из отходов лесопиления, и различные пластические материалы.

Библиотечная библиотека
«Информационный центр»
Отдел редких
и ценных изданий

7999

4455

Не гостями, а хозяевами чувствуют себя в северном лесу советские люди. За годы советской власти в тайге создано разнообразное и сложное хозяйство, превратившее лесную стихию в большое благо для всей нашей родины. Это хозяйство совсем не похоже на примитивную и хищническую эксплуатацию лесных ресурсов, которой занимались предприниматели в досоветское время — прийти в лес, вырубить самые лучшие деревья, сплавить их и продать. Наше современное лесное хозяйство, шаг за шагом проникая в глубь леса, является прежде всего комплексным — оно ставит своей целью наиболее полно использовать великие ресурсы северных лесов, найти применение каждому сучку на лесосеке, каждой щепке на лесопилке. Одновременно с использованием готового леса — этого великого дара природы — ставится задача восстановления леса на участках вырубок. Целой армией людей — от разведчиков-лесостроителей и лесорубов до химиков, картографов, транспортников, ботаников, энергетиков, экономистов — приходится неустанно творчески трудиться над увлекательным делом развития социалистического лесного хозяйства, разрешая подчас самые хитроумные задачи и становясь мастерами этого хозяйства.

И, пробужденный к новой жизни этим трудом, лес превращается из непроходимой глуши в огромную кладовую замечательных ресурсов, служащих стране.

На «переднем крае» нового лесного хозяйства трудятся и живут северные лесорубы. Они — постоянные обитатели лесной чащи, настоящие лесовики.

Зимой и летом валят они деревья. Взмах пилы, треск падающего ствола — и вот словно дятел застучал: это срубают топором ненужные поваленному стволу ветви.

Стан лесорубов разбит в еще никем не тронутой чаще. Но даже и от этого стана с каждым днем все дальше, все глубже в лес уходит лесоруб. Лесной промысел — основное занятие жителей Севера. Зимой и летом лесорубы валят этот неиссякаемый лес, трелевщики трелевуют его, то есть с помощью лошадей и тракторов выволакивают срубленные стволы и складывают их у дороги или на берегу реки.

Весною, когда тронутся реки, за лес берутся катали — рабочие, которые скатывают бревна с берега в воду. По маленьким лесным речушкам древесина идет вниз по течению россышью, или моём, как здесь говорят, совсем без призора, сама по себе.

В устьях притоков больших рек устроены запани, то есть длинные деревянные плоты, вернее — цепи плотов, которые не пускают до поры до времени древесину вниз. На этих запанях рабочие-сплотчики перехватывают бревна, связывают их в плоты. А потом сплавщики подводят эти плоты буксирами к Архангельску, Мезени, Онеге, Котлаеу. Там

на лесопильных, на лесохимических заводах, на целлюлозно-бумажных комбинатах лес обрабатывают — превращают в доски, фанеру, мебель, спирт, бумагу... Часть лесоматериалов пойдет на морских судах за границу, а часть — в поездах на юг, на стройки Советского Союза.

Когдамотришь сверху, с самолета, бревна, ползущие по воде, выглядят мелкими, как спички. Их так много, что кажется, будто кто-то просыпал здесь миллионы коробков. Все реки, ручьи и речушки засыпаны бревнами. Бревна лежат на берегах, на отмелях. Невозможно представить себе северную реку без покачивающихся на ее глади темных, розовых и белых бревен. Во всякий день, во всякую погоду плавают и плавают они друг за другом вниз по реке.

Труд лесоруба и сплавщика раньше был едва ли не самым тяжелым и низкооплачиваемым. Корыстные лесопромышленники знали, когда и в какой деревне выгоднее завербовать рабочих — бедность северного крестьянина делалась источником их богатства. Прожив несколько месяцев в смрадной лесной избушке, на своем горбе скатив срубленные великаны-деревья в речку, поработав много дней на реке, иногда по пояс в ледяной воде, чтобы доташить плот до Архангельска, рабочий-лесоруб получал в расчет всего несколько рублей; после этого ему приходилось шагать пешком до родной деревни сотни верст с горьким раздумьем: как это вышло, что за такой дьявольский труд он получил от хозяина жалкие гроши?

Жизнь советского лесоруба разительно отличается от уродливого быта старых времен. Теперь стан лесорубов — это маленький, но благоустроенный поселок, с клубом, радио, хорошей столовой, электрическим освещением.

Молодой сплав

Работая не на хозяина, а на свое собственное, народное государство, советский лесоруб стал зажиточным. Социалистическое лесное хозяйство требует квалифицированного труда, управляющего уже не топором и двуручной пилой, но сложными механизмами — тракторами и электропилами, трелевочными машинами и бульдозерами; неудивительно, что заработки лесоруба высоки. Его никто не эксплуатирует. Он стал мастером-специалистом.

В годы сталинских пятилеток много строительного леса дал Север советским городам и новостройкам. Много валюты дал Север советской казне. А в годы Великой Отечественной войны из Лесного края шли для армии заготовки лыж, санитарные волокуши, переправочные средства.

Много труда положил на Севере советский человек. Немалая часть этого труда принадлежит молодежи. Из молодежи выходят инициаторы социалистического соревнования, передовики производства. Тысячи молодых рабочих Севера носят почетные звания — «лучший молодой лесоруб», «лучший молодой возчик леса». Много леса, заготовленного на внеурочное время, юноши и девушки Севера послали возрождающемуся Сталинграду.

Все дела дома, на лугу и на поле в Лесном крае выполняет женщина. Колхозница и пашет, и косит, и за скотиной ходит, и извозом занимается. Женщина на Севере самостоятельно рыбачит, управляетя с парусом и с неводом, а в лесах Коми АССР женщины и зверя промышляют, особенно белку.

Но лесной промысел — это дело прежде всего мужчины. Конечно, и годы напряженной стройки, и годы Великой Отечественной войны женщины тоже взялась за батор и топор — и показала в работе свойственную нашей женщине сноровку и силу. Среди рабочих-стахановцев в лесу много женщин. Но в основном рубка и особенно слав — это все-таки занятие мужское.

На лесосеке только и можно познакомиться с каждым отдельным деревом, — ведь в лесу-то их толпа. Погладишь шероховатую чешуйчатую кору сосны, полюбишься темными еловыми ветками, ощутишь острый запах смолы.

Среди леса на открытой поляне часто видишь домики, перед которыми мирно стоят привязанные к кольшкам маленькие самолеты. Над ними на высоком столбе принахивается к ветру полосатый хобот ветроуказателя. Ежедневно взмывая вверх, летчик лесной охраны облетает свой район: не стелется ли где над темным лесом дым пожара?

В прежние времена лесные пожары губили тысячи гектаров леса. Страшно смотреть на хвойный лес, когда он горит: пламя волнами хлещет от одной сосны или ели на другую, быстро перебегает по хвое,

обвивает разом смолистую кору деревьев и стремится все дальше и дальше, останавливаясь только на рубеже леса или затихая под проливным дождем.

Бывало пожары продолжались неделю, две и больше. Горизонт заслонялся дымом на много десятков километров.

Теперь, если пожар небольшой, летчик сбросит химический огнетушитель туда, где чернее всего дым и ярче пламя. Огонь смешается с углекислотой. Все окутается белым туманом. Покружив над загорающим пожарищем, самолет летит дальше. А если случится так, что летчик один не в силах совладать с огнем, он приземлится на аэродроме и сообщит по телефону в ближайший сельсовет. Выйдут в лес люди и будут день и ночь рыть глубокий ров, чтобы огонь остановился, чтобы не перекинулся дальше. А иной раз, чтобы потушить пожар, с самолета сбрасывают специально обученных парашютистов.

Но аэродром или сельсовет нередко лежит от пожара за добрую сотню километров. И, конечно, не всегда можно вызвать на пожар достаточно людей. Некоторые вековые массивы лесов никогда еще не видели человека. Они удалены от дорог, от сплавных рек. Лес там переспевает. Медленно никто там не мешает сосать малину, а белкам — собирать и сушить шишки, коренья и грибы.

Но если такие леса непроходимы, зато уже в деревнях Лесного края не найдешь ни дерева, ни кустика. Люди стремятся хоть дома видеть над собой чистое, не затемненное ветвями небо.

И как бы господствуя над лесом и словно доказывая ему, что человек может и должен вознестись над этой непроходимой чашобой, поднимаются из глубины леса, возвышаясь над самыми большими деревьями, деревянные и стальные переплеты буровых и трян-

гуляционных вышек. А в самой отдаленном стане лесорубов, влетаешь в лесные голоса, льется под шовот ветвей далекий голос московской певицы. Для лесных рабочих построены красные уголки, клубы, медпункты, столовые, хлебопекарни, магазины...

А ведь еще сравнительно недавно здесь верили, что в баше по ночам плачут души проклятых родителями детей, под полом копошатся чигонашки и по окну скребет своим единственным пальцем шишига лесная. Кривое дерево оборачивалось старым чародейством, а нежно-розовая береза с трещающей листвой казалась русалкой...

Люди долго жили здесь без дорог, без почты, без радио, без школ — без всего того, что принесла сюда социалистическая революция. Люди жили среди сплошного и безграничного дремучего леса.

Как же передать тот душевный трепет, то сердечное волнение, когда видишь вдруг ровную, длинную, рассекающую этот лес линию Северо-Печорской железнодорожной магистрали, выросшей здесь, как в сказке?

Эта дорога бежит по болотам, по долинам, по холмам, прорезая лес, как режет его режущее русло. Кажется, будто стальная река покои веку текла здесь, ибо нехватает смелости вообразить, что это сделано людьми. Потому что такая работа кажется, даже когда на нее смотришь с самолета, сверхчеловеческой.

К каждой шпале, — а их миллионы, — нужно было прорубить путь, прежде чем ее спилить. Каждый кубометр земли, — а их здесь тысячами бросали в болото, — нужно было поднять лопатой на тачку и затем с тачки сбросить. По лесу с героическим трудом прошел человек, привез сюда машины, положил дорогу из рельсов. И вот сейчас по ней идет поезд.

Состав с дымящим паровозом кажется

живым существом, выползающим из этого вечного и таинственного леса. Как ловко и осторожно взбирается он на холм, ныряет меж елей, взбегае на мост!

Выкорчеванные пни по обочинам дороги да длинная линия лежащих вплотную друг к другу стволов лежневки, то есть того искусственно сделанного пути, по которому подтаскивали рельсы и шпалы, — вот все, что напоминает теперь путнику о борьбе строителей с лесом.

Да и лес вдоль железной дороги, кажется, уже не тот. Он мягче, приветливее дикой первобытной чащи. Местные жители говорят, что когда побежали поезда — потеплело.

Железная дорога на Архангельск прошла еще до революции, а эта огромная магистраль пролегла за Печору через самые дикие, самые отдаленные леса Севера только недавно, в годы Великой Отечественной войны. Об этой дороге мы еще скажем подробнее. Но для того чтобы понять, как выглядит Лесной край сейчас, надо знать, что она уже есть. Она соединяет воркутинский уголь и ухтинскую нефть с центром нашей родины. В будущем ее продолжат и к Ледовитому океану. На наших глазах вдоль этой дороги, так же как прежде по рекам, вырастают новые поселения. Железная дорога меняет экономику края, она изменяет его ландшафт.

Патриот Севера М. К. Сидоров, который отдал немало средств и сил на поднятие северных промыслов, на то, чтобы убедить царских чиновников в необычайно широких и разносторонних богатствах своей любимой стороны, повторял с отчаянием: «У нас на севере нет дорог... Нет даже верховых троп. У нас нет сообщений по матерiku, нет даже летних пешеходных троп между портовыми городами... При таких порядках русский народ дойдет до того, что со всеми своими естественными богатствами, с громаднейшими на севере пустыми землями... будет беднейшим народом в мире...»

Другой патриот Севера, предшественник и друг Сидорова, В. Н. Латкин, писал в своем дневнике: «Есть на северо-востоке Европейской России край пустынный, малонаселенный, но тающий огромные богатства всех трех царств природы, край, куда не проникала еще промышленная деятельность, где мощные начала будущего благоденствия тысяч людей остаются пока в бездействии...»

И вот ныне, при советской власти, освободившей творческие силы народа, мы видим в этом краю не только железнодорожные магистрали, не только механизированные лесоразработки, не только крупные лесозаводы и целлюлозно-бумажные комбинаты, заводы гидролиза древесины, производство пластмасс, где всесторонне обрабатывается главное богатство края — лес. На дальней границе этого края за годы сталинской стройки вырос мощный углепромышленный район, дающий

топливо многим центральным городам страны и в их числе Ленинграду. На коксе из здешнего угля скоро будет создана металлургия на северо-западе нашей страны. В этом краю мы видим сейчас среди елей высокие нефтяные вышки. И не только вышки, но и нефтешахты: шахтный способ добычи нефти применен впервые в СССР именно здесь. В новых городах выросли учебные заведения, где юноши и девушки Лесного края — русские и коми — изучают новые для Севера профессии: горняка, геолога, геодезиста, химика, электрика.

Людам на Севере противостояла могучая и суровая природа, которая казалась неодолимой. Тем величественнее победы, одержанные над ней советским человеком. Новые пути-дороги выводят его из леса в тундру и на арктические побережья. Обжив и освоив лесную стихию, поставив лесное дело на научные рельсы, советский человек приобретает к богатствам Севера еще новые ресурсы — то, что он начинает добывать и в недрах земли и в глубинах омывающих ее морей.

Советская власть бросила на Север передовую технику. Самолеты и аэросани идут впереди железных дорог и пароходов. Радиостанции связывают с центром самые далекие точки. Новейшие методы геофизической разведки заставляют землю раскрывать свои тайны. На Севере возникают и развиваются новые, самые сложные отрасли экономики.

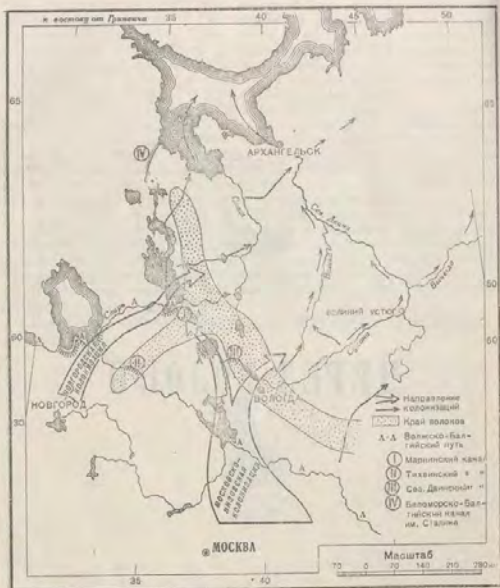
Лесной край перестал быть только лесным краем. Здесь растет передовая тяжелая индустрия.

Север обновился, как обновилась вся наша родина.

ЧЕРЕЗ ВОЛОКИ

акие пути привели на Север русских людей?

Русские впервые пришли сюда из древнего Новгорода. Господин Великий Новгород вел торговлю со всей Европой. Торговал он и со всей Русью, был посредником в торговле между нею и Западом. Самым ценным товаром считался тогда мех. Он в ту пору так же служил деньгами, как драгоценные камни, как золото.

Чтобы добыть это пушное золото, новгородцы уходили в богатые зверем северные леса. Там, по словам летописца, прямо с неба падали «новорожденные вежи» (белки) и оленцы малы и подросши расходились по земле». А «тележных путей» туда не было, надо было идти водою; и вот новгородцы «с великою нужною» проби-

рались сквозь дремучие леса, волочили свои лодки-ушкун по мхам и болотам. Люди проходили «многие леса, и дебри непроходимые, и мхи, и блага непостоянные, и озера многие, и дрязги великие...»

Так дошли они до морского берега, и там русским поселенцам пришлось вступить в борьбу с не менее грозной, чем дикий лес, стихией — с холодным, неумолчно ревущим океаном. На суровом полярном море, рыбача и охотясь за морским зверем — нерпой, тюленем и великаном-моржом, русские люди стали строить ладьи, баркасы, шнявки, коки. Эти русские морские суда могли «бегать под парусами». Они оказывались более приспособленными к Северному морю, чем тяжелые и неповоротливые большие корабли, приходившие с Запада. И на своих искрутных судах русские поморы — потомки новгородцев — научились ходить на Новую Землю, к берегам великих сибирских рек, на далекий, еще неведомый Западной Европе Грумант (Шиниберген).

Проникая в заманчивый северный край, новгородцы открыли и перешли невидимый в чаще леса водораздел. Он тянется среди плоских заболоченных пространств. Водораздел начинается на западе, среди озер, болот и гранитных валунов Карелии, в древнем «Зяпнежье». Оттуда водораздельная линия неправильной дугой спускается к югу, оставляя Белое озеро Волге, а озера Лаца, Кубенское, Воже — Северу; далее эта линия намечается пологими лесистыми холмами Северных Увалов и там, где истоки Печоры близко подходят к верховьям Камы, примыкает к Уральскому хребту. Все реки к югу от водораздела несут воды в Балтику или в Волгу. Воды к северу от водораздела стекают в Онегу, Северную Двину, Сухону, Мезень, Печору — в реки бассейна Ледовитого океана.

Новгородцы проникали в леса Севера через западную часть этого водораздела. Между верховьями мелких речек они находили волоки. Уже в XIII—XIV веках новгородцы хорошо знали многие из таких волоков, — это была для них наезженная дорога. Лодки шли, например, из Онежского озера по реке Волде, а затем по ее притоку Череве поднимались к озеру Волошево (или Волоцкое), откуда через речку Почу выходили на Кенозеро и Кена-рекой спускались в реку Онегу, понижая города Каргополя. Были и другие дороги.

Выбравшись на простор северных рек, новгородцы и здесь спрямляли свои пути, перетаскивая ушкун из одной реки в другую тоже волоками: так из Онеги перевозились в реку Емцу, которая приводила в Северную Двину.

С Сухоны на Двину тоже перебарались «на прямую» — волоком, попадая в речку Коншеньгу, которая впадает в Вагу; а Вага уже большой приток Двины.

Так от реки к реке, от волока к волоку пролегли эти первые пути на Север, в земли, которые стали называться «Заполочьем».

Жестокая нужда гнала из Новгорода на Север немало «добрых молодцев». Но отправиться в неизвестную землю одному было не под силу. И «охотники поискать себе славы» собирались в дружины, или ватаги.

Такой ватаге для дальнего пути нужны были лодки, одежда, оружие; и предприимчивые новгородские бояре и купцы не скупались, снаряжая «дружинишку хоробую», — ведь они знали, кому достанутся все выгоды далекого похода.

Ах же вы, дружинишки, прикащики мои,
Вы берите золотой казны по излобью,
А стройте-тко да трясайте кораблей,
Нос-корму кладите по-заериному,
Бока-то им сведите по-змеиному..

Так говорит в былинах Садко, богатый гость новгородский.

Набор охотников в ротники, составлявшие дружины, был праздником для всей новгородской «повольницы», для беспокойной новгородской молодежи, для тех, кому родной Новгород обернулся мачехой.

Многие юноши новгородские ватагами шли в тот край, который варяги звали «отчизной ужасов природы и злого чародейства».

В том краю «мхи зыбучие, горы толкучие, озера свирепые стоят спокон веку. В лесах витают звери съедучие, змеи клевучие. На полях бушует подора — погода непомерная...» Но зато там несметные богатства.

Сказочная «Биармия», как прозвали Лесной Север скандинавы, издавна маняла своими пушными сокровищами не одних новгородцев. Через Хвалынское (Каспийское) море по Волге и Каме, а отсюда тоже по волокам, но совсем другим, лежащим на восточном конце великого водораздела, у истоков Печоры, в «Биармию» пробирались купцы из владений калифов багдадских. Здесь гости далекого Востока встречали гостей со Студеного моря. Здесь страны полуденные обменивались товарами с посланцами полуденных стран.

Боярские холопы и молодые дети купеческие захватывали новые земли на имя снарядившего их боярина или богатого гостя. Они облагали данью местное население. Десятую часть нахваченного и награбленного ватага отдавала церкви. И перед отъездом из Новгорода молодцы, зная кольчугой, входили в собор святой Софии, «били челом владыке»: «Благослови, господине отче-владыко, поискати святой Софии григородов-волоостей».

И архиепископ, самый богатый купец и землевладелец Новгорода, не только благословлял дружины в их походы, но посылал вместе

с вольными ротниками и своих иноков — для крещения коренного населения Севера.

Прославив себя в походе и бою, дружинники, прикащики, холопы и ротники возирашались в Новгород, а по их следам во вновь завоеванные земли приходили «обычные люди» — рыбаки и пахари. Они селились по рекам и у моря, промыслили зверя и рыбу, а где это было возможно — выжигали лес и распахивали целину. Деревеньки были велики — из двух-трех дворов; от одной до другой было по сотне верст.

Так новгородская знать прибрала к рукам огромный край. Отдельные фамилии оказывались «владельцами» земель, равных по площади большим княжествам. Земли Борецких простирались по всему Поморскому и Летнему берегу Белого моря. Своеземцевы приобрели все земли по реке Ваге за ничтожную плату: они уплатили князьям местных охотничьих племен — чудским старостам — двадцать тысяч белок. Сами бояре в своих северных волостях не жили; они только посылали туда доверенных людей для сбора дани.

Часто хозяевами нового края становились иноки, которые, попав туда, не уходили обратно вместе с ушкуйниками, а строили возле устьев судоходных рек и у морских берегов свои обители. Выстроив обитель, они принимались за хозяйство, искали железо, копали слюду, варили соль, строили корабли и вели торговлю рыбой, звериным салом, солью.

Участвуя в предпринятиях новгородских бояр и купцов, новгородский архиепископ овладел множеством земель по берегам северных рек и поставил немало монастырей в местах, удобных для причала судов. Одним из самых древних был монастырь, построенный в XII веке в устье Северной Двины, — монастырь Михаила-архангела.

Начиная с XIV—XV веков на землях Севера новгородская колонизация сталкивается с колонизацией из центральных областей Руси — из верхнего Поволжья и Суздальской земли. Инициаторами ее были быстро бедневшие, по мере возвышения Москвы, и терявшие свои удельные земли князья Ярославские, Ростовские, Галицкие. Они старались вознаградить себя займками по верхней Шексне, верхней Костроме, Суле, Андومه, у Кубевского озера — подальше от Москвы, подчинявшей себе их коренные земли. На эти займки они переводили своих крестьян, заселяя ими земли восточнее тех волоков, по которым на Север проникали новгородцы. Вслед за крестьянами, которых князья переводили на далекий Север, потянулись и вольные «сходцы», из числа тех, кому становилось невозможно жить на прежнем месте. К северу от полосы водораздельных земель эта колонизация и

столкнулась с новгородской. Столкновение это было не всегда мирным. Борьба продолжалась до подчинения Новгорода Москве, когда и новгородские «Заволоцкие волости» отошли к столице всей Руси.

Современное русское население Севера и состоит из потомков новгородских колонистов, смешавшихся с пришельцами с «Низу» (низовскими, назывались в то время земли по Волге: они лежали «ниже» водораздельных земель). Смешенье это можно проследить в говоре северян во многих местах. К северу от Вычегды, например, господствуют новгородские говоры, но в них уже много заимствований из говоров верхневолжских; южнее преобладают говоры ярославско-суздальские.

В низовской колонизации еще более важную роль, чем в новгородской, играли монастыри. Московские князья щедро дарили их пожалованными грамотами на богатые северные рыбные ловли, на «орамые» (пашенные) земли, на право вести торг, иногда — «заморский». А иноки были отнюдь не лишены хозяйственных, даже коммерческих задатков.

Колонизация из монастырей центрального Волжско-Окского междуречья шла на обширном пространстве между Белым озером на западе и рекой Вычегдой на востоке. На лесных речках возникали десятки монастырей, основатели которых выходили из Троице-Сергиевой обители (где сейчас город Московской области Загорск), из Ростова, откуда вышел миссионер Севера Стефан Пермский, из монастырей Каменного на Кубенском озере и Кириллова на Белом озере. Движение шло по рекам, делая подчас широкие скачки от Троице-Сергиева монастыря к Белому озеру, а с Белого озера прямо на Соловецкие острова Белого моря. Там, на островах, вырос Соловецкий монастырь, сыгравший в колонизации Севера большую роль. Вокруг пустынного монастыря появлялись мирские, кре-

А. С. Погодин
Вопросы истории

стьянские селения, которые вместе с монастырской братией составляли один приход. Впоследствии монастырь мог исчезнуть, но крестьянский приход с церковью оставался.

Начиная приблизительно с XV века в колонизации Севера земледелание уже играет видную роль.

Монастыри, движение которых направлялось московскими митрополитами, а позже и патриархами, усиливали связи Севера с Москвой, а значит с централизованным русским государством.

Обращая коренное население в христианство, Стефан Пермский и другие русские миссионеры распространяли на Севере влияние Москвы. Северные монастыри были и крепостями, отражавшими нападения поляков, скандинавов, литовцев. Владевшие обширными двинскими, беломорскими, вычегодскими землями, имевшие право свободной торговли, монастыри были заинтересованы в объединении русской земли. В годы польско-шведской интервенции, в начале XVII века, когда двинские бояре готовы были призвать к себе польского короля, монастыри придерживались Москвы.

«...Братия, нельзя тому быть, как вы говорите — задаться за короля и поставить своего епископа от королевского митрополита латынина, — убеждали на сходах сторонники сближения с Москвой. — Мы из начала отчина великих князей. За Латиною никогда не бывали... К Москве хотим, к великому князю».

Отвоенный у суровой природы смелостью ушкуйников, предприимчивостью гостей и бояр, трудами безвестных крестьян и иноков, Север стал неотъемлемой частью земли русской.

Пути на Север встарину вели через «край волоков».

Но если во времена новгородской и «низовской» колонизаций главную роль играли волоки из Онежского озера и с Верхней Волги в северные реки, то после военных и дипломатических успехов Петра I, вернувшего Российской империи берега Балтики, они уступили значение волокам на Волжского бассейна в Балтийское море. Реки, которые впадают в великую русскую реку Волгу, близко подходят к озерам, лежащим на скате к Балтийскому морю. Через них и направлялись товары из центральной России к новому городу-порту — Петербургу. Но старый способ перевоза грузов через водоразделы уже не мог удовлетворить потребностей выросшей страны, которая вела торговлю в гораздо больших размерах, чем прежде. И русские люди проложили через волжско-балтийский водораздел Вышневолоцкую, Тихвинскую и Марининскую шлюзованные системы.

Важнейшая из них — Марининская. Она задевает юго-западную часть Севера. Вот ее трасса: приток Волги Шексна — Белое озеро — Ковжа — канал — Вытегра — Онежское озеро — Свирь — Ладож-

Лесное болото (вверху). Бор беломошник (внизу).

Сосна—царица северных лесов (слева). Смешанный мелколиственный лес (вверху справа). Лесной ручей (внизу справа).

ское озеро — Нева. Водный путь обходит озера прибрежными каналами, чтобы суда могли избежать большой озерной волны, которая неоднократно разбивала крупные баржи. Общая длина каналов, входящих в Марининскую систему, почти пятьсот километров; кроме того, свыше двухсот километров входящих в нее речек шлюзовано.

Поднимаясь по Шексне к Белому озеру, попадаешь во все менее населенные места, а водораздел между Ковжей и Вытегрой, где прорыт Марининский канал, едва ли не самое слабо населенное место во всей Вологодской области. От одной крохотной деревушки, затерявшейся среди лесов, до другой — не близко. Редко встретится поле ржи или льна.

Леса здесь — заповедные; вырубка их была издавна запрещена, чтобы эти маленькие, но важные речки не мелели.

Из шлюза в шлюз, из одного огражденного со всех четырех сторон бревенчатого бассейна в другой (сколько миллионов свай вбито здесь в берега!) ползут баржи с дровами, по самую палубу сидящие в воде железные нефтянки, неповоротливые «беляны», «маринки», «тихвинки», «фонтанки».

В шлюзе с трудом помещается баржа длиной в шестьдесят-семьдесят метров; шлюзов много — пятьдесят три, и, чтобы пройти всю систему, каждая баржа теряет не одну неделю. Путь утомителен своей медлительностью. Справа и слева — поросший травой откос берега, все время одинаковый; шлюзы уже надоело считать. В этом однообразном пути не заметишь момента, когда баржа перешла из Волжского бассейна в бассейн Балтики. И вот за поворотом Вытегры окрестные деревья блеснуло громадное водное зеркало; даже небо, кажется, стало светлее. Это Онежское озеро...

Невольно хочется сравнить Марининскую систему с каналами, построенными советской властью, — Беломорско-Балтийским имени Сталина и особенно с каналом имени Москвы. На канале имени Москвы сооружены огромные шлюзы с просторными бетонными бассейнами, глубины которых, как и всего канала, дают возможность глубоко сидящим судам свободно проходить в гавани столицы. Мощные насосы перекачивают воду через высокий водораздел. Электромоторы открывают ворота шлюзов. Берега канала красиво оформлены дерном, а местами скульптурой; все технические сооружения выполнены с изяществом. Но главное отличие в том, что Марининская система имеет только одно, и в наши дни совсем уже небольшое транспортное значение, а канал имени Москвы решает целый комплекс задач: на перепалах работают гидроэлектростанции, волжская вода и обводнила Москву-реку и насытила московский водопровод...

Марининская система была задумана еще Петром, но строить ее начали только в конце XVIII века. Работы были закончены в 1810 году. Впоследствии эту водную дорогу пришлось долго достраивать и много раз переделывать. Она досталась советскому государству такой, что ее теперь снова приходится капитально перестраивать, расширять. Коренная перестройка системы разворачивается в послевоенной сталинской пятилетке. В Законе о плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 годы записано: «Присоединить к реконструкции Марининского водного пути». По глубокой водной дороге между Волгой и Балтикой будут ходить большие суда.

В послевоенной пятилетке на северо-западе нашей страны для нужд Ленинграда по инициативе И. В. Сталина будет строиться большой металлургический завод. Он будет работать на коксе Печорского бассейна и железной руде Кольского полуострова и Карело-Финской ССР. Обновленная Марининская система понадобится для перевозки грузов этого завода. Да и сам завод мог бы разместиться на трассе Марининской системы — в городе Вологодской области Череповце, где с Марининской системой скрещивается железная дорога Вологда — Ленинград.

Марининская система, задевавшая юго-запад Севера, соединит Волгу с Балтийским морем. Но с этой системой связана и водная дорога на самый Север. От «главной водной улицы» возле Белого озера отходит «боковой переулочек»: здесь из Шексны прорыт канал, ведущий через ряд мелких речек к Кубенскому озеру, из которого можно попасть сначала в Сухону, а потом и Северную Двину. Этот путь, идущий в том же направлении и почти по тем же местам, где шли и слабые старые новгородские волоки, называется Северо-Двинской системой. Ее соорудили в 1825—1828 годах, чтобы присоединить к Марининской системе реки Севера — Сухону и Двину. Требовалось, в частности, перебрасывать водою в Архангельск дубовый лес, нужный для кораблестроения. Ведь, находясь в наиболее богатом лесами крае, Архангельск испытывал тогда, в пору деревянного кораблестроения, острую нужду в дубовом лесу: на всем Севере вы не найдете ни единого дуба.

Позже Северо-Двинская система утратила свое значение. В первые годы советской власти каналы Северо-Двинской системы подновили и расширили, но в дальнейшем ими почти не пользовались. После постройки Беломорско-Балтийского канала имени Сталина, который соединил Белое море с Марининской системой гораздо более прямым и глубоким путем, Северо-Двинская система осталась как бы памятником старых путей на Север через волоки.

В будущем, несомненно, и этот водный путь обновится, расширится. Но как бы ни оживлялась работа внутренних водных путей, основ-

ная роль в связи Севера со страной прочно перешла к железным дорогам. Волоки заменил рельсовый путь.

Потребность в железнодорожной связи с главным портом Севера — Архангельском — стала усиливаться по мере развития в России капитализма. К девяностым годам прошлого столетия в развернувшейся тогда на Севере лесной торговле господствовал иностранный капитал. Английские, норвежские, голландские лесопромышленники, пользуясь удобством морской связи с устьями северных рек, скупали по дешевке лес, приплавляемый в эти устья. Русские капиталисты собрались, наконец, приступить к постройке железной дороги к Архангельску. Ленин писал по этому поводу: «Один из главных местных продуктов, лес, шел до последнего времени, главным образом, в Англию... Русские предприниматели, конечно, завидовали английским, и теперь, с проведением железной дороги до Архангельска, они ликуют, предвидя «подъем духа и предпринимательскую деятельность в разных отраслях промышленности края»¹.

Но «ликования» эти были преждевременными. Первая железная дорога, проведенная на Севере, принесла, конечно, некоторое оживление, дала толчок для развития Архангельского порта, но выгоды от этого получили в первую очередь опять-таки иностранные предприниматели; не довольствуясь закупкой необработанного леса, они начинают строить в Архангельске, в Онеге, даже в устье Печоры лесопильные заводы.

Для использования лесных богатств Севера — и вместе с тем для эксплуатации русских лесорубов, русских сплавщиков, русских рабочих на лесопилках — создавались различные концессионные, акционерные, смешанные общества.

Именно в этот период в Архангельске выросли особняки, в которых жили эти разбогатевшие на русском лесу промышленники или их уполномоченные. Иностранный капитал стал привыкать к роли хозяина Севера.

И когда пришла Великая Октябрьская социалистическая революция, вопрос об экономической независимости русского Севера, ставшего советским, неизбежно совпал с вопросом о его политической судьбе. Иностранные хозяева не хотели уходить из своей лесной «вотчины» без боя. Интервенция на Севере была откровенно связана с нежеланием английского капитала потерять свои экономические позиции в русском Лесном крае. Мировая реакция попыталась оторвать Север от нашей родины.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 523, изд. 4-е.

Изгнание интервентов с советского Севера — одна из главных страниц в истории наших побед. В этой борьбе трудовой народ северной окраины нашей страны сплотился вокруг большевиков Севера, вокруг партии Ленина—Сталина.

Интервенция началась с захвата портов. В августе 1918 года английская эскадра заняла Архангельск и высадила крупный десант. Под прикрытием его штыков был насценен политический переворот — гражданская власть перешла к «правительству» эсера Чайковского. Его поддерживала кучка белогвардейцев во главе с генералом Миллером. Но белогвардейцы сами не могли бы продвинуться и на десяток километров от Архангельска — инициативу борьбы на суше взяли на себя иностранные «спасители» России.

Англичане сосредоточили значительный кулак сухопутных сил и морской пехоты; поддерживая эти силы катерами и мониторными, двигавшимися вверх по Двине, они сумели продвинуть «северный фронт» до Пинеги, затем до Шенкурска. Одновременно шла наступление из Мурманска, где англичане и белогвардейцы координировали свои действия с белогвардейцами. Планы интервентов были очень широки: они стремились выйти на линию Волхов — Вологда, и районе Котласа соединиться с наступающими из Сибири войсками Колчака.

В тылу у интервентов и белогвардейцев шла жестокая расправа с местным населением. Сопротивление подавлялось беспощадными репрессиями. Тысячи советских патриотов были брошены в тюрьмы или заключены в концентрационные лагеря на острове Мудьюг. Этот измывный песчаный островок, лежащий на Белом море близ устья Северной Двины, стал могилой многих борцов за социализм, за свободу и независимость нашей родины. Строгий монумент, возвышающийся сейчас на месте этого мрачного лагеря смерти, хранит благодарную память советских северян о погибших героях.

Весь Север поднялся против интервентов. На фронте, после первых успехов, интервенты стали терпеть поражения; в тылу развернулось партизанское движение. Красногвардейцы и партизаны — вчерашние десорубы, крестьяне, славяники, охотники — дрались упорно, хладнокровно и уверенно; у них не было сомнений в своей правоте и силе.

Меткие пули этих мирных тружеников безжалостно настигали плывавших в лесной чаще шотландских и английских захватчиков, одетых в какие-то нелепые меховые шапки. На Двине северные водники создали свою флотилию и успешно боролись с регулярными морскими силами интервентов. Но и нашим бойцам было нелегко. Красная Армия, выдерживавшая в это время неслыханный натиск белоинтервентов на всех фронтах, могла посылать на Север только небольшие подкрепления. И все же интервенты были изгнаны.

Через год после захвата Архангельска, в конце сентября 1919 года, бросив на произвол судьбы своих наемников — белогвардейцев, британская эскадра покинула Белое море.

Англичане пагло пытались увести из Архангельска русские суда; но наши моряки умышленно портили машины, чтобы сохранить флот для своей родины.

Белогвардейцы генерала Миллера недолго продержались после ухода англичан, — их фронт стал разваливаться. Красная Армия после ряда замечательных зимних боев и неожиданных маршей вступила в Архангельск. Это было в марте 1920 года; море еще крепко сковывал лед. Белогвардейцы захватили корабли и пытались с помощью ледоколов пробиться к открытой воде. По льду Белого моря красная пехота догоняла ледоколы, и один за другим корабли сдавались. Только небольшой части белогвардейцев удалось уйти.

Север снова стал советским. Снова это был северный рубеж России — теперь России советской.

Прошло несколько лет. Капиталистический мир был вынужден признать СССР, прекратить экономическую блокаду и начать торговлю со Страной Советов. В этой торговле видное место занял лес, давший Советской стране немало золота.

Мировой лесной рынок не мог обойтись без знаменитой беломорской сосны; ему были нужны и русские телеграфные столбы, и балансы, и пропсы, и доски — доски всех, даже самых крупных сортов, которые мог дать только русский Север с его огромными лесными ресурсами.

Но это уже была не та «торговля», что велась до революции. Наши родина выступала в ней, как равная сторона; более того, монополия внешней торговли позволяла советскому тресту «Экспортлес» использовать конкуренцию между отдельными иностранными фирмами-покупателями. Почти прекратился вывоз необработанного леса: за годы сталинских пятилеток советский Север создал мощную лесопромышленность. И все больше лес шел за границу не только на иностранных, но и на наших, советских судах.

Порты Севера стали во много раз более оживленными, чем до революции; но наряду с экспортом они все больше и больше обслуживали внутренние связи районов СССР, — начиналось освоение Северного морского пути.

В Советской стране шла огромная стройка — стройка сталинских пятилеток. Во всех краях возникали новые заводы. Росли новые города. Советской стране в огромных количествах был нужен строительный лес — и этот лес страна получала прежде всего с Севера.

До революции Север почти весь свой лес вывозил за границу. Теперь могучим потоком северный лес пошел на стройки нашей родины.

Хозяйственные связи Севера со всей нашей страной стали неизмеримо более тесными. Север давал лес, бумагу, изделия из дерева, рыбу, продукцию народившейся добывающей промышленности. Страна посылала на Север машины, промышленные товары, продовольствие, квалифицированные кадры. Эти связи Севера со всей страной осуществлялись главным образом с помощью окрепших железных дорог.

В годы советской власти изживалась былая оторванность Севера от остальной России. Север развивался хозяйственно и культурно; из бывлой далекой окраины он превратился за годы сталинских пятилеток в важный жизненный очаг нашей экономики, тесно связанный с другими районами Союза.

На сегодняшний Север мы поведем читателя уже не через волоки, как шли туда русские люди старину, а по современным железнодорожным магистралям. А в иные уголки Севера мы проникнем с помощью авиации — транспорта, которому принадлежит будущее.

В своем мысленном путешествии по советскому Северу мы увидим, как проступают в нем новые черты, влетают в суровый и вместе с тем прекрасный северный пейзаж, как памятники старины сочетаются здесь с буйными побегами нового, принесенного на Север эпохой Сталина.

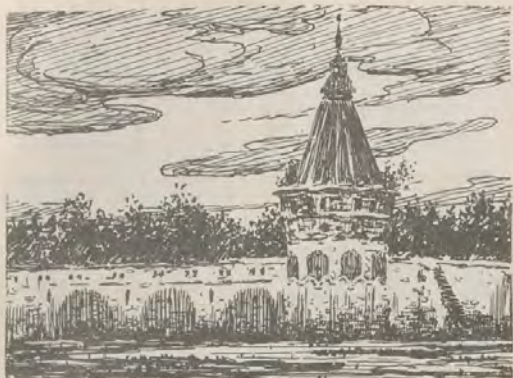

ВОРОТА ЛЕСНОГО КРАЯ

ВОЛОГДА

ам, где болотистая равнина отделяет воды притоков Волги от рек, бегущих к северу — в Двину и Онегу, почти в самой середине этой большой водораздельной полосы, на речке Вологде — притоке Сухоны, в полтысяче километров от Москвы стоит город Вологда.

Говорят, название города произошло от слова «воло» — сухопутных участков, через которые перевозили из одной реки в другую груз и небольшие суда. В древности из волоков часто вели и обмен товаров, торговали. Такие «погосты» — места встречи торговых гостей — привлекали внимание и государства и церкви. Здесь возводились монастыри с крепостными стенами, с гостинными дво-

рами; строились «остроги» — заборы из заостренных кольев, где располагались «служилые люди», дьяки и воеводы; ставились города, то есть большие стены, ограждавшие жилые дома от набегов врагов. «Иноки» и «старцы», уходившие «спасать» свои и языческие души в «пустыни», основали скиты в лесах; скиты эти постепенно привлекали новые «иппущие спасения» души, и затем около разраставшегося нового монастыря появлялся «торжок». В поисках новых мест для поселения отшельники снова уходили все дальше от «мира», в тьму северных лесов. Так из одного монастыря возникали новые «ипоческие» колонии; следом за ними, или обгоняя их, строились торговые посады.

Вологодская летопись считает основателем города Вологды такого именно инока-постриженника родом из Киева, монаха Герасима.

Он пришел сюда «лета 6635», то есть по нашему исчислению в 1147 году, «еще до начала гради Вологды, на великий лес, на средний посад... лепивые площадки малого торжку и созда монастырь во славу Пресвятыя Троицы». Вокруг монастыря, если верить летописи, был построен город Вологда. Выходит, что Вологда с Москвою однолетки: первое упоминание и о Вологде и о Москве относится к 1147 году.

До сих пор многие вологодские дома и некоторые улицы напоминают старую Москву, до пожара 1812 года. Эти старинные вологодские деревянные особнячки в один или два этажа построены то в русском вкусе — с резными коньками и флюгерами в виде петухов, с трубами, украшенными резной решеткой и зверпыми мордами, то в затейливом и прихотливом стиле елизаветинского барокко, то в классическом стиле ампира. Однако эта деревянная вологодская архитектура не подражает рабски канонам стиля, а мастерски трактует его, с пониманием свойств, заключенных именно в дереве, как в строительном материале.

Стройные колоннады, аркады, портики оказались по-новому прекрасными в окрасившем дереве. Особенно хорошо здание женской школы (бывший особняк Левашовых) на улице Герцена.

Есть в Вологде, кроме этих старинных деревянных домов, и великолепные парадные каменные здания в ампирином стиле, как, например, дом, в котором жил уроженец Вологды поэт Батюшков, здание бывшей публичной библиотеки с ее лестничной балюстрадой, бывшая богадельня.

А над всеми этими зданиями, над улицами, над переулками, над широкими першинами раскинутых северных тополей вздымается

стоящий у реки пятиглавый белокаменный Софийский собор. Куда ни пойдешь, отовсюду увидишь вознесенные к небу его золотые главы. Этот суровый храм, образец старого московского стиля со строгими контурами, лишенными всякой вычурности, напоминает знаменитый Успенский собор Московского Кремля. Тот же гигантский куб, те же гармоничные основания куполов и сами купола, как бы вращающиеся при каждом вашем шаге.

Стены величественного собора украшены прикинутыми вплотную пилястрами, отчего стены кажутся еще выше, еще строже. Собор этот был возведен во второй половине XVI века повелением Ивана Грозного.

За собором возвышается построенная триста лет спустя колокольня. Она примыкает к могучим стенам, окружающим собор и Архирейский дом. И подобно тому, как в архитектуре старой Москвы выделялся ансамбль Московского Кремля, так в Вологде главенствовал знаменитый ансамбль Архирейского дома.

Иван Грозный любил Вологду, часто бывал в ней и жил здесь подолгу. В этом бойком купеческом городе, где не было спесивых бояр и ненавистных князей-феодалов, Грозный считал себя в большей безопасности от своих врагов.

Недаром этот северный город был зачислен царем в опричнину. Здесь же с середины

Вологда
Беревицкий двор

XVI века, после того как англичане стали проникать в Россию через Белое море, велась торговля с заграницей. В ту пору Вологда была первым большим городом, который стоял на пути от Белого моря к Москве. Здесь была устроена канатная фабрика, здесь находились склады. Отсюда удобно было спосылаться с Англией.

С тех пор как иностранцы узили путь в Двину, Вологда стала как бы заместительницей павшего незадолго перед тем и присоединенного к Москве Новгорода, через который столетие назад велась вся русская торговля с заграницей. И потому царю особенно дорога стала Вологда, открывавшая путь за моря. Иван IV был опытным стратегом и понимал, что Вологда — перепутье по дороге из Москвы за границу — должна стать на страже пути в Москву, если сегодняшние иноземные друзья завтра заключат союз с врагами Руси. А потому Иван IV начал в Вологде каменное строительство и прежде всего построил здесь крепость, куда был перенесен Архиепископский дом. Здесь же был поставлен дворец; до наших дней он не сохранился.

Прежняя соборная церковь не входила в пределы крепостной стены, и потому царь заложил новый, уже упомянутый нами, Софийский собор.

Простояв около четырех веков без капитального ремонта, это здание нигде не осело, не дало ни единой трещины. «Колико сделано, то каждого дни покрывали лубьем и другими орудия, и того ради оная церковь крепка на расселении...»

Столетие спустя после того как собор был построен, ярославский мастер Дмитрий Григорьевич Плеханов, который прибыл в Вологду с тридцатью товарищами-живописцами, расписал его фресками. Те сцены на фресках, которые не были позже переделаны, полностью сохранили всю исподражаскую «ярославскую» гамму красок.

Плеханов со своими товарищами покрыл фресками сплошь все стены и своды собора. Тонз фресок — голубой, желтый, бледно-розовый, фиолетовый. В сочетании эти краски оставляют впечатление сверкающей гаммы, полной света. Фигуры людей и особенно ангелов, написаны в традиционной для старинной русской церковной живописи манере.

Особенно запоминается фигура архангела в фреске «Страшного суда». Одежды его прозрачны и невесомы. Замечательна и вся композиция фрески.

Интересно, что Плеханов, великолепно постигший все законы высоко условного искусства церковной живописи, в своей картине, изображающей «геенну огненную», написал с поразительным реализмом сугубо земные фигуры «немчин», то есть иностранцев, с их кружевными

воротниками, широкополыми шляпами, туфлями с пряжками, в виде грешников, жарящихся в аду. За что же мастер посадил их в самое пекло? Чтобы понять чувства, владевшие Плехановым, надо перечитать поток жалоб, в которых холмогорские, вологодские, а позже и архангельские купцы перечисляли «бесчинства и беззакония», творимые этими чересчур предприимчивыми иноземными гостями.

В свое время царь Иван Васильевич позволил англичанам за то, что они первые из иностранцев прибыли в Москву с севера, торговать безданно, беспошлинно по всему русскому царству. Это давало англичанам большие преимущества. Опасаясь конкурентов, из-за которых они могли бы потерять свои привилегии, англичане стремились ничего не пропускать на Двину. Не раз устраивали они под Архангельском настоящие морские сражения со своими голландскими соперниками. В дошедших до нас письмах голландского купца Исаака Массы подробно рассказано о таких боях: «Английский агент ничего слышать не хотел и отправился со своею добычей на двух кораблях, стреляя ядрами во все стороны...» Голландцы, в свою очередь, чем могли, вредили англичанам, действуя и подкупом и ножом.

Не брезгуя ничем, наглые иноземные купцы-пираты пытались помешать развитию русской торговли. «Жалоба, государь, на иноземцев, — писали архангельские купцы, — эти айбурцы, голландцы, англичане нас без промыслов учинили. Да немцы умыслили нас лукавством своим, откупили ворвань сало, чтоб твои государевы торговые люди и все поморские промышленники этого села мимо их другим немцам и русским людям не продавали...»

Плеханов не остался равнодушным к борьбе русских «государевых торговых лю-

Щатравая
церковь

дей» с иноземными купцами. Он посадил всех этих «анбурцев» туда, где поперек всей стены извивается змеяными кольцами лютый дракон, в огнедышащую «геенну».

Для того чтобы этих столь натурально написанных «немцев» ввести в строго условную церковную роспись, надо было не только зорко видеть, но и глубоко чувствовать. Так смело разрешить тему «Страшного суда» можно было только в порыве вдохновения.

Такая пронизанная глубочайшей любовью к родине роспись собора не случайно осуществлена была именно в Вологде. Вологда — это ворота русского Севера, края, который на протяжении столетий был верным борцом за объединение русской земли.

Достаточно вспомнить ту почетную роль, которую Север сыграл в начале XVII века в защите Руси от шведских и польско-литовских интервентов, тот глубокий патриотизм, который охватил Север в грозные дни смуты, Голос представителей Вологды и Устюга, дивяния и пиннежа vesко раздавался на земских соборах Руси. И звучал голос Севера тем более убедительно, что он отражал мысли и чувства свободных людей — «гостей» с посадок, «своеземцев», «черносошных» крестьян, — ведь Север почти не знал крепостного права.

— Будучи сам еще колонизируемой областью, Север неустанно давал людям для заселения Урала и Сибири. В том, что пустынные просторы этих земель стали неотъемлемой частью Руси, немалая заслуга северян.

Вологда была верным тылом Москвы. В дни нашествия Наполеона сюда, в Вологду, были вывезены сокровища Московского Кремля и укрыты в вологодском Прилуцком монастыре.

Но уже с начала XVIII столетия роль Севера в политической, торговой и промышленной жизни страны падает. Северные города словно погружаются в долгий сон. Белое море на долгие десятилетия теряет свое былое значение в развитии русской торговли с границей. Только что овладев жизненно-необходимым стране выходом к Балтийскому морю, Петр I спешит укрепить этот новый рубеж. В устье реки Невы, на берегу Финского залива, он строит крепость, город и порт.

Едва потянулись корабли в этот новый порт, как Петр подписал указ вести заморский торг не старым двинским путем, а через новый город на Неве, через Санкт-Петербург.

Так Вологда осталась в стороне от торговых путей, и ее кипучая, праздничная жизнь перевалочного пункта и большого рынка надолго сменилась тихими буднями захолустного купеческого города.

На месте воистинной стены древнего кремля был разбит мирный бульвар. На стенах вологодских монастырей выросла трава. Вологда, с ее мелкой рекой, с небольшими домами, с деревянными панелями на

боковых улиц, стойко сохраняла дух старой российской провинции, неторопливый уклад жизни, черты патриархальности в быту.

Лишь в наши дни, в годы сталинских пятилеток, Вологда стала крупным промышленным центром. Возрождению Вологды способствовало развитие новых путей сообщения, которые снова, как и в древности, пересекаются все в той же Вологде. Это железные дороги Москва—Архангельск и Ленинград—Киров. Здесь же, у верховьев Сухоны, начали речных путей, прорезающих край до Урала и до Белого моря. Неудивительно, что здесь прежде всего создались крупные паровозоремонтные и судоремонтные мастерские. А после Октябрьской революции они развились до масштабов союзного значения. Пейзаж предместья Вологды, где стоит крупный завод, выросший из старых железнодорожных мастерских, ничем не отличается от обычного для многих индустриальных городов Союза: большие корпуса, рельсовые пути, сеть электрических проводов. Слышны паровозные гудки и шум машин. Над крышами цехов поднялись к небу дымовые трубы.

Вологда — ворота Лесного края, и здесь построен завод, где впервые в Союзе начали выпускать автолесовозы. Металлопромышленность Вологды производит оборудование для лесопильных заводов, такелаж для сплава. Она дает также газогенераторы для тракторных моторов, работающих на древесном топливе. Есть в Вологде и предприятия, обрабатывающие лес.

Вокруг Вологды прежних дремучих лесов уже нет: за долгие столетия люди сильно разрешили лес пашней. На полях царит лен — старинная слава вологжан. Издревле из льна здесь ткали кустарные ткани, плели веревки, делали кружева. Сейчас в Вологде близ речных пристаней и тянувшихся вдоль них старых купеческих амбаров разрастается гигантскокомбинат. Это одна из крупнейших строек послевоенной сталинской пятилетки на Севере. Просторные корпуса льнокомбината рассчитаны на несколько тысяч рабочих.

Обычно лен приходит на фабрику, как говорится, «теревленный», битый, мятый — в виде тонких шелковистых волокон, собранных в тюки.

На фабрике этот тонкий, нежный лен расчесывают на специальных машинах, после чего его пропускают через десятки других машин. И вот его уже нельзя узнать: лен превратился в белые широкие атласные несматываемые ленты, которые после каждой машины делают все уже, потом обращаются в толстые нити, но и нить все утоньшается, и когда, наконец, ее начинают мотать, то кажется, что на красной натянут лунный луч.

Льняная нить, в зависимости от того, как ее вплести в ткань, меняет оттенки — и потому, как на морозном окне листья, выделяется на белой скатерти белый же узор.

Много льна под Вологдой. Но все же окрестности этого города славны не столько пашнями, сколько лугами. Молочное животноводство — важнейшая отрасль здешнего сельского хозяйства. Недаром один из лучших сортов сливочного масла так и называется «вологодским».

И эта особенность тоже отражена в жизни Вологды. Под городом, у железнодорожной станции с многозначительным названием «Молочная», выросли корпуса Вологодского института молочного хозяйства. Это крупнейшее в СССР высшее учебное заведение, выпускающее специалистов по молочному хозяйству и по переработке молочных продуктов; вместе с тем это и важный центр научно-исследовательской работы.

Труды Вологодского института, его бюллетени и другие издания служат руководящей литературой в этой отрасли экономики для всего СССР. Институт вырос из скромной молочно-хозяйственной опытной станции, основанной в 1913 году. В советские годы он превратился в крупное высшее учебное заведение с сотнями студентов, общирными лабораториями, опытными и учебными фермами, собственным сыроваренным заводом.

Транспорт, лес, лен, молоко — вот из чего складывается экономика вновь пробужденного к жизни города Вологды.

Послевоенная сталинская пятилетка еще более оживит этот город. Заработает гигант-льнокомбинат, расширится машиностроительный завод, вырастут новые дома, новые школы...

Город, который некогда стоял «на волоке», ныне находится на скрещении важных железных дорог; но вместе с тем это уже не только транспортный узел, но и крупный промышленный центр, живущий кипучей производственной жизнью. Новые заводы встали рядом со старинными зданиями, с железнодорожными парками, с пристанями.

ДОМ НА НАБЕРЕЖНОЙ ОСОАВНАХИМА

Совсем недавно, в начале нашего века, Вологда, с ее длинной дождливой осенью, хлопкой весенней грязью, суровой долгой зимой и коротким летом, считалась самым подходящим городом для того, чтобы быть заключенным в разряд «мест, не столь отдаленных». До сих пор еще стоит в этом городе прямоугольное, глухое, почти без окон здание бывшей пересыльной тюрьмы.

В Вологде с половины июля до начала сентября 1911 года под неслыханным надзором полковника жандармского полка Иосиф Виссарионович Сталин. В сен-

Дом — музей И. В. Сталина в Вологде (вверху). Комната, которую занимал И. В. Сталин (внизу).

БОРОВА, ДОМ, ГДЕ ЖИЛ В. М. МОЛЧОВ ПО ВРЕМЕНИ СЛУЖБЫ.

тябре товарищ Сталин без разрешения полиции выехал в Петербург, был арестован и в декабре того же года снова сослан в Вологду на три года под гласный надзор полиции.

В отношении от 16 декабря 1911 года Петербургское охранное отделение уведомляло Вологодское губернское жандармское управление, что «...по рассмотрению особым совещанием... обстоятельства дела о кр-не Тифлисской губернии и уезда, села Диди-Дяло Иосифе Виссарионове Джугашвили, изобличенном в революционной деятельности».

г-н министр внутренних дел постановил: подчинить Джугашвили главному надзору полиции в избранном им месте жительства, кроме столиц и столичных губерний, на три года, считая срок с 5 декабря 1911 г.»¹.

За речкой Золотухой, на набережной Осоевнихима, уцелел с тех времен бревенчатый дом. Он сложен по-северному, по-старинному. Дом двухэтажный. Внизу жила семья хозяйки Сазыкиной, верх занимала жилища, швея Корпусова. Часть своего жилища — маленькую горенку за кухней — эта швея, в свою очередь, отдавала в наем.

Единственное оконце горенки выходит во двор. Свет из окна падает на снег. Таким запечатлено это здание на офорте художника Е. П. Шильниковского.

Сквозь щели в ставнях окна из ночи в ночь пробивался свет. За этим домом, за этим окном с плохо пригнанными ставнями следили вологодские шпики.

В те времена в Вологде, как и повсюду в провинции, жизнь рано замирала в домах, и потому свет, который был виден из-за ставен и окне дома Сазыкиной, казался особенно ярким. На самом деле там, внутри, горела только керосиновая лампа. Свет падал на стопку книг, на раскрытые тетради.

Этот немеркнущий свет из окна, эта комната с простым дощатым столом, заваленным книгами, запечатлены многими художниками. Лучшие произведения на эту тему — офорты художника Шильниковского — находятся в Москве, в Музее Ленина. Этому художнику, северянину, уроженцу города Великий Устюг, удалось с возвышенной простотой передать то волнение сердца, какое ощущает каждый человек, прочитав скромную надпись на доме Сазыкиной: «Здесь жил Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин)».

В январе 1912 года, когда Сталин жил в Вологде, он на Пражской общепартийной конференции заочно был избран членом Центрального Комитета партии большевиков. На конференции был создан практический центр для руководства революционной работой в России (Русское

¹ «Красный архив», 1941, том II, стр. 23.

бюро ЦК) во главе со Сталиным. Эта конференция была крупнейшим событием в жизни партии. Она изгнала меньшевиков из партии и положила начало партии нового типа, партии ленинизма, большевистской партии.

В середине февраля по поручению Ленина в Вологду к Сталину приезжал Серго Орджоникидзе, чтобы лично сообщить ему о решении Пражской конференции.

Спустя два месяца, в феврале 1912 года, Сталин совершает смелый побег из вологодской ссылки.

Но ведь полиция следит за ним и днем и ночью. О каждом его движении шпики составляют отчеты. Вот отрывок из донесения филеров, наблюдавших в тот период за товарищем Сталиным:

«В 11 ч. 35 м. утра «Кавказец» вышел из своей квартиры и, купив газету у киоска Михайлова, пошел в магазин Ишмемятова, где пробыл 15 м., вышел с «Кузнецом», занимающимся в упомянутом магазине, постоял 5 м., расстались, «Кузнец» вернулся в магазин, а «Кавказец» в Александровский сад, где сидел и ходил по саду до 1 ч. 20 м. К нему в сад пришел «Кузнец», пройдя два раза по саду, вышли и против «Золотого якоря» встретились с «Косоглазым», постояли 5 м., расстались. «Косоглазый» пошел без наблюдения, а «Кузнец» и «Кавказец», дойдя до Свешниковской ул., вернулись и пошли в дом № 13 Бобровой по М. Козленской ул. (по дворе). Через 40 м. вышли и, дойдя до почтовой конторы, «Кузнец» пошел на почту, а «Кавказец» остался дожидаться и прохаживаться около почты, где ввиду невозможности близко находиться из вида были утеряны и более выхода и прихода «Кавказца» до 9 ч. 15 м. вечера не замечено. Шпалаев, Ильчуков»¹.

И так — минута за минутой — все двадцать четыре часа.

Бежать из города, где по пятам ходят за тобою шпики, — дело сложное, требующее смелости, осторожности.

...Иосиф Виссарионович вышел из дома в черную ночь. Перед домами в Вологде палисадники; в этих палисадниках поднимаются высокие, раскидистые, разнородные тополя и кривые березы. Февральской ночью здесь так тихо, что можно слышать, как падает снег. Снежинки гают на щеках. Ветер звенит обледенелыми ветками. За каждым деревом мог быть враг.

22 апреля 1912 года И. В. Сталин был арестован в Петербурге и сослан, на этот раз в Нарым, в далекую Сибирь. Но уже в сентябре, после нового побега, Сталин вернулся в Петербург, к руководящей революционной работе.

¹ «Красный архив», 1941, том II, стр. 16.

ВОКРУГ ВОЛОГДЫ

На всем Лесном Севере селений больше всего вокруг Вологды. Пашни и лугов здесь больше, чем леса. Хотя деревушки и невелики, как всюду на Севере, но из одной, через холмистые передоски и вьвы, почти всегда уже видишь следующую. Огороды пригородных подсобных хозяйств перемежаются угодьями совхозов и колхозов.

Если отойти от города несколько дальше, вас охватит своим таинственным очарованием лесная стихия Севера. Правда, лес здесь еще не так суров, в пейзаже еще много черт средней полосы России, среди хаоса трепещут листья берез и осин. В вологодском лесу еще редки непроходимые «чарусные» болота, в которых самой длинной жердью не достанешь дна. Здесь еще много приветливых солнечных полянок.

Здесь, в сравнительно густо заселенных местах, на каждом шагу видна борьба леса и пашни. За годы советской власти посевные площади в Вологодской области выросли почти в полтора раза. Можно зрительно убедиться в том переломе, который произошел в экономике северного сельского хозяйства, ставшего колхозным. Север перестал быть краем только «потребляющим», как выражались дореволюционные экономисты, — он стал «производящим». И не только потому, что теперь на Севере много собственного хлеба. Сильно расширились и посевы знаменитого вологодского льна. Поля наступают на лес, отвоcывают гектар за гектаром. Именно это и создает ту мозаику пашни и леса, которая делает весь пейзаж необычайно живописным.

До революции северная деревня знала только «серые» хлеба — рожь, ячмень, овес. Пшеница — лучшая из зерновых культур — здесь почти не была известна. Вывести морозостойкие сорта пшеницы, провести большую селекционную и опытно-агрономическую работу для приспособления пшеницы к северным условиям, обеспечить посевы пшеницы необходимыми удобрениями, добиться того, чтобы эта гостья с юга стала и на севере давать высокие урожаи, оказалось под силу только социалистическому строю, только коллективным хозяйствам, опирающимся на помощь советского государства, на помощь самой передовой науки. Не старой, нищей деревле, перебивавшейся на мякине да лебеде, было заводить опытные участки, создавать хаты-лаборатории, консультироваться у академиков! Появление наряду с «серыми» хлебами пшеницы, уверенно вводимой в хозяйство северной деревни, — одна из замечательных побед советской власти. Вместе с общим продвижением земледелия на север, далеко за провозглашенные старыми специалистами «абсолютные» границы его, происходит и качественная перестройка земледелия в тех районах Севера, где земледелие истарии существовало, но было примитивным, находилось на низком уровне.

В послевоенной пятилетке посевные площади еще более расширятся, а главное — возрастет урожайность. За пятилетку сбор зерна должен увеличиться в области в полтора раза, а льна — в два с половиной раза.

Лен становится теперь важным источником зажиточности вологодской колхозной деревни. В былые времена лен обогащал лишь кулаков да скупщиков. В своей книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин подробно показывает, как в пореформенной России создание особого района торгового земледелия, специализированного на льне, способствовало разложению крестьянства, эксплуатации рядовой крестьянской массы и обогащению лишь торговцев да кулаков-скупщиков, которые владели некоторыми необходимыми льноводам машинами (например льномальными) или могли сдавать в аренду клочки земли под посевы льна.

«Превращая льноводство в азартную игру, — писал Ленин в упомянутой книге, — капитал разорял массы мелких земледельцев, которые ухудшали качество льна, истощали землю, доходили до сдачи паделов и в конце концов увеличивали число «отхожих» рабочих»¹. Только в советское время льноводство, заняв видное место в хозяйстве колхозов Вологодской области, стало тем, чем должно быть, — передовой отраслью местного земледелия.

Когда путник едва заметной тропой пробирается по нависшему над ним, окружающему его лесу, когда глаза уже привыкают к зеленой полутьме, он поневоле замуривается от неожиданно ярко блеснувшего неба. Посредине леса голубым озером стоит цветущий лен.

Лен по пятам следует за лесом. Он особенно хорошо родится в тех местах, где был лес; подзолистые лесные почвы — легкие суглинки и супеси — прекрасно подходят для льна. Расчищенные от леса участки колхозы прежде всего отводят под лен.

Еот поле, окруженное со всех сторон лесом. Никакого, как говорят на Севере, знака человека. Но ведь кто-то сеял. Внимательно присмотревшись, видишь помятые кусты, кое-где срубленные сучья. И догадываешься идти по этой, едва видимой во мху тропинке, пока не приведет она в деревню.

Люди, живущие в этих деревнях, издавна взращивали лен. Еще в стародавние времена, когда яркие кумачи и пестрые китайки были недостижимой для здешнего крестьянина роскошью, вологодская деревня одевалась в холсты и полотна, сотканые руками усердных хозяек из своего вологодского льна. Из более грубого льна здесь вязали

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 244, изд. 4-е.

сети, и самая топкая, шелковистая прижа шла на плетение знаменитых вологодских кружев.

Сейчас домотканную одежду встретить здесь довольно трудно; вологодские колхозники, как и все сельское население нашей страны, предпочитают промышленные ткани. Почти весь лен, собранный на здешних полях, идет теперь для промышленной переработки; мы видели уже в Вологде громадные корпуса нового растущего льнокомбината.

Но одно из замечательных, высокохудожественных кустарных производств, созданных вологодской деревней, живет и сейчас. Это — плетение кружев.

История вологодского кружевоплетения начинается примерно с XIV века. Искусство это было занесено на Север еще выходцами из новгородских земель.

Особенно славилась своим искусством кружевницы села Усть-Кубенского. Раньше еще издали, когда подходишь к этому селу, было слышно, как стучат коклюшки, будто кто играет на ксилофоне — молоточком по деревянным дощечкам. Такой же стук коклюшек можно услышать и в вологодских селах и сейчас.

Кружевоплетение так глубоко вошло в быт вологодского крестьянина, что там редкий мужчина или женщина не умеет плести. В Вологде организована кружевная школа.

У вологодских кружев — большое будущее. Недаром о них написано в плане послевоенной пятилетки.

А ведь эти замечательные вологодские мастерицы, настоящие художницы, в старое время выручали за редкие по изяществу кружева жалкие гроши; весь получаемый барыш припадал к жадным рукам скупщиков и перепродавцов. Современные кружевные артели — прекрасный образец того, что может дать советскому колхознику производственная кооперация. Сейчас в вологодской деревне кружевной промысел является не средством эксплуатации, а источником дополнительной зажиточности.

Другая специальность вологодской деревни — молочное животноводство. Здесь не разводят коров симментальской, красивой немецкой или швейцарской породы. Вологда известна своей местной породой. Это так называемая ярославско-вологодская порода. Племенные совхозы Вологодской области — из них главный Чебсарский — дали десятки тысяч голов высокопродуктивных коров и производителей. Завести отличный скот помогли богатые корма, которыми славятся здешние заливные луга. Луга и сенокосы широкой пышной каймой бегут вдоль рек. Когда поспевают травы, аромат свежежескошенного сена стоит над водою и у лесных опушек.

Впрочем, и суходольные вологодские луга, разбросанные по бесчисленным лесным полянам, получают достаточно влаги от обильной росы и дождей и дают превосходные укусы сочной и вкусной травы. А сочная (но не водянистая!) трава — важное условие для получения хороших удоев.

Северное сено содержит много питательных веществ, которые биохимики относят к группе «молокогонных».

Есть здесь и сеяные травы. Вологодская область — родина знаменитой травы тимopheеки. За годы советской власти посевы кормовых трав в области увеличились более чем в десять раз, то есть еще больше, чем посевы льна.

Вологодское молоко — густое и жирное. Это знает каждый, кто его пил — с толстым ломтем ржаного хлеба — у приветливой хозяйки, доставшей из погреба холодящую крынку, чуть не наполовину наполненную сливками.

Об этих качествах молока говорят анализы, которые тщательно производятся на всех пунктах, где принимают молоко. Процент жира в зрелом молоке, как правило, превышает 4. Все это достигается не только выдачей хороших кормов вологодским коровам, но и специальным уходом за ними и лучших колхозах и установлением индивидуальных режимов кормления и рациона. Обычно вологодские коровы, особенно прославленные «дояшинские», дают удой не ниже 2—2,5 тысячи литров в год; на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке перед Великой Отечественной войной были отмечены еще более высокие показатели по отдельным колхозам и совхозам. В молочнотоварной ферме колхоза «Серп и молот» Вологодского района в 1938 году средний удой на корову достигал, например, почти 3 тысяч литров в год. Сточный удой отдельных коров-рекордисток достигает 27 литров.

Задача заключается в том, чтобы эта культура молочного хозяйства распространилась на все колхозы.

В послевоенной сталинской пятилетке молочное хозяйство Севера делает новый шаг вперед. Удой в среднем должен увеличиться по Вологодской области в сравнении с довоенным более чем в полтора раза.

Здесьняя округа — центр производства молочных продуктов. «Вологодское масло» из обозначения места производства стало торговой маркой, широко известной не только в СССР, но и на мировом рынке. По своему качеству оно превосходит самые лучшие сорта масла других стран. На станции Сухона выстроен крупный завод молочных консервов. Производят в области и различные сыры. Промышленность, перерабатывающая молоко, за исключением нескольких лишь пред-

призний, например Суховского завода, децентрализована: в каждом колхозе есть сепараторная установка, в каждом районном центре или крупном селе — маслодельный или сыроваренный завод. В послевоенной пятилетке по селам строятся новые механизированные маслозаводы.

Молочное производство требует исключительной чистоты посуды, одежды, помещения. Чистоплотностью в быту, вообще характерной для северян, славятся и вологодские крестьяне.

Приветлив и живописен пейзаж вологодской деревни. Среди заливных лугов, на пригорках и на обрывистых берегах, среди густых лесов, на полянке или у тихой веселой речки стоит высокие крестьянские избы.

В архитектуре северных народных построек лежат истоки многих форм всемирно прославленного древнерусского зодчества. В каменных башнях, соборах, теремах заметны черты деревянных строений, красота которых тем более поразительна, что северные деревянные здания сооружались народными мастерами лишь с помощью топора — без пила и без гвоздей.

Гражданских деревянных построек, возведенных в давние времена, на Севере почти не осталось. Но старые деревянные церкви еще стоят по берегам северных рек — по Сухоне или Онеге, Суде или Угрюме.

Впервые в самой Вологде, в пропорциях ее Прилуцкого монастыря, путешественник чувствует сказочную гармонию и легкость этого знаменитого русского зодчества. А затем встречаешь шатровые купола и строгие эллипсы по вологодским деревням.

Видишь эти здания среди лесов, и начинаешь казаться, что они сами тут выросли, как растут ели. Сначала, наверно, выбилась из земли острая луковича купола. Поднялась вверх, потянула за собою шею, крышу со скатными перекрытиями, вешуей кровель, похожей на лапы раскинутых шатром еловых ветвей, и выбросила в небо золотые стрелы крестов, стройную молодую макушку.

Сколько должно быть там, наверху, куполов — синих, золотых, узорчатых или гладких? А сколько угодно! Где один купол, а где и все двадцать четыре. Они раскинуты на крыше, как цветы в траве. Где пореже, а где и гуще. Но бывает ли в поле хоть один лишний цветок? Так и купола эти несчетанные, и ни один не теснит другого.

В чем секрет этой чудесной прелести русской архитектуры? Не в симметрии и пропорциональности, — вот тут математических формул, нет сухой геометрии, здесь работали не циркулем и линейкой, а природным талантом. Прелесть не в точном совпадении линий, а в общем сочетании всех частей.

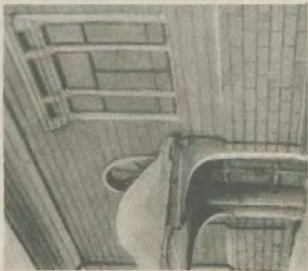
Где, кроме русского Севера, найдешь такие витые или наизиганные друг на друга, будто каменные бусы, колонны? А наличники окон, причудливые, словно кружево! Что за беда, если колонны неодинаковой толщины или неравны окошки. Но в у живого цветка не все лепестки одинаковы, не все рыльца. В этом-то и есть его живая прелесть.

Недаром говорится: у русского народа песни, что венок, стих, что цветок.

Ведь и деревья растут по-разному. Но иное кривое так живописно раскинет ветви над водою, что невозможно и подумать о том, чтобы оно выпрямилось.

Одно из замечательных деревянных сооружений древнерусской архитектуры издадолго перед Великой Отечественной войной перевезли с далекого Севера в Коломенское под Москву. Это надаратная башня Николо-Карельского монастыря, построенного в XVII веке на берегу Белого моря. Она стоит сейчас среди других — уже каменных — шедевров старинной русской архитектуры, которыми так славится Коломенское. Там под открытым небом создан музей древнего зодчества.

Внутри древнерусские северные церкви расписаны чудесными фресками. Это не стены, это луга вологодские с цветами синими, малиновыми, голубыми и золотистыми. Это лен, голубой цветок Севера, это кружева нубенские, чернь устюжская в работе безымянных мастеров-живописцев. И не случайно летом 1946 года, когда в Московском Кремле тщательно реставрировалась стенная роспись старинных соборов, была отправлена специальная экспедиция в Вологодскую область, которая славилась своими замечательными минеральными красками.

Вологда. Деревянный ампир (слева).
Жилой деревянный дом (справа).

Вологодские кружева.

Здание Драматического театра в Вологде (вверху). Здание Лесотехнического института в Архангельске (внизу).

Архангельск. Улица в пригороде (вверху слева). Деревянное многоэтажное строительство (вверху справа). Гостиница на углу проспекта Павлова и Виноградова и Поморской улицы (внизу).

Лучшие фрески родились в давние времена, когда церковь, способствуя освоению ранее пустынного Севера, выполняла в известной мере и культурную миссию. Но позже невежественные попы и монахи больше занимались поборами с крестьян за требы, мелкими приходскими дрязгами, угодничеством перед начальством. Мало дорожившие сокровищами искусства, они часто замазывали чудесные старинные фрески «более современной» росписью. Но кое-где все же сохранились подлинные шедевры стеной живописи.

Русское народное искусство с его высотой духа и мысли и глубоким реализмом встречает нас на пороге древнего русского Севера церквами-музеями.

Вокруг этих музейных древностей бурлит сегодняшняя жизнь. Когда на заливах лугах и поймах поспевают травы, вся деревня в праздничных нарядах высыпает на берег речки — то быстрой, прозрачной, на дне которой виден каждый камушек, то медленно-ленивой, с «черной» водой, цвет которой говорит о ее рождении среди торфяных болот. В воду сталкивают выструганные из целых стволов лодки-стружки.

С песнями и гармоникой, с пирогами забирается все колхозное село на стружки и, отталкиваясь шестами, движется вниз, иногда за тридцать-сорок километров — к лугам.

Начинается косьба. Косы сверкают на солнце.

— Какой в лесу страшный зверь? — спрашивают здесь.

— Медведь.

— Ах, нет, — засмеются, — комар.

К комарам присоединяются еще гудящие низким басом тяжелые, мохнатые оводы.

Но вот сено скошено, сложено в стоги, и весь стап собирается домой. Часть скошенного сена вывезут на лодках, а часть оставят на месте. Оно будет стоять до зимы, когда за ним придут на санях по снегу.

Приходит время жатвы. Пока взрослые колхозники работают в поле, ребятки и старухи, вздев на плечи большие ведерные короба и тессы, отправляются в ближний лес по ягоды.

Ягоды здесь не собирают, а «гребут» лопатой. Эти лопаты называются «грабилками». Ягода здесь — и черника, и брусника, и морошка — стелется ковром. Иногда придут на ягодное место, увидят одиносты. Значит, медведь здесь был, всю ягоду объел. Тогда бегут подалее, — тут уж не до ягод.

Ягоду привозят в деревню возами. Ее сушат, мочат, так едят...

После белых июльских и розовых августовских ночей наступает

Калина

Вру́сника

Трафаретная
сборка

бархатно-черный сентябрь. Осенние ночи здесь черным-черны — теплые и тихие, безветренные.

Опять в такую ночь сталкивают в водостружки. С них лопат рыбу «е лучком» — лучат, как здесь говорят. У носа на железной треноге ярким костром горит смола. В воде хорошо видна собравшаяся кучей к зиме «уже полусонная рыба. Ее бьют четырехугольной острогой.

А в лесу топоры стучат, ни на миг не останавливаясь. Пилы жужжат. С треском валится высокие стволы деревьев.

А когда засверкает в лесу снег, когда каждый солнечный луч брызгами бесчисленных искр отразится на свежем, не примятном снегу, начинается вывозка срубленного леса к берегу реки или к железной дороге. Затащат моторы тракторов; они здесь «на подножном корму» — пожирают не жидкое горючее, а деревянные чурки. Мохнатые, маленькие лошадки весело побегут с санями, полными бревен.

В избах женщины будут прясть, плести кружева. Из каждой избы доведется мелодичный стук коклюшек. В свободный от зачатый час за коклюшками можно увидеть даже школьника.

Прошли времена, когда в избах Севера коротали вечера за лучиной. В послевоенной пятилетке в селах Вологодской области будет построено свыше шестисот электростанций! Они осветят колхозные избы. Они внесут уют в многочисленные дома культуры и клубы, где колхозники проводят свой досуг.

Север — сезон. Если вы видели и полюбили Север летом, непременно должны побывать здесь и зимой. Вам покажется, что перед вами совсем другая страна, с непохожими ландшафтами, с совсем другими занятиями людей. Но это тот же самый край.

ПРЯМО НА СЕВЕР

Путь из Вологды в Архангельск идет почти строго по меридиану. Шестьсот тридцать четыре километра бежит поезд прямо на север — примерно столько же, сколько от Москвы до Ленинграда. Весь путь лежит в лесах. Сплошная стена соеи и елей подступает чуть ли не к самому окну вагона; ее изредка разрывает небольшая деревенька или клочок поля, и чаще всего видишь старую гарь: леса вдоль дороги то и дело горели от искр паровозов, которые отапливались дровами.

Сколько труда вложено в эту дорогу! Она была построена в 1898 году. В старое время строительство железных дорог давало большие барыши предпринимателям. Концессию на железную дорогу в Архангельск получили воротилы акционерного общества Московско-Ярославской железной дороги. Но они использовали эту концессию очень несмело: решили строить дорогу узкой колеи. Строили ее по кратчайшему направлению через топкие, заболоченные места, строили, сдавая работы пороватым подрядчикам. Целыми десятками верст путь укладывался на зыбкой насыпи; об ее надежности подрядчики мало заботились — лишь бы сдать дорогу не слишком придирчивой комиссии, которую всегда можно умиловить взяткой, а там будь что будет. Через несколько месяцев насыпь тонула, и порядочный отрезок дороги просто переставал существовать. Недаром строительство этой линии получило в железнодорожных кругах прозвище «русской Панамы».

Наконец, дорога была кое-как достроена, и по ней побежали смелые, маленькие паровозики, немилосердно поджигавшие своими искрами лес. Архангельский лесной товар впервые появился на внутренних русских рынках. Но все же значение этой дороги оставалось очень ограниченным. Появись грозный урок первой мировой войны, напомнившей о роли северных портов, о важности связи с ними, чтобы стала совершенно очевидной необходимость перешить узкую колею на нормальную, по-настоящему построить дорогу. Вдоль всей линии был уложен третий рельс, и в течение нескольких лет по дороге шла «полоторная» колея — по ней могли двигаться и обычные вагоны и миниатюрный подвижной состав старой узкоколейки.

Потом лежащий внутри рельс убрали, а в конец извостившиеся маленькие паровозики и платформы отправили на слом.

Дорога Вологда—Архангельск прошла по слабо обжитым местам. Она внесла новую струю жизни в глухие леса. Вдоль дороги, как прежде вдоль рек, стали валить нетронутый лес.

Дорога на всем своем протяжении идет по водоразделам и не

пересекает на одной большой реки. Единственное исключение — Сухона, через которую поезд переходит скорее же после того, как поплыве Вологду; но и Сухона здесь, в своих верховьях, еще совсем маленькая, почти совсем не судоходная речушка.

На Сухоне, в городе Сокол, в тридцати пяти километрах от Вологды, уже много лет производят целлюлозу, бумагу, дубильные экстракты.

Город Сокол состоит из нескольких улиц, которые ведут прямо в колхозную деревню с хлебами, огородами, копнами сена. А деревня в свою очередь, упирается в большой, красивый городской сад-сквер.

Окаймлен этот город рекою Сухоней, а над рекою стоит громадное здание целлюлозно-бумажного комбината. Над крышей, подобно рупорам или трубам изходов, возвышаются гигантские вентиляторы. Под вентиляторами семиярусные башни с винтовыми лестницами — там варится целлюлоза.

У завода, на берегу реки — лесобиржа. Сюда по воде пригоняют самую лучшую древесину, «без сучка, без задоринки». Малейший брак — и бревно отбрасывают в сторону.

Белые, с ободранной корой, все почти одинаковой толщины, ровные и одинаково подрезанные, коротенькие метровые бревна, — их называют балансами, — едут по уакоколейке во двор завода. Здесь их будут варить, жечь кислотой и известью, очищать, отжимать, отбеливать, хлорировать, и выйдут балансы из этого кистляща тонкой и ровной струей прозрачной, как вода, жидкости. Жидкость эта выливается на широчайшую сетку машины: из-под сетки отсасывается влага. И вот прозрачная «вода», как бы застывая, тут же, на глазах, превращается в бумажное полотнище.

Рулоны голубой, серой и белой бумаги, стоны тетрадей и блокнотов везут отсюда сначала в Вологду, а уж оттуда по всему Союзу.

Бумага — это газеты и учебники, журналы и книги, географические карты и красочные плакаты. Бумага — это культура. Закон о послевоенном пятилетнем плане требует, чтобы советская бумажная промышленность увеличила производство по сравнению с довоенным уровнем на 65 процентов. Немало этого прироста бумаги даст Север.

За послевоенную пятилетку предприятия Сокола сильно расширятся. Производство бумаги на комбинате возрастет почти на треть, целлюлозы — почти на половину. Предполагается построить новый целлюлозный завод. Будет механизироваться лесная биржа, русло реки Сухоны углубится на протяжении почти километра.

Обновится и сам город. Появятся новые дома. Намечается постройка театра, музея, гостиницы.

Двигаясь по железной дороге к Архангельску, мы все больше ощущаем значение этой магистрали для вывоза леса. На полустанках все чаще встречаются длинные составы платформ, груженных бревнами, досками, на которых еще не засохли капли смолы, или свежими, белыми, словно только что вымытыми, балансами. На многих станциях — в Коноше, Няндоме, Шалакуше, Плесеце и других — особенно там, где к железной дороге подходит хотя бы крохотная речушка, еще издали увидишь высокую железную трубу лесопильного завода; земля здесь густо усыпана полусгнившей и еще свежей щепой, опилками, корьем. Штабели бревен, ровно выложенные «клетки» дров — всюду вдоль пути; часто в сторону, в глубь леса, убегает наспех проложенная змейка рельсов. Это временные лесовывозные ветки.

Лес, все лес да лес без конца, без края... И подутчики в вагоне все больше говорят о лесе, о сплаве, спорят о преимуществе летних или зимних заготовок.

От станции Обозерская налево отходит путь к Онеге и дальше на Беломорск, в Карело-Финскую ССР. Эта железнодорожная перемишка между линиями Москва—Архангельск и Ленинград—Мурманск была построена перед началом Великой Отечественной войны. Благодаря этой перемишке даже в особо тяжелое для нас время не прерывалась железнодорожная связь всей страны с самым северным участком фронта и с мурманским портом.

В мирное время эта ветка комбинирует работу замерзающего архангельского и незамерзающего мурманского портов. Благодаря ей лесозаводы, расположенные в устье Онеги, получили удобную и надежную связь. Весь лесной бассейн реки Онеги имеет теперь выход к железной дороге.

По мере продвижения на север железная дорога все больше и больше сближается с главной рекой Лесного Севера — Двиной; у Архангельска река и рельсовый путь сойдутся под острым углом. Об этом сближении говорит одна из последних перед Архангельском станций: Холмогорская. Это не знаменитые ломоносовские Холмогоры — те стоят на самой Двине, но сравнительно недалеко от того места, где на деревянном рубленом здании маленького вокзала мелькнула мимо нас надпись «Холмогорская».

Лес заметно редсеет, становится мельче. Вслед за Холмогорской мы читаем: «Тундра». Это, конечно, неправда. Железнодорожники, называвшие так эту глухую станцию, не посоветовались с географами. Чтобы добраться до настоящей тундры, надо проехать далеко к северо-востоку от Архангельска, по меньшей мере до низовьев Мезени. Но

пейзаж у станции Тундра многими чертами все же оправдывает это название. Здесь все голо и плоско. На заболоченной равнине — отдельные чахлые, искривленные деревья; если это еще не деревья-карлики тундры, то во всяком случае какие-то недоростки, недомерки. Северный ветер как бы пригибает их к земле, не дает расти вверх.

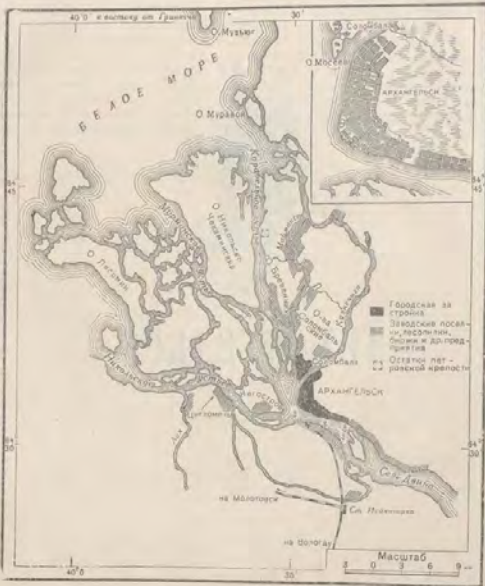
Несколькими километрами дальше к северу снова пойдет лес — немного редковатый и мелкий, но ничем даже отдаленно не напоминающий лесотундру; у станции Тундра просто местные условия для леса сложились так неблагоприятно, что создался островок, внешне сходный с пейзажем суровой тундры. Но мелькнувшее в окне вагона название вместе с этим пейзажем звучит как напоминание о том, что лесной стихией география края не исчерпывается.

АРХАНГЕЛЬСК

ГОРОД-ПОРТ

езд останавливается на левом берегу Северной Двины. Город Архангельск лежит на правом.

Берега плоски, и от этого возникает особенное чувство простора, все время не покидающее нас в Архангельске.

Река Двина идет сюда из-под Устюга и Котласа, где сливаются Сухона, Юг и многоводная Вычегда. Из дремучих лесов несут эти реки в великую Двину розовые сосновые бревна и седую ель. С неистощимого, всегда шумящего моря привозят в Двину шкуры морского заеря, треску. Плышет сюда серебристо-голубая семга. Получая грузы из самых отдаленных областей, Двина несет их на себе до самого моря; другие грузы поды-

маются по Двине навстречу. Так Двина служит как бы живой артерией для всего этого необозримого края.

Чем ближе к морю, тем Двина становится просторнее. С одного берега уже почти не различить другого. И можно ли назвать этот водный простор рекою?

Напоенная водами бесчисленных впадающих в нее рутьев и речей, опушенная вечнозеленой хвоей лесов, просторная Двина, подходя к морю, разбивается у города Архангельска на множество рукавов дельты.

Никольский рукав шириною доходит до трех километров, Мурманский и Корабельный — до двух. Маймакса будет поуже, да зато глубока.

Город Архангельск лежит как раз у начала всех этих рукавов, у первоклассного естественного рейда площадью до 50 квадратных километров. Рейд этот — сердце Архангельска.

Четыре больших рукава разделяют бесчисленное множество мелких островов. До открытого моря отсюда еще полсотни километров.

Маленький пароходик, речной трамвай, подходит к причалу. Пассажиры с поезда садятся в него, чтобы ехать в город. Речет гудок. Из трубы вылетает столб дыма. Пароходик разворачивается, и мы видим Двину — широкую, многоводную — во всем ее сиянии. С криком взмывают чайки и снова, упав на воду, сидят, покачиваясь, на волнах.

Уже наступил вечер, но ластее небо, как жемчуг, белое, а река еще светлее неба, будто в глубине, у самого дна, сияют лунные камни.

На молочно-белых волнах этой большой реки чуть колеблются стройные корпуса шхун, которые так легки, что кажутся птицами, залетевшими в силок, сплетенный из снастей и мачт. Накреннившись, скользят яхты, поставив против ветра свои паруса. Их много — целая стая. Не спеша идут вверх и вниз пузатые карбасы. Стремительные и маленькие, как заводные игрушки, пробегают катеры. Стуча колесами, движутся речные пароходы. Они пыхтят, урчат и свистят на ходу. Мимо их плывет и легко пролетают морские боты.

Глубоко сидя в воде, так что видна только узкая полоска борта, осторожно пробирается к рыбной фактории траулер с рыбой. Траулер — маленькое суденышко, всего в пятьдесят-шестьдесят метров длиной, команда его — до сорока человек. Но, оказывается, эта посудина стоит дороже иного большого парохода: машина у траулера должна быть исключительно сильной, чтобы судно могло волочить в море гигантскую сеть — трал, в который иногда за час улова попадет до пятидесяти тонн рыбы. Эти же архангельские траулеры во время войны вылавливали своими сетями вражеские мины.

Неподвижны в прозрачном небе черные силуэты груженых лесом барж. Вдоль и поперек, будто водные блохи, снуют верткие ялики и лодки. Медленно тащатся буксиры, впряженные в бесконечно длинные

плоты леса. Полкилометра, километр тянется за буксиром этот бревенчатый хвост. Местами древесины так много, что кажется, будто поверхность реки вымощена лесом. Вода сверкает кое-где, и опять бревна, бревна...

Лес штабелями, по-местному — «угорами», лежит на берегах, на островках; один из островов дельты даже называется Бревенником. Ветер приносит запах свежераспиленного дерева, похожий на аромат чуть переспелых яблок. Розовые, еще влажные доски сложены в большие четырехугольные штабеля. Они, как крыши, прикрыты поседевшими от дождей деревянными щитами. Ряды этих штабелей образуют улицы и переулочки, а переулочки, на одинаковом расстоянии друг от друга, высятся столбы фонарей. Так, квартал за кварталом, открывается нам целый город, сложенный из досок и бревен. Называется все это лесной биржей. Каждая биржа делится на две части — биржу круглого леса и биржу пиломатериалов.

У каждого лесопильного завода своя биржа, а всего лесозаводов в Архангельске больше двадцати. Они тянутся на тридцать с лишним километров вдоль Двины и ее самого судовой рукава — Маймаксы, да еще и на островах и на левом берегу стоят отдельные группы заводов. Этими лесозаводами и биржами начинается и замыкается Архангельск — город, лежащий, будто подкова, на правом, выгнутом берегу Двины.

Подойдете ли вы к Архангельску с юга или с севера, с моря или с реки, прежде всего вы увидите лесобиржи. Против каждой биржи стоят океанские лесовозы, на лесовозах, словно поднятые вверх гигантские пики, торчат погрузочные стрелы. Каждая из этих стрел, медленно опускаясь, берет с берега, как говорит портовики, «пакет» сухих досок, поднимает его от земли, несет в небо и затем опускает вниз — в трюм или на палубу.

Архангельск

На каждом корабле трепещет флаг его страны. На трубе — маяк фирмы.

В Архангельск за лесом приходят пароходы со всех концов света. К причалам одной только лесобиржи завода имени Молотова может подойти и одновременно грузиться двенадцать пароходов.

За одну навигацию в архангельский порт заходит до тысячи больших морских судов. А сколько побывает тут кораблей жаботажного плавания и речных судов!

Архангельск лежит в устье русской реки, котораяпадает в русское море. Белое море издревле и все целиком принадлежит России.

В эпоху наполеоновских войн, во время континентальной блокады, когда все побережье Европы было под контролем Франции, один только архангельский порт, благодаря своему географическому положению, был неподвластен блокаде. Движение через порт в ту пору сильно выросло. В 1808 году сюда пришло 88 кораблей, а в 1811 году — уже 452.

Во время первой мировой войны, до постройки в 1916 году Мурманской железной дороги, архангельский порт принимал военные грузы. Импорт через Архангельск в 1916 году значительно превышал предвоенный. Именно в то время для удлинения навигационного периода в архангельском порту был впервые сосредоточен мощный ледокольный флот.

За годы советской власти размах работы порта значительно возрос; одно освоение Северного морского пути выдвинуло перед Архангельском, как головным пунктом этого пути, многие новые транспортные задачи.

Соответственно растущим масштабам портовых операций шло и техническое перевооружение порта, а также расширение причальной полосы.

Новые оборудованные причалы возникли в заводских районах, где ими обслуживаются баржи, груженные пиломатериалами с новых или реконструированных лесозаводов. В порту появились новые перегрузочные механизмы. На совершенно обновленной технической основе ведутся дноуглубительные работы. Там, где раньше сотни людей гнули спину на погрузке, выросли мощные краны, одним движением переносящие через борт парохода грузы весом в несколько сот килограммов.

В грозные годы войны с немецкими фашистами Архангельск, бомбардируемый с воздуха, ни на час не прерывал работы в порту. Суровыми зимними ночами, при полном затемнении, а в сумерках короткого зимнего дня шли разгрузка и погрузка, ремонт судов, работали ледоколы, и знаменитые архангельские доцманы по узкой черной дорожке воды,

пробитой во льду, вводили караваны судов в не знающий сна архангельский порт.

Сделавшись крупным железнодорожным пунктом, Архангельск все-таки прежде всего остался морским городом.

Здесь кораблей на реке чуть ли не больше, чем домов на улице. Куда ни взглянешь — пароход, ледокол, лесовоз. Один грузится прямо с берега, бросив на вбитый в землю столб петлю «кошач». Другие стоят по всем правилам у каменной причальной стенки. Третьи красуются на рейде, величественно поджидая, пока приползут к ним баржи со своим товаром.

Вот буксир тащит широкую баржу, на которой в два ряда выстроилось шесть товарных вагонов. Это плашкоут. К лесозаводам на островах нельзя подвести железнодорожные ветки. Доски надо или грузить прямо в морские пароходы, или, если потребуются отправить их в глубь страны, перевозить баржами на левый берег Двины, на станцию Архангельско-пристань.

Чтобы обойтись без лишней перегрузки, в Архангельске построили плашкоуты с редьсами. Пустые вагоны плашкоутами подают на «кострильных» лесозаводы под погрузку.

Мало где на свете можно увидеть такую массу самых различных судов. Архангельский порт по длине причальной линии стоит на третьем месте в мире.

Северная Двина, которая вместе с Вычегдой имеет почти две тысячи километров длины, течет в рыхлых породах, сложенных по большей части глинами, суглинками, песками. Вода отрывает частицы и влечет их за собой — более тяжелые по дну, более мелкие и легкие по «взвешенном» состоянию. Здесь, у моря, где течение реки замедляется, этот, по выражению гидрологов, «твердый сток» отлагается: непрерывно растут острова дельты, в море против устья образуется длинная, пер-

пендикулярный направлению реки отмель — «бар». Из рукавов дельты самым глубоким оказывается самый узкий — он пропускает много воды, которая быстро течет и не дает песку и илу осесть. Такова Маймакса; глубины на ней позволяют почти без всяких искусственных работ пропускать суда с большой осадкой. На баре и на многих участках рейда глубины приходится поддерживать искусственно — землесосами; в иные годы такое «ремонтное» черпанье дает до миллиона кубометров грунта. Вот как велик «твердый сток» Двины.

Вычерпанный со дна грунт либо отвозят на безнадежно мелкие места — «свалки», которые не жалко сделать еще более мелкими, либо в полужидком виде перекачивают особыми рефулериными снарядами по укрепленным на поплавках трубам на берег, — туда, где требуется подсыпать, поднять сушу.

Пыхтящий на широком рейде землесос-рефулер — обычное зрелище в Архангельске: он прочищает невидимый подводный канал к какому-нибудь из «боковых» лесозаводов.

До моря от центра Архангельска — больше пятидесяти километров. И все-таки здесь каждый чувствует море. С любой улицы можно за несколько минут выйти на берег Двины и увидеть на рейде настоящий парад морских кораблей. Море напоминает о себе и приливами — дважды в сутки Двина начинает идти «вспять». Особенно велики приливы в новолуние; в это время тяготение луны и солнца действует согласно, подымая приливную волну много выше, чем в полнолуние, когда луна тянет воду мирового океана в одну сторону, а солнце — в другую. «Расписание» приливов в Архангельске хорошо знают не только моряки, но и колхозники окрестных деревень на островах дельты: они норовят плыть в город всегда с таким расчетом, чтобы и туда и обратно идти по течению.

Приливы создают своеобразное осложнение и для городского водопровода: более тяжелая морская вода поступает по дну, и, если устроить водозабор слишком глубоко, водопровод может засолониться. Такие случаи и бывали иногда в предместье Архангельска — Соломбале, где до моря ближе и приливы заметно сильнее, особенно если одновременно и ветер дует с моря. Тогда жители преспокойно шли с ведрышками на реку и на поверхности ее находили, конечно, как всегда, пресную воду.

ГОРОД НА БОЛОТЕ

Речной трамвай пересек реку и встал у своего городского причала. По деревянному трапу выходим на деревянный помост. Идем по деревянной набережной и деревянному тротуару.

Выходим на главную улицу — проспект Павлина Виноградова. Улица эта названа в память одного из руководящих советских работников Севера времен гражданской войны; он погиб в борьбе с интервентами и белогвардейцами. Тротуар этого проспекта, как и всех остальных улиц Архангельска, деревянный.

По обеим сторонам улицы стоят трех- и даже четырехэтажные каменные дома. Есть здания и в пять этажей.

Впрочем, в Архангельске привычные к дереву строители смело воздвигают и деревянные дома в три этажа, да еще сверху пристраивают какую-нибудь заливхватскую вышку. Этакий деревянный «небоскреб» вряд ли где встретишь, кроме Архангельска.

Проспект Виноградова тянется через весь город вдоль Двины. Ему конца-края не видно...

От Двины проспект Павлина Виноградова отделяет полоса небольших кварталов. В них сосредоточены все важнейшие общественные здания: театр, Дом Советов, Дом связи; огромный корпус «Северолеса»; вдоль самого берега протянулась Набережная улица. Идешь по ней — мимо старинного невысокого массивного здания таможни, напоминающего о временах Петра I, мимо украшенных цветами могил жертв гражданской войны, по широкому бульвару, где над клумбами и у спусков к воде возвышаются белые скульптуры физкультурников, — и не отводишь глаз от панорамы Двины и рейда.

Свернули на боковую улицу, пересекли проспект Виноградова, прошли еще несколько шагов и очутились в болоте. Белый сфагновый мох. Вершины сосен человеку по пояс, но это взрослые деревья. На их скрюченных, узловатых ветках зреют шишки. Архангельск тянется вдоль берега на много километров, а в ширину тут всего пять параллельных улиц. До революции их было только три.

Петроградский проспект — третья улица от берега — был совсем недавно пределом, дальше которого город почти нигде не шел в глубь болота.

Архангельск. Вид с реки на город.

На углу Печорской улицы и Петроградского проспекта не так давно пасся скот, а на мостках сидел мальчик, который получал «жалованье» за то, что должен был звать народ, как только корове или лошади завязнет в болоте.

Для того чтобы на таком болоте постронть дом, в грунт вбивали деревянные сваи длиной в шесть и даже восемь метров. На сваи ставили плот, на плоту воздвигали жилища. От дома к дому протягивались узкие, сложенные из жердей тропки. В Архангельске их называют мостками, и сейчас во многих районах города можно ходить и ездить только по таким мосткам. Между мостками еще совсем недавно собирали клюкву и морошку. Тут же между мостками растет в Архангельске такой невзрачный с виду, но изумительно ароматный цветок — поповник. Этот скромный цветок насыщает своим медовым запахом все наши северные города — и Сыктывкар, и Вологду, и Великий Устюг...

На сваях сооружено большинство домов и в прибрежной полосе, где улицы проходят по моренной гряде. Сверху этот плотный минеральный грунт прикрыт слоем торфа иногда в несколько метров. Сваи здесь «не висят», как и в «бездонных» болотах на окраинах города, а упираются в моренную гряду. Только под самые капитальные здания заложены глубокие фундаменты с подвалами. Они до конца прорезают слой торфа и лежат на моренной гряде. Так, подвальные этажи новой гостиницы на углу Поморской улицы и проспекта Павлова Виноградова прорезали слой торфа толщиной в шесть метров.

При строительных работах в Архангельске часто обнаруживают старинные мостовые из бревен или булыги, утонувшие в торфе.

Теперь болота осушают, прорезая их канавами и высасывая таким образом грунтовую воду. Болото утрамбовывается, ссыхается, трескается. Земля оседает. Город становится на твердую почву.

Но кое-где в отдельных местах сваи, на которых были поставлены дома, обнажились, и дома как бы повисли в воздухе. Кое-где они стоят не по отвесу, а накренившись.

Архангельск. Ледокол при входе в док.

В Архангельском порту. Погрузка пиломатериалов (вверху). Погрузка
строительного материала (внизу).

Архангельск. Лесопильный завод (вверху). Мосеев остров (внизу).

Автолесовоз (вверху). Биржа готовых лесоматериалов (внизу).

Советское государство отпускает средства не только на осушение болот, но и для устранения этих своеобразных нежелательных последствий осушки. Ведь это, пожалуй, единственный в своем роде случай осушки уже застроенных территорий! И хотя все это стоит очень дорого, нельзя же допустить, чтобы первоклассный морской порт продолжал жить на болоте и строиться лишь вдоль берега, благо там естественная моренная гряда и грунт, удобный для поселения. Уж и так Архангельск изогнулся вдоль берега длинной, узкой подковой, строясь по этой моренной гряде. В послевоенной сталинской пятилетке разворачивается капитальная осушка Архангельска.

Стоя тут, на краю этого удивительного города, налево видишь дымящую трубу парохода, а направо, совсем рядом, пасутся коровы и козы. Рукой подать в обе стороны.

Кажется, возьми мяч, размахнись, и он отсюда, с болота, перелетит через город и упадет на палубу корабля.*

Вот до чего узок Архангельск!

Город этот со своими поселками так растянут и разбросан, что даже географические координаты его приходится указывать в их крайних значениях: Архангельск занимает пространство между $64^{\circ}20'$ и $64^{\circ}45'$ северной широты и между $40^{\circ}00'$ и $40^{\circ}50'$ восточной долготы.

И когда познакомишься с планом этого необычайного города, в котором за каждым из концов узкого заостренного «серпа» тянутся еще на десятки километров лесозаводы со своими поселками, когда узнаешь всю эту парадоксальную строительную геологию, еще более удивительным покажется обыденный вид городских улиц в центре, где все такое же, как почти во всяком советском областном центре: и большой Дом Советов, и обширная площадь перед новым городским театром, и

Архангельск
Парофья

центральный почтамт с полукруглым выступом вроде сплошь застекленной кормы корабля, и новые школы, и гостиница с универмагом...

Стрелка часов уже приближается к одиннадцати. Но солнце сияет на светлом небе, стоит высоко и, кажется, вовсе не собирается садиться. Может быть, это одиннадцать утра? Люди ходят по улицам, поют, смеются. Звенит трамвай. На скамеечках против набережной сидят девушки с моряками, одетыми в бушлаты. У Двины, на длинном бульваре, под которым мощные землесосы-рефулеры «намыли» широкий искусственный пляж, светлыми летними ночами собирается молодежь. Это излюбленное место гулянья. От причалов ахт-клуба отрываются парусники и летят по светлой широкой глади реки...

Далекое очертания берегов висят в воздухе, словно отделившись от воды. Это мираж. Неравномерно нагретый воздух неправильно преломляет лучи света. Мираж на Двине так обычен, что никто ему не удивляется.

Но людям, попавшим за 64-ю параллель в первый раз, невозможно отвести взгляд от этих бледносерых, висящих в небе берегов. Невозможно лечь спать в городе, где небо не темнеет, а только белеет к полуночи.

А впрочем, и сами архангельцы мало спят в эти ночи. Здесь говорят: «Изо сна шубы не сшить, зима придет — отоспимся».

Солнце медленно, как бы нехотя, но все же опустилось к реке. И тут вдруг на кораблях разом вспыхивают флаги. Этот огонь перекидывается и на берег, зажигает верхние этажи бревенчатых домов, их крыши, и весь Архангельск теперь медово-золотой, сам на себя не похожий. Каждый дом, каждое бревнышко само собою светится.

Постояв немного на собственном отражении, солнце, наконец, ушло за горизонт, оставив на небе широкий плащ зари.

В средней полосе Союза зари зажжется и погаснет. Тут она летом неугасима всю ночь.

А по Двине все летят, словно сорвавшись с белого неба и обратно на небо, лодки с оранжевыми от зари парусами.

Эта удивительная ночь так ясна, что можно даже разглядеть горы круглого леса, лежащие далеко на островах.

Говорят, встарину такими ночами девушки низали жемчуг и вышивали золотой канителью свои шелковые пояса. Не зря зовется здешнее море Белым.

Летней ночью Белое море словно подернуто перламутром.

ГОРОД-ЛЕСОНИЛКА

Мимо черных причалов, мимо лодок со свернутыми парусами все ползут и ползут плоты древесины. Они тянутся туда, где в высоком круглом небе темнеют силуэты лесопильных заводов. Больше всего их на Маймаксе.

Плот подходит к бревнотаске — деревянной башне, которая движется по рельсам вдоль береговой «стенки» биржи. На бревнотаске вертикально укреплены бесконечные цепи с крючьями. Они подхватывают бревна с воды, вздымают их вверх и сбрасывают. Бревно катится вниз и останавливается по всем правилам законов механики там, где ему намечено. На это бревно скатывается с бревнотаски второе, третье, и так, пока не будут уложены все бревна с плота. Потом бревнотаска переезжает и принимает другой плот.

Покатая поверхность скатившихся одно на другое бревен образует угод, отвечающий тому, что в технике называют «углом естественного откоса». Подобно крутому крылу гигантской птицы, эти горы кругляка почти отвесно спускаются к воде и полого «сходят на-нет» в глубину биржи.

Ночью, в свете немеркнувшей зари, бревна, лежащие на берегах, кажутся зеленоватыми, будто покрытыми мхом. Эти «угоры» высотой с четырехэтажный дом, расположенные на обоих берегах Маймаксы, где стоят лесопильные заводы, образуют сплошной коридор, по которому движутся плоты и пароходы, катеры и речные трамваи. К зиме на берегах собирается столько бревен, что из-за них даже заводы не видно. А весной они словно растаяли — ни оляго угора кругляка не увидишь, все распилено на доски и сложено в дощатые штабели.

Каждый завод в среднем за год пропускает столько древесины, что из нее можно выстроить большое село. А из леса всех здешних заводов можно было бы ежегодно возводить по такому городу, как сам Архангельск.

Для того чтобы притащить всю эту массу леса к заводам по сушке, понадобилось бы несчетное число поездов и тракторов. Но бревна, идущие к Архангельску, путешествуют только по рекам.

До революции много леса шло за границу в сыром, необработанном виде. Такой лес ценится гораздо ниже. Теперь, при советской власти, почти весь пиловочник, рассчитанный на экспорт, перерабатывается. Ну, а мелкотоваряки? К Архангельску идут миллионы кубометров балансов.

Раньше балансы служили только сырьем для экспорта. За годы сталинских пятилеток под Архангельском, в местечке Мечка-Полой, выстроен большой целлюлозный комбинат, перерабатывающий балансы для нужд нашей страны. Если бы мы проехали туда на речном трамвае, поднялись на высокий здесь левый (моренный) берег Двины, прошли мимо грандиозных бирж, заглянули в выросший тут целый городок просторных цехов, мы увидели бы картину, знакомую нам уже по Соколу. Только здесь размах шире, масштабы крупнее, техника новее: ведь целлюлозно-бумажные предприятия Сокола сложились на базе старых дореволюционных заводов, а комбинат в Мечка-Полое создан заново, это детище советской эпохи.

В послевоенной сталинской пятилетке лесопромышленность Архангельска продолжает расти. Предполагается, например, построить новую мебельную фабрику.

Вернемся опять на берега Маймаксы, этого лесопильного центра Архангельска.

Почва здесь завалена щепой, опилками, чурками, корьем. Ходить по такому грунту очень утомительно, ноги то проваливаются, как в песок, то скользят, словно идешь по рыбьей чешуе, то заплетаются, минуя груды обрезков досок и бревен.

Курить на улице в таком поселке нельзя. Здесь ведь даже почва — готовый костер, который может загореться от случайного окурка. Для курящих на перекрестках устроены особые загородки со скамейками вокруг бочки с водой, врытой в опилки. О пожарной опасности всюду напоминают надписи.

Рядом с русским «Не курить» часто видишь английское «No smoke» — это для иностранных моряков, ведь их здесь сотни перебивают за лето.

Когда хотят озеленить эти места, то приходится рыть в щеле ямы и засыпать их привезенной землей.

На такие искусственно созданные среди опилок островки высаживают цветы и березы.

С воды непрерывным потоком взгромождаются на лесотаски все новые и новые бревна.

Но бревна прощаются тут с водой еще не окончательно. Прежде чем пойти в распиловку, им придется еще раз окунуть свои круглые бока в воду — на этот раз в воду особых бассейнов-акваторий перед главным фасадом лесопильного завода. Вода здесь не замерзает даже зимой — ее искусственно подогревают паром.

Перебегая по пересекающим акваторию зыбким мосткам, рабочие производят окончательную сортировку бревен. Подталкиваемое багром, покачиваясь на воде, тяжелое бревно направляется к стене завода, образующей одну из сторон бассейна. Здесь в воду спущены особые лотки с движущейся цепью. Каждый лоток ведет к лесораме. Цепь захватывает бревно, оно ползет вверх и, еще мокрое, идет прямо в «пасть» рамы. Не смолкая, несетса из здания воющий визг этих рам, за несколько минут распиливающих вдоль огромное бревно.

А с заводов на биржу пиломатериалов текут и текут свежие доски. Свежие и еще влажные, они издали кажутся мягкими, как масло.

От завода к бирже доски подтаскивают похожие на паука машины на высоких тонких ногах — автолесовозы. В Вологде мы видели завод, выпускающий эти машины, а здесь видим их за работой.

Такой паук-автолесовоз наезжает с размаху на доски, берет себе под брюхо пакет и бежит с ним по деревянной мостовой на биржу.

Крепко зажав груз, он добегают к штабелю и сразу сваливает весь пакет досок вниз, чтобы бежать за новой порцией.

На лесной бирже к доскам приставлен штабелер — специальная машина, которая укладывает их в высокие, как многоэтажные дома, штабеля.

За зиму вокруг каждого завода выра-

капитан
из Соломбальска

Лес 3

стают большие дощатые города, но летом с каждым днем штабелей становится все меньше и меньше.

Доски грузят на суда и везут в Голландию, в Англию, в Бельгию, в Америку, в Африку, во все страны мира.

К осени все доски вывезены. На голой площади одиноко стоят столбы фонарей. Они горят и осенью. Ведь биржа — даже пустая — вся выстроена из дерева, и охрана ее пожарниками не может прекратиться. Пожалуй, ни в одном городе пожарная охрана не поставлена так высоко, как в Архангельске. Недаром в суровые годы налетов фашистских поджигателей, стремившихся разбомбить такой важный порт, здесь не случилось ни одного «настоящего» по архангельским масштабам пожара; возникавшие местные очаги огня быстро тушились.

Существующие в Архангельске электростанции питаются только отходами лесопиления и все же не могут этой массы поглотить. В заводском предместье Архангельска Соломбале в годы сталинских пятилеток построен целлюлозный комбинат. Комбинат в Мечка-Полое работает на приплавных балансах, а Соломбальский рассчитан специально на переработку отходов лесопиления. Но и ему не переработать всей имеющейся здесь щепы и опилок.

Развиваются и другие лесохимические производства: например, из отходов древесины путем гидролиза начали получать спирт. Но проблема отходов всем этим еще не полностью снимается. Если систематически не убирать отходы, они за несколько суток вовсе завалят любой завод.

В прежние времена эти отходы сжигали на громадных огнищах; но для нашего советского хозяйства этот способ, конечно, неприемлем.

В Архангельск приходит лес со всего

бассейна Северной Двины — с Вычегды, Выми, Сухоны, Ваги, не считая других рек, речушек, притоков. Бассейном Двины охвачена площадь, равная иному большому государству.

Но Архангельск — единственный на Севере «устьевой» город-лесо-пилка.

В город Онегу, например, приходит лес со всех рек Онежского бассейна; в город Мезень течет лес из мезенских лесов.

И Онега и Мезень стоят на больших судоходных реках. И в Онеге и в Мезени работают лесопилки, и лежат вокруг заводов уборы бревен, и стоят сложенные из досок «домики» на лесобиржах, и приходят в онежский и мезенский порты пароходы-лесовозы. Но после Архангельска Онега и Мезень показались бы нам не такими крупными — здесь все то же, что и в Архангельске, да масштаб не тот. Из десяти Мезеней или пяти Онег не получится одного Архангельска.

Те масштабы переработки, привоза и вывоза леса, которые исторически сложились в Архангельске, дали ему роль единственного в своем роде центра лесопиления, значение всесоюзной лесопилки, оснащенной новейшей техникой. В задаче, поставленной послевоенным пятилетним планом, — увеличить по Советскому Союзу выпуск пиломатериалов на 14 процентов по сравнению с довоенным — Архангельску принадлежит почетное место: ведь это ведущий центр лесопиления, ступок самой передовой техники лесного дела, аккумулятор огромного производственно-трудового опыта.

Недаром созданный здесь уже в советские годы Лесотехнический институт (сокращенно АЛТИ) стал одним из центров подготовки инженеров лесной промышленности. В АЛТИ учатся несколько тысяч юношей и девушек; питомцев этого института можно встретить далеко за пределами Архангельской области, в любом районе, где растет лес, в любом городе, где есть лесопильные заводы. Огромный белый корпус АЛТИ — он уже не раз надстраивался и расширился по мере роста института — возвышается над Двиной; его отлично видно даже с девого-

Завод
трешниц

Выгрузка рыбы
с траулера

берега, от самого вокзала. В небольшом сквере-дворике перед главным фасадом воздвигнут бронзовый памятник Ломоносову.

Архангельск — прежде всего город леса. Но это еще и город рыбы.

Между архангельскими лесобиржами и лесозаводами, завоевав единственное свободное от лесоматериалов место, стоят на берегу и греются чаны с тресковой печенью. Из нее вываривают золотой, как мед, рыбий жир.

Это рыбная фактория. Малейшее дуновение ветра далеко несет запах жира, клея, рыбьей муки и свежей морской рыбы. Траулер только что подошел к причалу фактории. Из его люков, словно из какого-то необъятного чрева, бочка за бочкой ползет добытая за рейс рыба. Бочки поднимаются на каретку, и погрузочная стрела несет их и опрокидывает в мойку. Здесь рыбу вскрывают, потрошат и бросают в воду. Из мойки вода выносит рыбу в бассейн, из бассейна рыба попадает на конвейер, и тут работники на лету схватывают рыбины одну за другой и швыряют их, разбирая по сортам, на тачки.

Особенно удивительны большие рыбы с пестрой, как у барса, шкурой — зубатки. Из их кожи на архангельском кожевенном заводе делают сандалеты, дамские сумочки, тапочки.

За тачками с зубаткой спешат тачки, груженные плоской, будто спрессованной, камбалой. С одной стороны она коричневая в красную крапинку, а с другой — мраморно-белая и такая плоская, что хочется слепить две камбалы их белой стороной друг к дружке, как две половинки, чтобы получилась одна целая коричневая рыба. За камбалой мчатся тачки, переполненные треской и пикшей. Треска — любимая рыба северян. Архангельские хозяики называют ее всегда ласково «трешничкой», даром что иная рыбина побольше аршинна. Только на Севере можно оценить вкус

свежей трески или супа «с балкой» — с тресковой печенью, который так любят поморы. Хороша и пикша.

А вот тачка, доверху наполненная оранжево-красными морскими окунями. Этот окунь живет в море на глубине двухсот метров. Когда его вытаскивают сетью наверх, он, привыкший к большому давлению, как бы взрывается изнутри.

Тачки бегут на весы. Отсюда одни из них направляются к чанам, другие — в цех соления, третьи — в коптильни.

К воротам, где наготове стоят грузовики, стучат по рельсам тачки, груженные свежей, мороженой, соленой и копченой рыбой.

Свежую рыбу бросают в кузов автомобиля, выстланный солью и льдом. Это парная рыба. Она была выловлена, когда тральщик уже подходил к Архангельску, и сейчас она пойдет в рестораны, столовые и на кухни.

Беломорское рыболовство, базой для которого служит Архангельск, по масштабам, конечно, уступает мурманскому, но все же значение его очень велико. Здесь, на фактории, мы видим «второе лицо» Архангельска. Да, это не только «столица лесопиления».

Зверобойные шкуны сдают свой менее аппетитный, пахучий груз — тюленьи шкуры, сало, ворвань — подальше, в уединенном устье речки Лаи, которая впадает в Никольский рукав Двины в пятинадцати километрах от центра

треска

кабара

города. Зверобойный промысел ведется в больших размерах в горле Белого моря. Базой его служит главным образом город Мезень; большинство зверобоев — мезенцы. Зверобойные промыслы — дело зимнее, разгара тюленей приходится на январь—февраль. В это время мезенские зверобои на льду «горла», у острова Моржовец, и на самом Белом море заготавливают тысячи тюленьих и моржовых туш. Особенно ценится гренландский тюлень. Его беломорское стадо, по вычислениям ученых, имеет до семи миллионов голов и считается одним из самых крупных в мире.

В советское время большую помощь зверобоям оказывает авиация. Она проводит разведки с воздуха и сообщает зверобоям, где обнаружены крупные лежбища моржей и тюленей. Немало прославившихся полярных летчиков прошло замечательную школу, работая ранее по обслуживанию разведкой зверобойных промыслов.

Весной зверобойные шхуны приходят в Архангельск, и вот тут-то и начинается работа лайских салотопен.

Есть в Архангельске и своеобразный завод-лаборатория, где перерабатывают морские водоросли. Его до сих пор называют иногда иодным заводом, потому что он первоначально был сооружен для получения иода из водорослей. Но потом оказалось, что выгоднее из морских растений добывать агар-агар для кондитерских фабрик, ольгин, целлофан и другие продукты. Эти новые производства были поставлены в Архангельске уже в советские годы.

Рыба, морской зверь, водоросли... Но все же не это, не морские промыслы, определяют лицо Архангельска.

После лесного дела второе место здесь занимает судоремонт и судостроение.

Тюлени

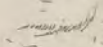
Когда-то деревянные корабли Архангельска были известны всей Европе. Знаменитые архангельские кораблестроители Баженины получали заказы на легкие деревянные суда и от русских и от английских фирм.

Начало архангельскому государственно-му судостроению положил Петр I. «Несколько лет исполнял я свою охоту на озере Переяславском, — впоследствии писал Петр. — Наконец оно стало для меня тесно. Ездил я на Кубенское озеро, оно было слишком мелко. Тогда я решился видеть прямо море и просил позволения у матушки съездить к Архангельску. Многократно возбранила она мне столь опасный путь. Но, видя великое желание мое и неизменную охоту, нехотя согласилась, взяв с меня обещание в море не ходить, а посмотреть на него только с берега».

30 июля 1693 года молодой Петр прибыл в Архангельск. Он остановился на Мосеевом острове, где для него был выстроен небольшой дом. Этот крохотный островок лежит между Архангельском и Соломбалой. Петру из окон его домика видно было, как ползут по реке баржи с хлебом, пенькою, поташом, смолою, салом, клеем, икрой. Видны были корабли голландские, английские, гамбургские, датские.

Как передать впечатление, какое произвел этот город на двадцатидвухлетнего Петра? Ведь в ту пору Архангельск был нашим единственным морским портом!

Без шапки, с трубкой в зубах, в куртке шкипера ходил царь по архангельской гавани, лазил, как простой матрос, по вантам кораблей. Он беседовал с иноземными купцами и корабельщиками, приглашая их к своему столу и выве́дывая секреты заморской торговли.

Моржи

Здесь, в предместье Архангельска, в Соломбале, Петр сам заложил первый русский корабль, определенный для заграничного плавания.

Напрасно царица-мать Наталья Кирилловна слала из далекой Москвы горючие мольбы своему «паче живота возлюбленному драгому» сыну.

«Сотвори, свет мой, нидо мною милость, приезжай к нам, батюшка мой, не замешкав... Писал ты, радость моя, ко мне, что хочешь всех кораблей дожидаться, и ты, свет мой, выдал, которые прежде пришли: чего тебе, радость моя, тех дожидаться? Писал ты, радость моя, ко мне, что был в море, — и ты, свет мой, обещал мне, что было не ходить...»

Забыв обещание, данное матери, Петр вместе с голландскими кораблями пересек на своем судне Белое море. Проводив голландцев, он вернулся в Архангельск и отсюда еще и еще раз опять выходил в море, потому что все не мог насытиться морским простором. А во второй свой приезд в Архангельск Петр прошел всю сложную морскую службу, начиная с юнга.

Вступив в войну со шведами, Петр понял, что Архангельск, если он не будет защищен, сможет стать не только добычей, но и пристанищем для судов неприятеля. Чтобы помешать этому, Петр в 1702 году приказал заложить пониже города крепость Ново-Двинскую. Под стенами этой еще недостроенной крепости шведы впервые потерпели от русских поражение на море. А Россия одержала здесь свою первую морскую победу. «Зело чудесно», отзывался Петр на известие об этой победе.

Деревянный домик Петра с резным крыльцом и слюдяными окошками, построенный здесь, недавно перевезен в Коломенское, под Москвой.

Архангельское судостроение так и осталось на месте, овеянное воспоминаниями о петровской поре, — из Мосеевом острове и на соседнем берегу, в Соломбале. Здесь в пейзаж Архангельска влетают штрихи тяжелой индустрии — силуэты мощных кранов, вспышки электросварки, грохот клепальных молотков. Здесь — доки. Выделяется завод «Красная кузница» — ремонтная база наших кораблей, плавающих в северных водах.

В послевоенной сталинской пятилетке «Красная кузница» реконструируется, оснащается новейшей техникой.

Но все же «Красная кузница» не может сравниться с гигантом судостроения, заново созданным в сталинские пятилетки. Новый завод сооружен для постройки океанских лесовозов, ледоколов, крупных кораблей.

Он вырос на пустынном берегу, где одиноко высилось белое здание полузаброшенного старинного монастыря. Под защитой песчаных дюн острова здесь, за соснами, растрепанными морским ветром, поднялись ступени, длинные корпуса цехов, целый город жилых домов со школами, клубом, водопроводом, больницей, железнодорожной станцией. Мощные землесосы-рефулеры проложили по прибрежному мелководью каналы для прохода глубоко сидящих кораблей. На новом заводе-гиганте работают в том же большевистском темпе, как и в Архангельске.

Кажется, еще не было случая в истории советского Архангельска, чтобы грузчики опоздали с разгрузкой или погрузкой. «Диспач», то есть премия за досрочную погрузку, в Архангельске получают то и дело. Это мудреное слово здесь знает каждый ребенок. Слово же «демпоредж», обозначающее штраф за задержку судна в порту под погрузкой, в Архангельске не знает и не поймет никто.

Немало в Архангельске знатных грузчиков, мастеров быстрой, четкой погрузки. Труд грузчика почетен в этом городе-порте. Сейчас это уже не прежний «чернорабочий», чисто мускульный труд: советский грузчик набирает свои замечательные темпы, пользуясь многими хитроумными приспособлениями и механизмами. Резко изменился и быт грузчика и его заработок.

Работу архангельских грузчиков в годы Великой Отечественной войны под бомбежками врага, когда речь шла о жизни и свободе советской родины, можно назвать истинным подвигом. В эти суровые годы полностью показал себя наш северный человек, потомок тех сильных людей, которые, не зная усталости и страха, отправлялись на Север, чтобы освоить его обширные пространства.

В послевоенной пятилетке проводятся большие работы по механизации архангельского порта. Грузооборот его возрастет в несколько раз.

Кроме Архангельска, на всем земном шаре нет ни одного большого города, который стоял бы на ефагновом болоте за 64° северной широты, то есть севернее всех больших городов Западной Европы, севернее Лабрадора, севернее Клондайка, который стоял бы при этом на множестве островов с затопляемой территорией, на почве, где возможно только свайное строительство. Вдумаешься во все это, и самое существование Архангельска кажется невероятным, а между тем этот советский город живет и растет, и население его еще перед Великой Отечественной войной значительно увеличилось.

Город Архангельск был построен в 1584 году по указу царя Федора Ивановича, но и не будь того указа — город все равно неминуемо возник бы здесь, потому что тут, в устье Северной Двины, было ему уготовано место и историей и природой.

СТОЛЕТИЯ НАЗАД

Первыми пришли сюда, на место встречи речной и морской дороги, инок Новгородской епархии и поставили в полусотне верст от моря, на мысе Пурнаволок, монастырь святого Михаила-архангела. Это был XII век.

Северные монастыри с их крепостными стенами, бойницами, сторожевыми башнями скорее напоминали военную крепость, чем обитель божью. Когда, уходя в неизведанные края, пионеры русского Севера ободряли себя пословицей, что, мол, «есть Спас и за Сухой», они, быть может, думали не столько о щите господнем, ограждавшем их души, сколько о надежных крепостных стенах монастырей, куда в случае опасности можно было бы укрыться.

Монастырь Михаила-архангела вырос на бойком месте много впереди торгового села Холмогоры, у Корабельного пристанища.

У монахов были и лабазы, и склады для товаров, и помещения для почлега. Здесь удобнее всего было вести торг и обмениваться товарами.

Однако монастырь обосновался не сразу. Помимо новгородских иноков, все выгоды такого местоположения знали также и древние скандинавы.

Обитатели Скандинавии, «мурманы», как их называет летописец, прибегали на своих парусниках с моря в двинские земли не только ради торговли, но и для грабежа. «Мурманы» видели в «отцах божиих»

самых опасных соперников. И едва только иноки воздвигли в устье Двины свою обитель, как скандинавы напали на монастырь, сожгли его и вырезали всех монахов. Но река Двина была единственной живой артерией, питающей торговлю края. Вот почему, несмотря на мученическую смерть сорока монахов, монастырь вскоре был поставлен снова на том же самом месте, на мысе Пурнаволок.

Три века спустя после основания монастыря Михаила-архангела уже на обжитом месте возник город Архангельск. В 1553 году в устье Северной Двины зашло английское судно под командованием Ричарда Ченслера.

«Когда наши купцы, — пишет современник событий, англичанин Эдемс, — заметили, что английские товары имеют мало спроса у народов и в странах близ нас, а между тем иностранные товары дают большую прибыль и цены на них сильно поднимаются, некоторые почтенные граждане Лондона начали раздумывать между собою, как бы помочь этому тяжелому положению. Видя, как удивительно растет богатство испанцев и португальцев вследствие открытия новых стран и поисков новых торговых рынков, они предположили, что могут добиться того же самого».

Англичане решили, двигаясь северным путем все время к востоку, пройти в Китай. В Лондоне было учреждено «Общество купцов — искателей открытия стран, земель, островов, государств и владений неизвестных и доселе непосещаемых морским путем». Купцы-искатели, сложив свои капиталы, снарядили три корабля. Начальником экспедиции был назначен Хью Уиллоуби.

В пути поднялась сильная буря, корабли разъединились и потеряли друг друга.

Ричард Ченслер, капитан одного из кораблей, решил самостоятельно пуститься дальше, на восток. И 24 августа 1553 года, после многих приключений, его судно бросило якорь в Никольском устье Северной Двины.

Поставив свой корабль в защищенную от ветра бухту, а сам пересев на русские суда, Ченслер вместе с английскими купцами, бывшими на корабле, направился вверх по Двине, в тогдашний центр Двинского края Холмогоры.

Вот как описано это событие в Двинской летописи:

«Приехали на Холмогоры от аглицкого короля Эдварда посол Рыцард, а с ним гости.

И царя и великого князя приказчики холмогорские выборные голыи Филипп Родников да Фофан Макаров с Холмогор писали царю и великому князю в Москве о приходе от аглицкого короля Эдварда посла».

Эти выборные головы, повидимому, были тонкими дипломатами. Не желая посвящать Ченслера в свои переговоры с царем, они тайно отправили к царю гонца и, не давая англичанам никакого ответа, всячески старались оттянуть время до получения вестей из Москвы. То они говорили, что им сейчас некого послать с Ченслером в Москву, то советовали дожидаться зимнего пути. Но Ченслер, не понимая причин их странного поведения, говорил холмогорским властям, что уедет обратно в Англию, и те, не смея отправить его в Москву, в то же время не решались отпустить со всеми товарами обратно.

Тогда Ченслер решил поехать в Москву самовольно.

Прибывшие в Москву англичане «посольство» правили и били челом, чтоб государь их пожаловал, велел им ходить из-за моря с товарами на кораблях».

Иван Грозный хотел установить широкие торговые связи и свободное общение с Западом. Но польский король Сигизмунд и гроссмейстер немецких ливонских рыцарей боялись усиления Руси и почти никого не пропускали в Москву из Западной Европы.

С появлением Ченслера открывался новый торговый путь в обход этого «барьера», открывалась возможность приобретать без посредников все, что нужно Руси.

Иван Грозный «посла Рыцарда и гостей аглицкия земли пожаловал в свое государство Российское с торгом из-за моря на кораблях им велел ходить без опасно, и двory им покупать и строить невозбранно».

Через два года в Двинское устье* пришло еще четыре английских корабля и «пришли галанския и барбанския земли корабли».

Со всей Руси потянулись к Белому морю товары для сбыта иностранным купцам.

Вначале центром двинской торговли было село Холмогоры, стоявшее на Двине, почти в ста верстах от моря. Однако и при тогдашней не очень глубокой осадке морских кораблей не всякое судно могло пристать у Холмогор. Приходилось заморским гостям перегружаться в Двинском устье, неподалеку от монастыря Михаила-архангела. Это так усложняло доставку товаров и их обмен, что в конце концов на месте монастырского Корабельного пристанища по велению царя Федора Ивановича «град поставлен был».

В 1584 году «приехали с Москвы на Двину воеводы Петр Афанасьевич Нащокин, да залешанин Никифоров сын Волохов; и оные воеводы от морского устья за 50 верст над Двиною рекою на Пур на Волоке круг архангельского монастыря архангельский город деревянный построили».

Вокруг Архангельского города, или, как его тогда называли, Ново-Холмогорского, был выкопан глубокий ров и поставлена ограда. Над ровом был переброшен деревянный мост, который в случае опасности можно было поднять, отрезав таким образом неприятелю путь в город. В городе были поставлены избу стрельцов. А так как город этот был построен ради торговли, то и первые построенные в нем здания были торговые дворы.

НА 64-й ПАРАЛЛЕЛИ

Хорош Архангельск летом. Незабываем, самобытен он и зимой. Снежная пелена покрывает низкие острова, реку. Линия берега едва различима. День совсем короткий, ночи же не темны: так много снега и простора. Темнота в ноябре или декабре ощущается здесь слабее, чем, скажем, в Ленинграде, где снега на улицах мало. Горизонт опоясан ожерельем огней лесопильных заводов, ярко освещенных бирж; кажется, что конца им нет...

В зимнюю ночь на просторном и широком северном небе, меж зеленых звезд, иногда вдруг разматывается и сверкает лента полярного сияния.

На морозе скрипят под валенками прохожих деревянные мостки. Самое любимое развлечение городской молодежи — каток. Он устроен в центре города, посреди сада. Для архангельской молодежи каток едва ли не большее удовольствие, чем в других городах летние танцевальные площадки. Город своеобразно приспосабливается к своей длинной зиме. Еще недавно каждый год через лед Кузнечихи, отделяющей город от Соломбалы, прокладывалась линия, смыкавшая трамвайные рельсы города, Соломбалы и Маймаксы. У левого бережного вокзала пассажиров поезда вместо речного трамвая поджидает целая стайка ребят с салазками: они нитом домчат ваш багаж до города. На льду Двины — тысячи тропинок и хорошо наезженные автобусные линии. Бывает, что ледокол, тяжело раздавливая лед, переходит с одной стоянки на другую; тогда на реке поднимается суета: надо обогнать его, проскочить перед его носом, до того как он проложит себе русло; если не успеешь — придется ждать несколько часов, пока мороз опять прихватит лед. Впрочем, пешеходы не очень-то будут ждать: откуда-то возьмут доски, посередине длинной полыньи устанавят льдину и по живым мостикам — с ледяного берега на этот плывучий островок, а с льдины по зыбкой доске на ту сторону — вот люди уж и прошли от вокзала в город, с Кегострова в Соломбалу. Уроженцев этого города не испугает ни лед, ни полынья — с детства привычны к воде.

Быт и хозяйство, весь жизненный уклад Архангельска резко сезонны: конец и начало навигации, приход первых плотов и уход последних кораблей делят год на две части. Перелом от зимы, скованной льдом, к лету с открытыми водными просторами ежегодно является важнейшим событием.

Весной вода широко разольется по плоским берегам. В паводок она поднимается у начала дельты на четыре метра, в районе Маймаксы, ближе к морю, — на два метра (а в катастрофические годы соответственно на семь и четыре метра). Лыдины поплывут там, где вчера была и завтра снова будет суша. Недаром устои-ледорезы можно увидеть на низком левом берегу в таких местах, где среди года они выглядят никак-ими. Теперь ледорезы защищают телеграфные столбы, семафоры, железнодорожные будки от напоязющего льда. Грузы, сложенные в пакетах у станции, уже заранее подняты на особые подставки, чтобы их не подмочило. Заводские поселки стоят островками из щепы и опилок среди стремительного потока воды, несущей в море груды льдина: даже кое-куда на уютные улицы Соломбалы пришла вода. На зажорах, где льдины нагромодились и преградили путь воде, раздаются взрывы. Это подрывники борются с наводнением. Ледоколы бороздят русло, дробят лед, чтобы быстрее сплавить его в море.

Ледокол—это пароход с круглыми боками и коротким, словно обреченным носом. При сжатии полярные льды скользят по бокам корабля и не зажимают его, а выпирают вверх. Короткий нос подобно саням взбирается на лед, который трещит и расступается, раздавленный тяжестью корпуса.

С тех пор, как архангельский порт стал местом зимовки ледоколов, весенний паводок уже не сопровождается такими страшными наводнениями, как прежде.

Но при всей тревожности «авральной» недели, последней недели зимы, есть в ней и что-то праздничное. Радует вид могучего ледохода, зрелище тысяч льдин, с шуршанием и скрежетом проносящихся мимо. Шорканье льда, ползущего по реке, слышно отовсюду. Когда на короткое время прерывается связь левого берега с городом, а города — с островами, отчаянные смельчаки, под ободряющие возгласы тех, кто толпится на набережной, все-таки пробиваются с берега на берег по движущимся льдам. Кое-кто из заречных жителей застрял в городе и поневоле гостит у своих друзей или родственников — и как они рады этому случаю! Все веселы. Сколько шуток, добродушных насмешек над нерадивым хозяином, так и не успевшим за зиму покрепче приколотить мостки перед своим домом, — теперь их оторвало, и надо гнаться за ними на лодке. Праздничное настроение особенно поддерживают ребята: их домой не затащишь.

А где-то в море уже спешат к Архангельску родные корабли. Во время прекращения навигации они ходили в другие порты — в Мурманск, в Одессу, в Лепаю; сейчас они пришвартуются дома. Сколько сбудется долгожданных встреч!

Архангельск истари морской город, и профессия моряка здесь переходит от отца к сыну по наследству. Всем известна семья капитанов Воронинных, семья капитанов Ануфриевых. Капитан Остальцев, который первым на судне «Таймыр» в марте 1938 года подошел к льдине папишцев, тоже уроженец этих мест. Судном «Мурман», которое шло вместе с «Таймыром», командовал уроженец Архангельска капитан Котцев, потомок многих поколений знаменитых лоцманов, еще со времен Петра I проводивших большие корабли по извилистому фарватеру Северной Двины.

Редко-редко в каком архангельском доме не увидишь прибитую к стене шкуру белого медведя. А на комоде обычно красуется моржовый клык, на полке стоит чучело гаги, кайры, а то вдруг, совсем неожиданно, сверкнут и перья какой-нибудь австралийской птицы лиры или американского какаду...

Голубые, лиловые, пунцовые цветы, привезенные домой из дальних стран, живут в горшках за окнами деревянных архангельских домиков.

На судах, приписанных к архангельскому порту, ходит много моряков. Почти все они — жители Архангельска или ближайших к нему деревень.

Особенно много моряков живет в предместьях города, на острове Соломбале.

Матрос Пустошный, который сопровождал капитана Седова в его санном походе к полюсу, был родом из Соломбалы.

На соломбальском кладбище похоронен отважный и настойчивый исследователь Арктики, житель этого предместья Петр Кузьмич Пахтусов.

Архангельский берег — «ворота в Арктику». Отсюда смелые помо-

ры ходили на далекий Грумант, на Новую Землю и дальше на северо-восток, осваивая все новые и новые земли вдоль побережья Ледовитого океана.

При царе Алексее Михайловиче торговля поморов, которая велась без контроля государства и наносила ущерб казне, была насильно заторможена. Строгими указами предписывалось торговать с заграницей только через Архангельск.

Споря с царем, северные черносошные крестьяне, для которых «море было нивой», писали в Москву: «И которую дорогу бог устроил — великое море окиян, и тое дорогу как мочно затворити».

Сейчас Архангельск — важный порт на головном участке Северного морского пути, главная оперативная база в той героической борьбе за освоение Арктики, которую выиграли большевики.

Для каждого из прославленных арктических рейсов — «Вайгача» и «Таймыра», «Сибирякова» и «Седова» — начальным или конечным пунктом был Архангельск. Через Архангельск прошли пути и воздушно-го освоения Арктики. Лучшие наши полярные летчики — такие же добрые знакомцы архангельцев, как и славные полярные капитаны. Через Архангельск совершалась знаменитая экспедиция на Северный полюс, закончившаяся героической зимовкой станции «Северный полюс» на дрейфующей льдине.

В дни перелета на полюс люди в Архангельске часами дежурили у радио, с бою брали газеты, — ведь завоевание Арктики здесь свое, родное дело, которым повседневно занят кто-нибудь чуть ли не в каждой семье.

Жители Архангельска — народ рослый, и соломбальские матросы, когда они, взявшись под руки, с вязаными шарфами на шее, шеренгой идут по своей Соломбале, выглядят среди низких одноэтажных домиков предместья Гулливерами.

Речка Соломбалка вся уставлена лодками — простыми, парусными, моторными. Лодка — необходимая принадлежность каждого соломбальского домика, каждого хозяйства.

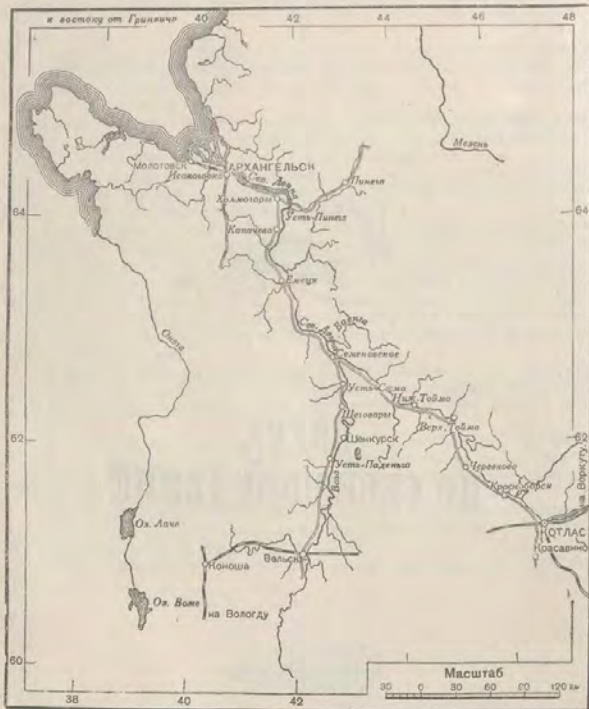
С детства привыкнув к воде, архангельцы вырастают смелыми моряками.

**ВВЕРХ
ПО СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ**

НА ДВИНСКОМ ПАРОХОДЕ

уть от Архангельска в глубь лесов лежит вверх по Двине, навстречу плотам, идущим из лесов в перенасыщенные бассейны-акватории архангельских лесозаводов. Двинские пароходы совсем не похожи на высокобортные лесовозы дальнего плавания, на зверобойные шхуны и массенные, коротконосые, крутобокие ледоколы, которые приходят с моря в архангельский порт.

Двинский пароход — это речное судно вроде большого волжского парохода. Те же два, а то и три этажа палуб, низкий, плоскосидящий, но зато не боящийся перекатов корпус, те же мощные колеса по бокам. Но двинский пароход сразу отличишь от волжского и по

окраске и по пассажирам. Волжский пароход всегда сияет белизной, всегда свежеевыкрашен и умыт, в окнах у него нарядные занавески, на палубе среди народа — туристы в волжских широкополых соломенных шляпах, с биноклями и «фэдами». На Северной Двине туристов не встретишь. Здесь среди пассажиров главным образом рабочие разных профилей, отправляющиеся на лесопункт, инженеры, командированные для проверки работы затона, студенты, слесари на практику. Едут колхозники, школьники, геологи.

— Убрызть сходни!

— Отдай чайку!

— Малый вперед! Полный вперед!

Машинный телеграф отзвонил сигналы. Пароход загудел, запыхтел, развернулся и, стуча колесами, пошел вверх по светлой, как слеза, Двине.

Город Архангельск с высокими трубами заводов, бревнами, новостройками, лесобирками, кораблями скрывается за поворотом. Кто-то из пассажиров кинул за борт корку хлеба. Откуда ни волеясь, камнем упала в воду серебристо-серая чайка. За ней еще и еще. То садясь на воду, то взмывая, чайки неутомимо следуют за кормой. Их крик, резкий и стривистый, напоминает не то плач, не то лай.

Поверхность реки, отражая облака, кажется перламутровой. Окрестности города представляя собой низкие, заливаемые в половодье, а частью и в прилива, острова. Самые молодые из них еще не окончательно сформировались. Ежегодно они меняют очертания. Это песчаные, недавно намытые отмели, по-местному их называют «кошками». Кошки покрыты ивняком, тростником. На такой кошке почти всегда увидишь повешенную на столбе для просушки рыбачью сеть, дымок костра, длинную — до пяти метров — конусообразную «рюжу», которой ловят семгу. На реке часто встречаются заборы свай, вбитых в дно. По краям этих заборов трепещут то белые, то красные флажки.

Это — приспособление для ловли семги. Семгой особенно славится Печора, но ловят ее и на Двине. Когда наступает время нереста, семга неудержимо идет по рекам против течения, преодолевая все препятствия, даже пороги; инстинкт заставляет ее стремиться вверх, чтобы отложить икру, быть может, в том ручье, где сама родилась. Рыбаки этим пользуются — поперек пути ставят особые загородки и провешивают сети между свай. Лучший лов семги бывает в бурю, в непогоду. В такое время семга, как говорят рыбаки, «живет и играет»; а в хорошую погоду она, по их мнению, «очень хладнокровная». Стремясь вверх, семга натывается на загородку из свай и сетей. Она хочет обойти это препятствие, поворачивает вдоль сетяного забо-

ра и попадает во «двор» с широкими воротами; этот двор приводит рыбу прямо в рюжу. Войдя в горло рюжи, семга уже не может выйти обратно и сидит в ней, пока ее не поднимет рыбак. Случается, что в рюжу набьется штук тридцать-сорок рыбеш — не поднимешь.

Север знаменит народным искусством рассказывания. Он родил много сказителей, известных по всей нашей стране.

На палубе лесорубы просят старушку рассказать про Перепилиху, как она ягоды брала.

Старуха сердится:

— Не все переймешь, что по реченьке несет. Не все перепеняшь, что люди говорят...

— О, сколь невадим сей целовик! — возмущаются парни упорным отнекиванием старухи.

Та усмехается.

— Ну, ладно. Пошла этта Перепилиха однова по ягоды. Ягода брусника спела, крупна. Перепилиха грабилкой берет ягоду ту. Ну, ладно, собирает Перепилиха и слышит: что-то трещит. Кто-то пыхтит. Глянула — а перед ней ведьмедь и тоже ягоды берет. Перепилиха со всего голосу ну вижжаты! И столь пронзительно, что голосом она ведьмедь изскрозь проткнула. Взаболь, ребятки, баю, убила, баю, голосом-от. Да над ним стоя, ишшо час вижжала, кабы не ожил...

Вдруг сказка прерывается. Из кубрика вбежала на палубу девочка, зовет старуху вниз:

— А дитя-то в горнице нагое лежит!

У девочки, как и у бабушки, как у этих рослых парней, в немного напевной речи с частым ударением на последнем слоге слышатся характерные интонации.

Первая, в семидесяти пяти километрах от Архангельска, большая пристань — знаменитые Холмогоры, вызывающие в нашей памяти образ Ломоносова, первого русского ученого и поэта.

Ломоносов родился, собственно, не в самих Холмогорах, а в небольшой деревушке Денисовке (сейчас — Ломоносовка), лежащей в трех километрах отсюда, на островке посреди Двины. Но, конечно, не эту деревушку, где не сохранилось ни избы, в которой родился Ломоносов, ни других строений того времени, а именно Холмогоры, бывшие уже тогда большим, бойким селом, должны мы, по существу, считать родиной Ломоносова: здесь, встречаясь с бывальными северянами, с гостями из Москвы, с местными грамотеями, гениальный юноша формировался духовно. Отсюда в морозную зимнюю ночь 1730 года Ломоносов бежал с попутным рыбным обозом в Москву за знаниями.

Холмогоры — село старинное и знаменитое еще задолго до Ломоносова. В XVI веке, до основания Архангельска (который сам первоначально был назван Новохолмогорами), здесь была резиденция воеводы. Холмогоры начали заселяться русскими еще в XII веке. Первыми пришли сюда выходцы из Новгорода, но впоследствии адешиные поселения называли себя уже не новгородцами, а двинянами. Холмогоры, или Колмогоры, как их тогда называли, издавна служили местом встречи новгородских купцов с купцами двинскими. Холмогорцы и новгородцы говорили одинаково, как члены одной семьи. Еще и сейчас уроженец Севера слышит в языке новгородского крестьянина свою родную речь. Когда в XVI веке на севере России утвердилось Московское государство, в холмогорском говоре стали появляться слова и обороты московской речи. И ко времени Ломоносова жители Холмогор говорили языком, в котором сочетались и новгородский и московский говоры. Ломоносов любил свою далекую родину. Он часто возвращался к Северу в научных своих работах по физике, географии, истории.

На пароходе наши спутники — советские юноши и девушки — едут на практику. Глядя на них, еще раз вспомнишь о юноше, который больше двух веков назад с такой целеустремленностью, с таким мужеством отважился покинуть свои родные Холмогоры и пойти пешком в Москву.

В Холмогорах имя Ломоносова повсюду: школа имени Ломоносова, клуб имени Ломоносова. Холмогорцы гордятся памятью о своем знаменитом земляке. Здесь работает и называется именем Ломоносова единственная в своем роде ремесленная школа резчиков по кости. Она выпускает мастеров и инструкторов этого замечательного искусства, которое издавна распространено только у нас на Севере.

Моржовая кость (а иногда и клыки мамонтов, все еще часто находимые на Севере) является сырьем для резных изделий. Искусство и фантазия северных мастеров-резчиков превращает этот благородный материал в изящные разрезные ножи, брошки, портсигары, мундштуки и др.

В 1946 году один из лучших здешних мастеров П. П. Черникович закончил работу над Кубком Победы из мамонтового бивня. Кубок с изображением Сталина, обрамленным тонкой ажурной резьбой, представляет собой замечательное произведение подлинно народного искусства.

Вот уже Холмогоры позади. На берегах Двины — свежие луга. Это знаменитые на всю страну пастбища крупного, очень удойного холмогорского скота. Пестрые (обычно черные с белым), сытые, статные коровы, огромные быки.

Холмогорский район — важный рассадник этого первоклассного высокопородного скота. Насколько ценен холмогорский скот, видно из того, что, по условиям Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, колхозы с чистопородным холмогорским скотом могли попасть на нее только при среднегодовых удоях в 2 600—3 000 литров на каждую корову. В передовых колхозах самого Холмогорского района удои, конечно, значительно превышают эту норму. На выставке был отмечен здешний колхоз имени XVII партсъезда, где удой в 1938 году достиг 4 348 литров на корову. А в 1945 году знатная доярка К. В. Леонтьева в Холмогорском районе получила от коровы Бражки 6 151 литр!

Иногда ходить по здешним лугам почти невозможно, особенно там, где выются заросли бобовых, чина, горошка вперемежку с клевером и астрагалом, — так густа трава. В прежние времена, и не так даже давно, здесь косили не косой, а горбушей — орудием, больше похожим на серп.

На высоких, горбатых «веретях» прозрачно светятся нежные березовые перелески, курчавится черемуха, алые цветы шиповника кажутся не настоящими, а будто нарочно для красоты кем-то покрашенными сюда. На песчаных валах, отражая своей корой солнце, стоят беломорские сосны.

Почти сразу же за Холмогорами высокие глинистые берега сменяются обрывами белого известняка. Это знаменитые по своей химической чистоте и по удобству разработок Орлецовские месторождения. Их запасы так велики, что весь Придвинский Север обеспечен на многие годы известью для строительства и для химической промышленности. Сразу же за полосой известняков начинаются места, богатые залежами гипса. Центр их — у поселка Звон, которому, вероятно, суждено стать местом крупных химических производств.

В мягком освещении северного солнца незабываемы переливы зеленоватых, желтых и розовых тонов. Они то вдруг сменяются ослепительно белым пятном известняка или гипса, то красным откосом глины, то опять мелькнет розовое, зеленое, желтое. А наверху стоят черно-зеленые ели, прямые, островерхие, строгие.

ЛЕСНОЙ ПРОМЫСЕЛ

Навстречу все время идут плоты. Изредка это просто «кошели», не сплоченные накрепко, а лишь обвязанные по периметру пловучие скрепления бревен. Но чаще добротнo сплоченные в расчете на дальний путь «многорядка». Их тащат небольшие, но сильные буксиры. Надо обладать большим искусством, чтобы на поворотах быстрой Двины с ее капризным руслом, полным отмелей, управлять такой машиной, связанной стальными тросами и закрепленной на таком же тросе далеко позади кормы буксира.

Последние лет пятнадцать на Двине да и на других больших северных реках сплав леса моим запретен: слишком много драгоценной древесины проскакивало мимо архангельских заповей, слишком много бревен прибывало к берегу или застревало на отмелях и терялось, слишком часто тяжелые, никем не управляемые стволы таранили корпуса пароходов и барж. Архангельские капитаны не шутя говорили, что боятся моля на реке больше, чем айсбергов на море.

Свободно уплывшим русским лесом-плавником завалены побережья всех полярных островов. Старик на Севере рассказывает, что раньше, когда молевой сплав допускался и на больших реках,

Вывоз бревен
прямотором

иностранные шкиперы целыми флотилиями под предлогом рыбной ловли подходили к русским берегам и возвращались в свои порты с хорошим «уловом» добытого в открытом море леса.

Молевой сплав идет теперь только по малым рекам, где плоту не пройти; при выходе на славные магистрали устроены запаны. Здесь сортируют молевой «улов» и с помощью особых машин сплавивают лес в плоты, чтобы выпустить их на простор широких рек. Поэтому на Двине можно увидеть беспорядочно плывущий лес только в том случае, если плот почему-либо разбился, но это бывает редко. Даже и по более крупным притокам Двины — по Пинеге, Емце, Ваенге, Ваге, Верхней Тойме, Уфтоге — лес стараются сплавлять в плоты, хотя бы в «однорядках».

В стороне от «магистральной» Двины, в глубь лесных массивов, откуда к Двине по большим притокам и мельчайшим речонкам, по узкоколейкам, по зимним ледовым дорогам, моём, в кошелях, в плотках, вагонетками или тракторами бесконечным конвейером идут миллионы кубометров бревен, работают лесопункты.

Огромны задачи, выдвинутые новым, послевоенным сталинским пятилетним планом по заготовкам и вывозке леса: за пятилетку Север должен увеличить вывозку деловой древесины почти втрое по сравнению с довоенным уровнем! Выполнение этой задачи зависит прежде всего от работы глубинных лесопунктов — это они решают судьбу лесозаготовок.

Подходим к Усть-Ваенге. Здесь — лесопункт. От лесосеки до реки на много километров проложена линия. Своеобразная дорога, составленная из бревен, лежащих плотную ствол к стволу, обычно называется лежней. Слово мост наслан из поваленных деревьев; но здесь бревна лежат не по-обычному — не поперек, а вдоль всего пу-

ти, в два ряда, с промежутком посредине, наподобие рельсов. По этим деревянным рельсам машина, пыхтя и ворча, тащит вагонетки с бревнами от участка лесосеки к реке.

Местами лежня идет не по земле, а на сваях, так что издали кажется, будто машины бегут по воздуху над болотами, над кочками, пнями, колодами, над землей.

Но ведь к лежневой дороге бревна сами тоже не подойдут. Приходится подвозить их сюда трактором. Сначала бревна наваливают на плоские железные листы — пэны. Эти пэны похожи на гигантские противни. Они прикреплены к трактору, и тот, буксуя на каждом шагу, наволакивает железные листы с бревнами к дороге. Пэны, труженные горю бревен, подпрыгивают на пнях, на ухабах. Никакие колеса, никакие полозья не вынесли бы такого пути. Пэны позволяют подвозить лес с участка к лежневой дороге не только зимой, но и летом. Однако и трактору не всюду пройти. Тогда к месту рубки прокладывают волоковые тропы и по ним подтягивают бревна до дороги. Но лесоруб не стоит на одном месте. Утром начнет «ронить» деревья поблизости от дороги, а к концу смены он уже ушел вглубь или в сторону, и потому тропу для волока приходится перекладывать вновь. То здесь она сподручнее, то там. Деревья так тяжелы, что иногда легче подвести дорогу к бревну, чем необходимое бревно к дороге.

Нередко можно увидеть на просеке и змейку тонких, словно игрушечных, металлических рельсов. Это подвижная, легко переносимая узкоколейка — «декавилька». По ней толстые бревна подтаскивают, «треляют» на особых тележках.

Рубить лес — дело не простое. Это целая наука. В прежние, досоветские времена англичанин Джингли Гом, прославившийся истреблением онежских лесов, рубил только лучшие строевые сосны. Так же поступали и другие частные предприниматели, особенно иностран-

СПЛОТЧНАЯ
МАШИНА

цы. Выбрав все лучшие деревья, они оставляли опустошенный, больной лес захламленным. Такая выборочная рубка засоряла, губила леса. Кроме того, из-за отсутствия дорог лес вырубался только у рек.

Теперь леса разбиты на участки, и на каждом, как здесь говорят, порубочном участке лес валится сплошь, и весь вырубленный лес вывозится к реке и сплавляется. Сортируется он уже позже, на запанях. На вырубленном участке остается только несколько спелых здоровых деревьев. Это семенники. Они дают начало новому здоровому лесу.

И здесь, в лесу, побеждает разумное хозяйствование, побеждает социалистический плян.

Еще издали слышишь стук топора. Это рабочий подсекает дерево. Под ударом острого, поблескивающего металла брызгами разлетаются щепки. Потом раздается взвизг лучковой пилы. Оставляя на снегу холмики остро-пахучих, желтоватых опилок, вгрызается она в мелкослойную древесину великолепного, еще живого ствола и слой за слоем быстро прорезает его. По тому, как изменяется тон этого характерного «пилящего» звука, можно угадать, когда пила с изтужей преодолевает наиболее толстую середину дерева, где сама сердцевина ствола тверже и туже поддается. Надо хитро насчитать, в какую сторону лучше свалить лесного гиганта; надо пилить дерево, как бы приглашая его упасть именно сюда, в сторону более чистой прогалины.

Вот крона дрогнула, что-то треснуло, застонало там, где не перепиленная еще часть ствола быстро сужается. Угадывая изощренным чутьем решительный момент, рабочие подталкивают дерево шестом, управляют начинающимся падением. Все вдруг расступаются: слышен треск сучьев, и дерево, слабо цепляясь ветвями за своих соседей, грохается наземь.

В годы пятилеток обыкновенная двуручная пила была вытеснена лучковой пилой. А сейчас на помощь лучковке идет электропила. С каждым месяцем электропил — сложных, высокопроизводительных

механизмов советской конструкции — становятся в лесах Севера все больше и больше. Электропилы работают от передвижных электростанций, устанавливаемых на делянках. Меж ними вьются металлические кабели, несущие ток от электростанции к пилам.

Вот бревно подвезено к лесовозной дороге. Подложив массивные рычаги — «ваги», рабочие перекатывают тяжелый ствол на вагонетку. Тягач тащит его дальше, к бирже на берегу реки или у железной дороги.

В Усть-Ваенге на лесобирже работают машины. Одна из них с визгом вгрызается в бревно, распиливает его поперек на поленья, а затем колет каждое полено пополам на дрова. Эти дрова идут в топки речных пароходов. А вот другая: она как бы раздевает бревно, сдирает с него кору, и оно остается обнаженным, белым, совсем готовым для дальнейшей обработки.

К концу послевоенной пятилетки лесная промышленность СССР будет еще сильнее вооружена механизмами, чем сейчас. Советские заводы должны будут дать ей за пятилетку сорок тысяч электропил, семь с половиной тысяч тракторов для трелевки да еще четыре с половиной для вывозки, множество тягачей, прицепов, паровозов для узкоколеек, вагонеток... И большая часть этого вооружения придет именно сюда, в леса Севера.

Поселок для лесорубов.

Лесозаготовки двуручной пилой (вверху) и механизированным способом (внизу).

Валка подпиленного дерева (вверху). Погрузка бревен на сани (внизу)

Вывозка леса конной тягой.

Усть-Ваенга — это один из самых современных механизированных лесопунктов. Но лес валят еще по многим мелким речкам, где нет ни мотовозов, ни тракторов с пэнами. Там и сейчас еще работа в лесу чрезмерно сезонна — лес вывозят только зимой, когда в лесу сравняет все кочки крепкий, хрустящий, сверкающий северный снег. Тогда клади лежню, где хочешь — ведь ни рытвин, ни ухабов нет. Лежню обливают водой, она тотчас леденеет. На такую дорогу ставят сани, и маленькая северная лошадка бежит посередине, по ровному снегу, а за нею по ледяным рельсам легко скользят груженные бревнами сани.

На Севере зимою небо только зарумянится — и погаснет. Ясное солнышко обморозит свои щеки и скорее опять спрячется. Но это не значит, что зимою в лесу темно. Напротив, ясно зимою в северном лесу, особенно когда взойдет луна. Искрится снег. Сияет, вся в инее, кора деревьев.

Вот в такую-то пору бегут и бегут лошадки по дорогам с ледяными рельсами.

Нелегко дать передовую технику в лесное дело, где само

рабочее место каждый день и каждый час передвигается, где вокруг человека не выстроенные им самим пехи, а дикая природа — такая богатая, но и такая неподатливая! И все же техника завоевывает советский лес шаг за шагом.

Вывозка, пожалуй, самое трудное звено во всем сложном лесном деле. Здесь особенно важно вооружить человека, организовать всю работу так, чтобы можно было применить механизмы. Вот почему закон о новом пятилетнем плане предусматривает прокладку на Севере, северо-западе и в Прикамье семнадцати с половиной тысяч километров новых лесовозных дорог. Семнадцать с половиной тысяч километров — это почти расстояние от Москвы до Владивостока и обратно. Сейчас на Севере строятся рельсовые, тракторные, автомобильные лесные пути. Строить эти дороги людям помогают мощные машины — бульдозеры: они пролагают путь через леса. Каждая такая машина заменяет своей работой сто человек.

На лесозаготовках заняты рабочие и временные и постоянные. Чем больше последних, тем надежнее выполнение плана. И закон о новой пятилетке требует увеличения числа постоянных рабочих. Они должны увеличить производительность труда и выполнить не менее трех четвертей всей работы в лесу.

Весной, как только начинает «стрелять» лед на реке, в лесу наступает страдная пора. Надо «не пропустить воды», успеть продвинуть срубленный лес с мельчайших притоков на более крупные реки. И вот все население спешит на помощь лесорубам. Как только двинется вода, в посвежевшем, будто умытом лесу и на берегах широко разлившейся мутной речки слышатся и тонкие, звонкие и густые, басистые голоса:

— Го-го... Гоп! Взяли... Раз-два — взяли...
Во-во-во — берем... Во-во-во — гоп... Во-во-во — берем...

Упустишь теперь день — после месяцем не наверстаешь.

У каждого человека багор с крюком на конце. Люди скатывают бревна в воду, и вода подхватывает их и несет через леса по ручьям, речкам и речушкам в большие реки — Двину, Печору, Мезень...

— Раз-два — взяли... Во-во-во — берем... Раз-два — взяли...

В лесном деле есть особая квалификация — каталь. Это тот, кто скатывает бревна в воду.

Бригадиры учат молодых:

— Бревно не дергать надо, а катить.

Покачиваясь, как бы нехотя, идет оттолкнутое от берега бревно вниз по воде, за ним другое, третье. И вот сотни тысяч бревен сливаются из малых речек в большие, чтобы, наконец, уже сплоченными попасть в могучую Двину.

А на лесные пункты из Архангельска, Онеги, Мезени летят телеграммы. Спрашивают: сколько бревен спущено на воду? И пока на глубинке кипит весенняя страда, по более крупным рекам и по Северной Двине первые плоты уже не спеша тянутся к Архангельску...

Плоты будут ползти все лето. Только осенью наступит опять тревожный момент: успеют ли добраться последние плоты до ледостава, не останутся ли зимовать?

Если лес вмерзнет в лед, то за зиму он испортится, «заболеет синевою», как здесь говорят. Но и без того он все равно погиб бы будущей весной, перемолотый сокрушительным ледоходом.

И вот снова, как весной, летят телеграммы, запросы: газеты пишут каждый день о том, какого пункта достиг «хвост сплава».

Связка плотов

Это меткое название: ползуние по Вычегде, Сухоне, бесчисленным более мелким притокам и, наконец, по самой Двине бревна, кошель, плиты — многорядки все вместе образуют как бы многотысячекилометровую и многохвостую змею из древесины; к осени мелкие «хвосты» ее постепенно втягиваются в тело и остаются только основные — вычегодский, сухонский, наконец, только двинский. Этот-то последний хвост и надо подгонять — по-здешнему «зачищать».

На Севере «сплав» значит то же, что в более южных районах «ссп» или «уборка». «Сплавные» телеграммы идут вне очереди; ответственных работников то и дело мобилизуют на сплав. Интересами сплава живет весь край.

Иногда во время сплава случится, что при сильном ветре или большом напоре моля кошель разобьются, бревна, напирая друг на друга, ринутся вперед и, сораав запань, прорвутся. Задние бревна, напирая на передние, топят их. Следующие ряды подмишляют под себя предыдущие. Течение воды слабеет, бревна останавливаются и тонут; за первым рядом опускается второй, и так рядов пятнадцать ложатся друг на друга.

Занято все русло реки от берега до берега. Образуется пробка, а бревна все идут и идут. И вот на протяжении многих километров закупоривается вся река.

Это залом, страшное бедствие для сплава.

Конца краю не видно грудам паваленных друг на друга бревен. Будто от истока реки разлился язык «деревянной» лавы и навеки окаменел. Мертвые, неподвижные стволы, вытолкнув воду, лежат километр за километром, заполнив реку и даже взгромоздись на берега.

Там, где эта лавина как бы отрезана пожницами, как раз на границе воды и стволов, виднеются маленькие, словно муравьи, по сравнению с гигантскими бревнами люди. По реке, пыхтя и фыркая, бежит пароходик, так называемая «варловалка». Он тыкается носом то в один ворох, или, как говорят на Севере, «угор» бревен, то в другой. На угорах стучат похожие издали на жуков тракторы. На заломе работает тысяча человек, но рядом с миллионами лежащих здесь бревен эта тысяча выглядит небольшой горсточкой.

Работа этих людей чрезвычайно трудна и требует большой сноровки и умения.

Задача заключается в том, чтобы вытащить именно такое бревно, за которым покатится возможно больше других. И опытные катяги угадывают и скатывают такие «решающие» бревна. Замершая лавина оживает, начинает двигаться. А люди бегают по плывущим

мокрым бревнам, перескакивают с одного на другое и крючьями все разбирают и разбирают плывущие стволы, гонят их на стрежень реки, где течение быстрее.

Залом — это бедствие не только для сплава, но и для прилегающих сел: он отделяет барьером один берег реки от другого.

Луга и пашни на Севере часто лежат на противоположном от села берегу. Обычно чего проще: сел в лодку, «почесал» веслами — и вот уже на другом берегу. Накосил травы, сметал стога, привез домой, сколько надо. При заломе же всякую кладь приходится переносить через бревна на плечах. Но бревна ведь лежат не ровно, а как попало. Одни легли поперек, другие склонились под острым углом, третьи вовсе стоят вехой, будто кто нарочно устроил здесь между одним и другим берегом непроходимую баррикаду.

Ходить по залому надо умеючи. Через залом надо не прямо шагать, а идти зигзагами, балансируя то по одному бревну, то по другому, дойдя до конца бревна, перебираться на следующее. Так дорога выходит короче.

Чтобы скорее разобрать залом, часто применяют динамит.

Пароход наш идет мимо устья реки Ваги — важнейшего левого притока в среднем течении Двины. С Ваги поступает на Дгину огромная масса древесины, — ведь бассейн этой реки тянется от Двины чуть ли не до железной дороги Вологда—Архангельск. Вага судоходна: маленьким пароходом можно подняться до старинного городка Шенкурска и даже выше. В былые, «дожелезнодорожные» времена Вагой охотно пользовались купцы, торопившиеся из Вологды в Архангельск: эта река спрямляла путь, который надо было делать «углом» по Сухоне до Устюга — Котласа и затем по Двине «Важская земля» — область сравнительно ранней, новгородской колонизации. Здесь в то время был важный очаг зем-

леденя на Севере. Позже ваганы, как здесь зовут жителей берегов Ваги, бойко торговали даже в Петербурге своим нехитрым товаром — смолой, скипидаром, канифолью, морожеными рябчиками.

Сейчас верховья Ваги вновь оживляются. У городка Вельска, где река уже несудоходна, Вагу пересекает новая железная дорога, идущая в широтном направлении от Коноши (станция на линии Вологда — Архангельск) до Котласа и дальше на северо-восток к Печоре. Уже нет необходимости гнать весь лес с верховьев Ваги в Двину и по Двине до Архангельска; его можно у Вельска «перехватить» на железную дорогу. Вдоль новой линии усилились лесозаготовки с вывозом леса не на реки, а к железной дороге.

Течение Двины спокойно. Река широка, течет она по обширной долине, с обеих сторон ограждена высокими обрывистыми берегами. Круче то правый берег, то левый. Берега обычно красного цвета. Это отложения пермской глины. Во вторую половину лета на берегах видны высокие стога сена. И растет все тот же черный еловый лес.

Весной Двина разливается, а затем вновь вбирает воды в свое русло. Где долина особенно широка, река, разлившись, не может снова собрать свои воды и образует так называемые «полюны», небольшие озерки, рукава. Иногда она меняет направление, и оставленные ею старые русла превращаются в тихие «курьи» — заводи и заливы.

Там, где берега отлоги, взору открываются обильные луга с красным клевером. Луга сменяются торфяными болотами. Прибрежная почва слаба, и река отрывает куски берега, отлагая их в других местах в виде новых отмелей. Деревья у берега, подмываемого на крутом повороте, растут самым причудливым образом: то с обнаженными корнями, то на самом обрыве, готовые скатиться в воду, то лежат совсем плашмя.

Если мысленно проложить от парохода, идущего по фарватеру, «географический профиль» перпендикулярно реке в типичном месте, то можно увидеть закономерную смену микроландшафтов. Близ русла — старицы и курьи, иногда пересохшие, иногда с водой. Дальше — прирусловый песчаный вал, поросший сосной, но чаще ивняком. За валом тянется основная часть поймы. Вода бывает здесь недолго, только в половодье, но за это время ежегодно обогащает наносную почву частицами ила; в межень почва хорошо дренируется близкой рекой и сравнительно суха. Здесь пыльная гравя, дающая много перегноя; это и есть знаменитые северные поемные луга. Затем идет так называемое иритеррасное понижение, в котором застываются паводковые воды; летом тут болотистый кочковатый луг, поросший осо-

кой. Почвы здесь хуже; почвоведы называют их глеево-осоковыми. Дельше слегка покатыми террасами поднимаются склоны долины с хорошим стоком и подзолистыми почвами. Склоны заросли «раменью» — ельниками, а иногда сосновым бором. Чем дальше от реки, тем в почве заметнее примесь остатков сфагнового мха; на водоразделах рельеф становится совсем плоским, а сток — затрудненным, глыбок делается более редким и чахлым, а на сфагновых почвах нередко виден неприхотливый сосняк.

По берегам Двины и впадающих в нее притоков стоят колхозные деревни — вся жизнь здесь у воды. На водоразделах, в заболоченном лесу человеку на Севере жить трудно. Там травы для скотины не накосишь, ни репы, ни капусты не посадишь, да и ячменя здесь посеять негде.

На водоразделах царство болот, сырого леса, ягод, мха... А у реки и посветлее и посуше. Вот и стоят деревни у рек.

СЕВЕРНАЯ ДЕРЕВНЯ

Северные деревни обычно невелики — иногда всего десять-пятнадцать дворов. Деревушки словно прилепились к высокому берегу. До них рукой подать, но как туда добраться, если на пути хлипкое болото «притеррасного понижения» с ярко-зеленой осокой. Оно, словно снегом, покрыто белыми цветами пушицы. Но дорога, оказывается, все-таки есть. Прямая пушицу и осоку, лежат поваленные друг на друга стволы с белой, красной, черной, еще не выцветшей корой.

За деревней стоят колхозные постройки — молочнотоварная ферма, сарай с машинами. А впереди, над рекой, выстроились избы колхозников.

Жилье на Севере всегда состоит из двух изб — летней и зимней. Дома стоят к улице торцом, который и служит фасадом, а длинным боком — друг к другу. Обычно зимняя изба в доме ставится позади летней, потому ее называют «озадок». Озадок должен согреть человека зимою и дать ему возможность жить здесь, подолгу не выходя наружу.

Поэтому в зимней избе самое главное — печь. Иногда печь эта заменяет и баню. В истопленной печи париться ничуть не хуже, чем в черной бане.

Северная изба — помещение очень обширное, иногда в ней считается пятнадцать-семнадцать окон. В северной сказке «Настасья

Адовна» красна-девица говорит добру-молдочу: «У меня крыльцо высокое, сени длинные — тридцать два окна».

Стройку начинают с зимней избы, а уж потом строят хлев, летнюю избу и поодаль ставят баню.

Летняя изба окнами, то есть своим лицом, выходит на улицу. Поэтому ее наряжают, как невесту, чтобы не ударить лицом в грязь. Со стороны улицы все в избе, начиная с крыши и до перил на крыльце, резное, а в некоторых домах даже расписано синей, желтой и голубой краской. Крыша над избами двускатная. Она, как шапка с козырьком, закрывает своими навесами дом от снега. Навесы украшены подзорами. На одной избе резные подзоры сверкают набитыми на них медными пластинками, на другом удивляют раскраской или кружевом резьбы. Резьбой украшены и «обоконники» (ставни и окна). Под крышей у некоторых изб резной балкончик. На гребне почти каждой крыши — конек.

Избы очень высокие, есть даже двухэтажные. Все стоят на очень высоком, характерном для Севера, подполье. Поэтому высоко и крыльцо. Снежные заносы заставляют поднять входную дверь повыше, да кроме того и почва на Севере холодная и сырая. Дом нельзя ставить прямо на земле. Ведь даже в хлеве настилают приподнятый от земли толстый деревянный пол. А в избе пол бывает поднят над землею на метр и даже выше. Двор, обычно мощенный толстыми брусками и всегда крытый, располагается между летней и зимней избами и соединяет их в одно целое; чтобы попасть во двор из избы, надо пройти через летний или зимний «мост» (сени). Таким образом, двор — как бы одно из отделений обширной северной избы.

Соединять жилище человека с хлевом заставляет все тот же суровый климат — сырой, слякотный в долгую весну и осень, мо-

Маленькая изба на крыльце

Угол избы суровый в чашу

розный и снежный зимой. В зимние почти часто наметает такие сугробы, что невозможно бывает выйти из жилища, приходится для этого сначала откапываться. Вот почему скот и корм для скота приходится держать тут же поблизости, под рукой. Скотину на Севера содержат очень опрятно.

Хлев устроен в нижнем этаже, он разделен на три отдельных помещения — для овец, для коров и для телят. Навоз выбрасывают через особые, проделанные в стене двери. Над хлевом повесть — это как бы второй этаж хлева.

На повети хранят корм для скота и устраивают клетки для домашнего скарба. К этой повети с улицы идет деревянный помост — «взвоз», так что лошадь с телегой въезжает сразу через прорубленные в стене двери на второй этаж. И сено бросают на повесть прямо с воза. Зимой с такой повети корм очень удобно сбрасывать вниз, в хлев. Через коридор, не выходя наружу, из хлева можно пройти в жилое помещение.

Многие дома сложены по-старинному — «в чашу». Это такая кладка, когда нижнее продольное бревно выдвигается недалеко от края чашкой и в эту чашку опускают верхнее поперечное бревно. Концы бревен так и торчат по углам крест-накрест, составляя своеобразное архитектурное украшение. Бревна чуть не в обхват. Какой богатый их «ронил», без сюда и складывал? Дом сложен, как говорится, навек. Ступени высокого крыльца вымыты и выскоблены добела, хоть кашу из них клади. Пол в избе устлан досками шириною в метр. Лавки и скамьи не уже.

Чуть ли не половину первой, самой большой комнаты занимает русская печь. Обеденный стол сколочен всего из двух досок. Над лавками «полицы», устланные резанными из бумаги подзорами и уставленные посудой. Перед печью вход в подпол. Вход этот, назы-

Резной наличник

Угол чашки,
срубленный
в лапу

вается «голубец» и похож на большой сундук. На Севере почти нигде не бывает просто и полу двух откидывающихся досок, которые надо поднимать, спускаясь в подпол. Слишком резким холодом веет от земли, и вот над входом в подпол возводят такой длинный высокий ящик, в его короткой поперечной стенке устраивают дверь, за дверью внутри ящика — лестница, которая и ведет вниз. На продольной стене голубца две ступеньки. По ним можно взобраться на печь и на полата, которые устроены под потолком у самой печи.

В некоторых избах эти ящики — голубцы — разукрашены чудесным орнаментом. Тут и синие кони с крутой шеей, с серебряными копытами, и зеленый петух с огненным гребнем, и белая утица.

За первой большой комнатой — несколько горниц. Наверху, в мезонине, тоже есть две-три горницы для невесток, которые берегут здесь каждая свое добро. В такой горнице устроят и гостя, заночевавшего в деревне. Уложат спать и придут проверить:

— Пошто не спите? — спросит хозяйка своим милым даянским показным говором, если гость еще ворочается.

— Жарко, бабушка.

Тогда хозяйка вынет из стены круглую деревянную втулку: такая отдушница даже во многих старых домах Архангельска заменяет форточку. И все же не спится.

За окном белое, немеркнувшее северное небо. Это оно не дает уснуть.

— Для чего не спите? — совсем рассердится старуха.

— Если бы окно завесить...

— Чего, чего? — удивятся вам. — На чего тебе это? Окна завесишь, дак ведь темь кака будет престрашна...

На Севере, при обширности его земель и малолюдье, легко выбрать себе место для дома. Пришел человек лет пятьдесят-шестьдесят назад на лесной участок посуше, выжег там поляну, посеял жито, — а оно и уродилось так, что удалось сплавить целый плот в Архангельск. На другой год выжег другую поляну и посеял вдвое больше. Перевез к себе на участок жену с детьми. Сам выбирал лес для стройки, из лучших сосен поставил себе хоромы.

Много северных деревень образовалось именно так, и живы еще основатели их, краксистые родоначальники. Недаром и фамилия в такой деревне у всех одна.

За домом обычно стоит банька. Тот, кто осенью прошагал по сырому темному лесу много часов, кого по лицу хлестали колючие ветки и у кого зуб не попадал на зуб, может понять блаженство, которое охва-

тывает душу и тело, когда, сбросив с себя насквозь мокрую одежду,ходишь в эту маленькую баньку с раскаленным очагом. От очага поднимаются столбы пара к полкам, если плеснуть на него ковш холодной воды из бочки.

Баня здесь обычно топится по-черному. Пока горят дрова, дверь бани открыта и дым через нее выходит наружу.

Но вот дрова прогорели, остались в очаге одни угли. Тогда дверь плотно захлопывают, на очаг льют воду.

Пар быстро прогревает такую баню.

На Севере парятся часто, уж раз в неделю обязательно. Тяжела работа северян — рубка и вывозка леса, «страда» на запанях, жизнь на плоту; работать приходится на сильном морозе.

При такой тяжелой работе баня — вещь действительно исцеляющая. Банька — это неотъемлемая черта всего того уюта и удобства, которые характерны для северного жилища.

Многие члены семьи большую часть года работают далеко от родной деревни — на сплаве, в лесу, на рыбалке. Но, когда бы они ни вернулись, их ждет любовно украшенный, уютный домашний очаг.

Конечно, кроме естественного стремления к красоте и уюту, в Лесном краю и возможность есть каждому строятся широко и богато.

Здесь даже обширные луга, где пасется скот, часто обнесены для порядка и от волков крепкими изгородями. Ну, а уж дом, двор — это настоящие хоромы. Где же и быть русским богатырям, как не в этих высоких хоромах, посреди дремучего леса?

Издавна так повелось, что на Север рещались итти люди отважные, сильные духом. Бороться с дикой стихией суровой природы надо было один на один. Человек выходил на

Коварный
пиджор

Баркаси

поединок с бурно разливающейся рекою, с морозом, с предательской топью болот, с угрожающей тьмою леса, с тощей, неблагодарной почвой. Жизнь в постоянной борьбе, в вечном труде воспитала в жителях Севера особый склад характера. Северянин немногоречив. Но его слово твердо. Коварной, обманчивой природе — лесу, зверю, реке — человек противопоставлял верность. Здесь не покинут в беде.

Эти высокие черты характера в северянина еще более развил, укрепил советский строй с его демократизмом, с его уважением к человеку, с его новой техникой, покоряющей природу на общее благо. Люди Севера теряют прежнюю замкнутость, склонность к суевериям, — те черты, которые пытались прежней разрозненностью людей, их беззащитностью перед стихийными силами природы. Колхозный строй воспитывает в людях Севера общительность, чувство коллектива, уверенность в своих силах.

Когда идешь или едешь зимой по лесу и видишь среди заснеженных ветвей и наметенных ветром сугробов черные вкрапления селений, то никак не ждешь того светлого приезда, радости, с какой встретят тебя, того уюта, каким окружают.

Природа Севера угрюма, но люди — душевные, приветливые. От добрых улыбок теплее кажется и самый край.

Люди здесь чуткие — они умеют отличать друга от врага. Приветливые к другу, они беспощадны к врагу. Достаточно вспомнить борьбу с интервентами, с кулачеством.

Много беззаветных героев дал Север Советской Армии в годы Великой Отечественной войны.

Жители Севера статны, высоки ростом, широки в плечах. Волосы светлые и русые, глаза голубые, серые, нос прямой, рот правильной формы.

Когда встретишься с таким добрым мо-

лодцем или почтенным дедом, кажется, что где-то уже видел его. Впечатление это, видимо, вызвано образами витязей из детских сказок и старинных былин.

Именно здесь, в этих северных лесах, в прилепившихся к речкам северных деревнях, в древних северных городах чувствуешь себя у истока русской культуры.

Север впитал в себя все многообразие оттенков русского искусства. Ведь сюда шли люди из княжеств Ростовского и Галицкого, из Москвы и Новгорода, сюда дотянулась нить даже из Киева.

Север сумел не только все это многообразие освоить, но и дать нечто свое, создать северное русское народное искусство, донести до наших дней бесчисленные юттенки самобытного русского творчества.

Возьмем ли мы музыку — Север родина русского баяна; изобразительное искусство — довольно вспомнить строгие и сияющие чистотой письма и блеском красок стенные росписи.

Север создал и подлинно народную деревянную скульптуру.

Всякий, кто побывал на Севере, ощущал ту потребность в творчестве, которой может гордиться русский народ. Взгляните на северную прялку или кросна — как чудесно расписаны они! Тут и птица-сирин, и конек-горбунок, и солнце, и месяц. Пряничные доски, набойки для тканей — всякий предмет повседневного обихода сделан с любовью, со вкусом, с умением и выдумкой. Воду ли, брагу ли поднесут вам в чудесном резном ковше — питье покажется вам слаще меда.

Северный лес суров, а человек, живущий в лесу, мягок, радушен и силен.

Но жители северных деревень не просто приветливые силачи да здоровяки, — это еще и сметливые, развитые люди. И попав в такую как будто бы глухую деревеньку, где даже и говор сохранился такой, что им только сказы бы говорят, всегда чувствуешь, что ее жители — вот эти крепкие старики, их рослые, сноровистые сыновья, ладные и чистенькие старушки да румяные, статные невестки и внуки, юркие, веселые пионеры — все отлично разбираются в общественной жизни, живут интересами всей Советской страны, дельно толкуют о том, что делается за границей.

Народ здесь много ездит, умеет видеть и замечать, всем интересуется.

Весь Север — это край бывалых людей. В одной семье сын плавает судовым механиком где-то между Архангельском и Шпицберге-

ном, между Мезенью и Лондоном; в другой отец — выдавший виды искусный лоцман на Двине; в третьей брат — стивидор в Архангельске, и от него полдеревни научилось немножко понимать английскую и норвежскую речь.

Мать большой семьи не затруднится съездить из лесной деревни в Ленинград или Одессу, чтобы повидаться с сыном-моряком, попавшим туда во время очередного рейса; бодрая старуха спокойно сядет на речной пароход, уверенно проедет дальний путь со многими пересадками по железным дорогам. По пути заедет в Москву и благополучно вернется обратно — все с тем же деревенским своим сундучком, в котором теперь лежат гостинцы от сына да столичные покупки.

Сохранившие древнюю русскую культуру люди Севера — люди современные.

НА ПЕРЕПУТЬЕ ВЕЛИКИХ РЕК

КОТЛАС

от уже с парохода виден город на высокой крутой террасе берега. Это Котлас. Сюда от Архангельска восемьсот километров. Здесь кончается путь по Двине. Вернее сказать, Двина начинается здесь, у слияния Вычегды и Сухоны, которые текут почти прямо навстречу друг другу.

Тут, в Котласе, сходятся три магистральных водных пути: по Двине — из Архангельска, по Сухоне — из Вологды, по Вычегде — из Сыктывкара. И три железнодорожные линии: из Кирова, с Печоры, из Коноши. Это значит, что из Котласа поездом без пересадки можно попасть в Москву, в Ленинград, в Воркуту, в Вологду.

Когда осенней ночью лежишь над Котласом, он сверху выглядит огромным городом. Огни заводского предместья Лименды, где круглые сутки не прекращается работа на целлюлозно-бумажном комбинате и на других крупных предприятиях; огни железнодорожного депо; огни лесобирж... Почти все эти затоны и лесопилки, заводы и депо — создание сталинских пятилеток. На двадцать километров вдоль берега и километров на десять вглубь всю ночь не меркнет электричество. Яркий свет на пристани отражается в воде, за пристанью сверкает вокзал. К нему и от него ползут огни поездов, по воде на своих сияющих отражениях плывут пароходы, катеры.

Котлас — это город-новостройка. По его улицам возводятся кирпичные и деревянные здания. Они обнесены лесами, на которых видны строительные рабочие. Грохот поезда, пробегающего поперек всего города, заглушается криком паровой сирены. Пристань устроена у самого железнодорожного вокзала. С поезда на пароход и с парохода на поезд идти всего несколько минут.

В конце прошлого века, когда еще только строилась Пермь-Котласская железная дорога, исследователь Севера Иваницкий в статье «Сольвычегодский крестьянин» указывал, что как раз на месте слияния Сухоны с Вычегдой, у истока Северной Двины, расположено на редкость много близко стоящих друг от друга деревень: Григорово, Загорка, Семиденха, Грива, Мостова, Кузнецово, Котлас, Пермь, Марково, Крутец, Грихиново, Толубеево, Падозеро... «Необычайно часто для этого вообще так мало населенного края».

Некоторые из этих деревень в образовали впоследствии город Котлас. Характерно описание одной из них у Иваницкого:

«Деревня Марково отстоит от Двины в две версты, имеет 34 дома; расположена она, как здесь говорят, «каминцей», т. е. дома стоят не в две линии по дороге, как это обыкновенно бывает на севере, а в рассыпную и глядят своими фасадами куда попало; между домами и прилегающими к ним огородами дороги извиваются так прихотливо, что чужой, забравшись в деревню, не скоро находит из нее выход... В полверсте от Двины и в одной версте от Вычегды берег поднимается террасой, и на краю этой террасы расположена деревня Котлас, имеющая в близком будущем обратиться в город, так как близ самой этой деревни строится теперь вокзал Пермь-Котласской железной дороги».

И город Котлас, вросший в себя множество деревень, сам долгое время был похож на большую деревню.

Но деревеньки постепенно становились похожими на городские предместья. Из-за обилия домов здесь уже негде выпасать крупный скот, и коров заменяют козы; на смену пашне приходит огород, а вскоре и он оказывается не товарным, а потребительским, потому что

его владелец, бывший крестьянин, стал заправским рабочим-сварщиком, механиком или мотористом на одном из ближайших заводов. Рядом с его домом уже построена временная хибарка, в которой на время приютились родственники или приятели, перебравшиеся сюда из деревни, потому что захотели так же, как и он, работать в городе.

Котлас стал развиваться с девяностых годов прошлого века, со строительством тупиковой железной дороги Пермь—Котлас, которую субсидировали сибирские купцы, чтобы дать выход дешевому сибирскому хлебу к Архангельску, откуда его можно было переправить за море или тут же продать втридорога.

Вначале Котлас был только перевалочной базой зерна с железной дороги на воду. В дальнейшем его роль совершенно изменилась, а сейчас на первом месте стоят операции по лесным перевозкам, потому что к Котласу тяготеют огромные лесные массивы Сухоны и Вычегды. Сюда по рекам ежегодно приходит до двух миллионов кубометров древесины. Часть идет дальше по реке к Архангельску на экспорт, а древесина, предназначенная для советских заводов истроек, перегружается тут с реки на железную дорогу. Составы печорского угля встречаются в Котласе с платформами, груженными шпалами, досками, бальсами. До восьмисот тысяч кубометров древесины перерабатывается здесь же на месте.

Так Котлас на перевалочного пункта, из города-вокзала, города-пристани, города-склада превращается благодаря своему выгодному географическому положению в крупный центр лесопиления, целлюлозно-бумажной промышленности и речного судостроения. Вероятно, в самые ближайшие годы он уже сможет по объему производства соревноваться с Архангельском. В послевоенной пятилет-

Моторбот

ке в быстро растущем Котласе создается целый ряд промышленных предприятий.

Не случайно население Котласа только за последние пятнадцать лет выросло в десять раз!

Экономическое и политическое значение Котласа так велико, что в самый острый момент гражданской войны на Севере, когда Архангельск был в руках интервентов и их войска рвались к Вологде, Ленин по телеграфу требовал во что бы то ни стало удержать Котлас.

Сейчас в Котласе несколько техникумов, школы-десятилетки, зимний и летний театры, клубы. Уже утвержден план застройки города и построен широкий проспект с мощеной мостовой. Деревянные тротуары обсажены северными тополями. Весною 1945 года комсомольцы высадили в городе пятнадцать тысяч деревьев. Есть в Котласе и городской сквер, только вот для настоящей площади нет пока еще места.

Издали, с реки, Котлас выглядит в самом деле великолепно.

На горе — окруженный зданиями складов и пайгаузов, большой деревянный речной вокзал с тенистым садом. От пловучего дебаркадера к нему ведет широкая деревянная лестница. У самой лестницы на реке — пловучая гостиница. С верхней площадки широчайший вид на равнину, на разлив, где Сухона и Вычегда, сходясь, образуют могучую Северную Двину.

На всем Севере не найти местности с таким просторным пейзажем. Двина здесь не так широка, как под Архангельском, и потому противоположный Котласу берег виден далеко вглубь, с высокими раскидистыми соснами, с лугами. В августе здесь до самого горизонта стоят стога сена. Особенно хорош здешний вид вечером, когда за стогами, за редкими стволами сосен проступает золотистая дымка зари. Часам к десяти вечера краски уже блекнут, бледнеют. Здесь и там затепляются каким-то особенным светом и тотчас гаснут отблески заката. На небе заголубеют крупные и прозрачные звезды — предвестники зимних ночей. А пароходы, спеша к концу навигации выполнить план, то и дело приходят слева и справа, отходят в разные стороны. Буксиры все еще тащат баржи и плоты, и далеко в чистом северном воздухе виден дым их труб.

Здесь круглые сутки оживленно. Едут в лес партии лесорубов, возвращаются из лесу в свои деревни сплавщики, юноши садятся на пароход, чтобы поспеть к началу учебного года в Архангельск...

Едете ли вы по железной дороге — чуть не половина вагона собирается пересаживаться в Котласе то ли на другую ветку, то ли на пароход; плывете ли вы на двинском, на сухонском пароходе — Котлас в мыслях у всех. Котлас — важный транзитный узел.

УСТЬЮГ ВЕЛИКИЙ

По обеим сторонам Котласа, этого всегда шумного, живого, быстро растущего города-подростка, тихо стоят два сказочных красавца — Великий Устюг и Сольвычегодск.

Город Устюг находится в шестидесяти восьми километрах от Котласа, южнее его и чуть-чуть западнее, на Сухоне, там, где в Сухону впадает Юг.

Раньше считали, что Северная Двина начинается не у слияния Сухоны и Вычегды, где сейчас стоит Котлас, а здесь, у слияния Сухоны и Юга. Отрезок реки между Устюгом и Котласом называли Малой Северной Двиной. Сейчас название Малая Северная Двина употребляется редко; принято считать, что Сухона продолжается до Котласа, где и образует Двину, слившись с Вычегдой. Но ощущение того, что Двина образуется именно под Устюгом, казалось встарину тем убедительнее, что Котласа тогда не существовало, а у слияния двух больших рек жил большой торговый город Устюг Великий. Устюг выполнял тогда роль транспортного узла, был, так сказать, «тогдашним Котласом».

«Под горою Гledenом (место основания Устюга) помянные реки Юг и Сухона, — говорит летописец, — третью реку из себя производят, которая особенное себе воспримлет наименование—Двина, потому наречется, что сдвинулись две и произвели из себя третью». Вероятно, такое объяснение названия Двины от слова «сдвинуться» и «две» было в свое время весьма распространенным; его приводит и Герберштейн, посещавший Русь в начале XVI века.

Однако пейзаж здешних берегов вовсе не северодвинский — пустынный, лесистый и суровый, а скорее вологодский, более мягкий. Красивые небольшие леса то и дело перемежаются полями, дугами, залитыми солнцем полянами. И деревни здесь расположены ближе друг к другу. Много посевов, особенно льна, овса и ячменя. В пейзаже есть что-то от средней полосы России.

Устюг — город маленький, он весь уместается на нескольких холмах. Впервые увидев его, каждый, родившийся в России, ощущает это зрелище как нечто родное и давно знакомое. То ли картинка из детской хрестоматии, то ли полотно известного русского художника, то ли крышка старинной табакерки, или, может быть, описание города из любимой русской сказки встает вдруг живым, воплощенным в белые стены, золотые главы и резные двери.

Устюг — это апофеоз русского старинного зодчества. Почти

каждая улица Устюга выходит к Вознесенскому храму. Он построен в 1648 году. Здание стоит на холме и может служить примером того величественного архитектурного беспорядка, той свободной художественной несимметричности, которые так смело вносили в свои творения старые русские зодчие. Вас увлекает здесь не подавляющая грандиозность или холодное величие. Вы захвачены, заколдованы необыкновенной причудливостью, затейливостью всего плана в целом и каждой отдельной детали. Но хаоса нет. Удивительная поэтическая мягкость соединяется здесь с щедростью и пышностью отделки.

Обойдите кругом этого здания. Как стройна каждая его сторона, представляющая собой нечто новое и в то же время цельное. Разное, но единое. Отступишь назад — выскочит вдруг вперед один дерзкий купол. Еще шаг — и рядом с этим становится другой. Вот продвинулся вперед и третий, грудью закрыл все остальные купола. Подойдешь с другой стороны — новая группировка. Купол, замеченный только что, теперь лукаво спрятался. Направо шагнешь — цепочкой выстроились навстречу тебе купола все сразу...

Незатененные берегами, сходятся сюда, к этим холмам, чистые и величавые северные реки — Сухона и Юг. Здесь три столетия назад в ясные летние дни и в светлые летние ночи полно было кораблей.

Недаром этому городу, ставшему в устье Юга, было дано прозвание Великий.

Устюжские дома с толстыми кирпичными стенами, тяжелыми тесовыми дверями, лабазы и сказочная роскошь церкви говорят о прошлом этого города.

Среди имен предприимчивых мореходов, землепроходцев то и дело встречаются устюжане. Родом из Устюга был Семен Дежнев, который задолго до путешествия Беринга открыл пролив между Азией и Америкой. И в походе самого Беринга также участвовал устюжанин, «северных дел мастер», как он назван в старинных документах, Михайл Наводчиков. Позже под руководством того же Наводчикова устюжский купец Чебоевский снарядил судно на Алеутские острова. Купец Ваков с отрядом в семьдесят пять человек — в большинстве устюжан — спустился по реке Лене и морем доплыл до реки Колымы. Устюжанин Шилов составил первую карту Алеутских островов. Указом Екатерины II Шилов и солякамский купец Иван Лавин были награждены золотыми медалями «за усердие их и ревность об изыскании за Камчаткою новых островов».

Исследователь Сибири Словцов приводит поговорку, сложившуюся в те времена: «Без устюжан в Сибири никакому делу не бывать».

Устюг вершил большие дела, и у города были деньги, чтобы строить церкви и лабазы. Но сейчас, рядом с бойким Котласом, к которому железная дорога оттянула жизнь округи, Устюг кажется тихим, примирившимся.

В городском музее вы увидите высокохудожественные образцы замечательного старинного народного творчества.

Вот под стеклом лежит цепочка из замочков. Каждый замочек величиной чуть больше ячменного зерна, и у каждого замка свой ключ со своим секретом.

А эти сундуки разрисовал по жести, кажется, сам дед-мороз. Дохнул — и вычеканились разлапистые листья, и многогранные снежинки, и пушистые лилии, и чудесные ветки, и пальмы. Все это переплетается на жести, словно в зимнем окне.

Над домиком величиной с яйцо висит на тончайшей проволоке корзинка с четверть наперстка. И домик и корзинка вырезаны из моржовой кости. Если не знать, что это кость, то можно подумать — корзинка сплетена из иелка, потому что за этим тончайшим плетением можно разглядеть выточенные из кости яйца, не больше просяного семечка, лежащие в костяном духу. На яйцах сидит голубица. К ней подлетел голубок. Эту

Верхний Устюг

Архитектура
XIII века

Верхний Устюг

вещь нельзя трогать руками. Кажется, что она рассыплется от дыхания.

Отверстие для иглы в устюжском бисере можно рассмотреть только в лупу.

На витрине — финифтяные изделия: на чеканном серебре, словно драгоценные камни небывалой расцветки — мазки финифтяной эмали. Их нельзя назвать бирюзовыми. Их нельзя назвать синими или голубыми. Нет. Другого слова не найдешь для описания этого цвета, как небесный. Небесно-розовый, небесно-красный, небесно-желтый, небесно-оранжевый и небесно-голубой. Переливчато и богато оттенками северное небо, еще богаче сверкающее зеленым, желтым, оранжевым светом полярное сияние. Разбитое на тысячу кусков, оно лежит в устюжских финифтяных изделиях.

Старинное мастерство не умерло. И в наши дни почти каждое село Устюжского района славится тем или другим художественным ремеслом: в Шомаксе, например, живут знаменитые мастера-мебельщики. Шомаксинские шкафы, буфеты, стулья, комоды увидишь и в Дании и в Норвегии, куда их вывозили через Архангельск. Мебель эта славится своей прочностью, красивым лаком, богатыми узорами барельефов и инкрустациями.

Есть под Устюгом села, где все сплошь, от мала до велика, занимаются резьбой по бересте, как под Вологдой занимаются плетением кружев. Эти устюжские разные туесы, портсигары, шкатулки не раз отмечались золотыми и серебряными медалями на международных выставках.

Развитие всех этих художественных промыслов предусмотрено планом послевоенной пятилетки.

Особенно широко известна сейчас во всем мире устюжская чернь по серебру.

На матовом серебряном фоне иссиня-черными и черно-серыми тонами вытиснен рисунок. Иногда чернь, как нимбом, окружена глубокой золотой гравировкой. Чем старше изделие, тем чернь проступает ярственнее. С годами она не выцветает, а темнеет. Если, закрыв глаза, провести пальцем по поверхности, то не ощутишь никакой выпуклости. Рисунок этот словно наведен акварелью или как бы врос и растворился в серебре.

Вот маленькая, гравированная чернью дощечка с изображением города Устюга. Ее пробовали класть на наковальню и бить молотом. Серебро расплющилось, однако ни один кусочек черни не отпал.

Эти талантливые, но недостаточно приобщенные к культуре мастера, «золотые руки», кажется, действительно способные блоху под-

Работы резчиков по кости.

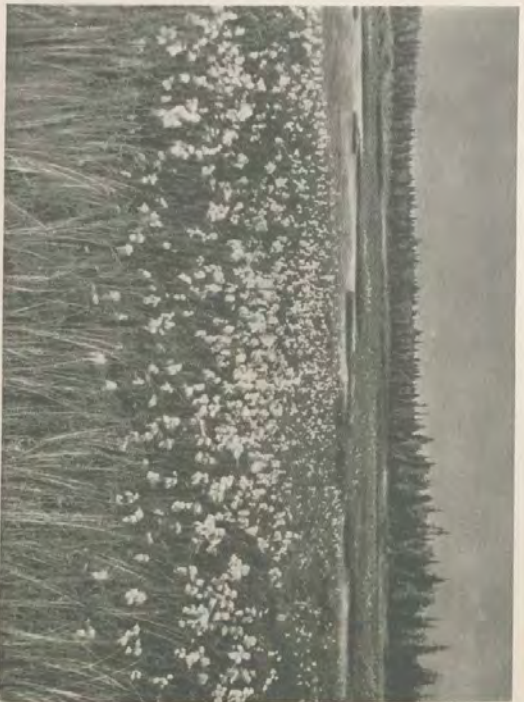
Белый Устюг. Старинная церковная архитектура.

Долина реки Вычегды.

Заливной мут.

ковать, мало могли думать о стиле своего искусства. Постепенно рынок убивал вкус мастеров. Вздумается заказчику — и на портсигаре гравировалась тема, уже ставшая банальной. Заказчик-шутник просил: вот сделайте на ложке эту карикатуру, — и на чайной ложке появлялся рисунок, непонятный мастеру и часто чуждый по характеру самой цели чернения.

Сейчас мастерам-черневикам уже мало механически награвировать рисунок, втереть в него «секретный» порошок, обжечь изделия; они ищут свой, присущий именно чернению стиль, который сможет превратить это старинное мастерство в настоящее современное искусство.

Вопросы стиля волнуют и молодых и старых мастеров, объединенных с 1933 года в большую художественную артель.

Раньше чернение было мужским делом. Сейчас в артели работают преимущественно женщины и подростки. В свое время последний из мастеров старого поколения Чирков, внук знаменитейшего мастера конца XVIII века и начала XIX века Кошкова, за несколько лет до своей смерти передал «секрет» не своему сыну и не внуку, как это было принято раньше, а молодой девушке, лучшей своей ученице. Потом эта девушка стала директором кустарно-промысловой артели «Северная чернь».

В артели мастерицы единственным своим инструментом — острым цесером — гравировали на серебре кто причудливый узор из цветов, кто панораму Московского Кремля и над ним звезды победного сапота. Здесь же работают над изделиями с иллюстрациями к басням Крылова, к сказкам Пушкина.

А за дверью артели лежит сам город, и, выйдя на его улицы, на-

чинаешь понимать, что устюжские художественные ремесла — это частица того высокого чувства прекрасного, которое столетиями в древних северных городах берег и донес до наших советских дней русский человек.

На современной экономической карте Севера Устюг был бы показан третьюстепенным промышленным центром, небольшим городком, оказавшимся в стороне от железных дорог и поэтому далеко отставшим от соседнего Котласа. И действительно, почти все предприятия здесь — местного значения; славятся только щетино-цветочная фабрика, работающая чуть ли не на весь Союз, судовой и фанерный завод.

Послевоенная пятилетка несет сюда оживление. Здесь будут построены лесозавод и швейная фабрика, расширится кожевенный завод. В городе вырастет свыше сотни больших новых домов.

Примерно на полдороге между Устюгом и Котласом, в селе Красавино находится одна из старейших в России лесообрабатывающих фабрик.

Ее первое описание было напечатано в Вологодских губернских ведомостях за 1851 год. «Самое название селца Красавино, при котором расположен завод... гармонирует вполне с прелестною местностью. В виду Красавина протекает царственная из рек нашей губернии Северная Двина, составляющая обширный торговый путь к Архангельску».

Здесь берега ее окаймлены чудными, игриво разбросанными горными возвышенностями, на гребнях которых виднеются селения, как бы летящие к небу. По склонам расположены поля, покрытые хлебами, и тучные пожни, где пасутся огромные стада известного двинского рогатого скота.

Словом, местность Красавина и его окрестности напоминают собою природу Швейцарии, и кажется, нельзя было найти места для завода лучше и удобнее».

Неподалеку от города Устюга, на реке Лузе, притоке Юга (уже в пределах соседней Кировской области), стоит Лальская бумажная фабрика, родоначальница бумажного производства на Севере. Лен, бумага, фанера — мы уже знаем это характерное для края сочетание по окрестностям Вологды.

Окрестности Устюга знамениты интересным научным открытием, которое упомянуто во всех учебниках зоологии. В конце прошлого века в красной, как ржавчина, глине на берегу реки палеонтолог В. П. Амалицкий нашел круглую, с кулак, колобашку. Осторожно палочкой и шилом он стал ковырять породу. Когда расковырял, открылась маленькая окаменевшая раковина.

Странная была эта ракушка. Никто из ученых не мог сказать, как она называется. Слой земной коры, в котором нашел свою раковину Амалицкий, ученые называют «пермским». Он отложился в очень давнюю эпоху жизни земли. Вероятно, и раковинке было не меньше трехсот миллионов лет.

В. П. Амалицкий побывал в Лондоне. Там есть всемирный музей раковин. Амалицкий пересмотрел все коллекции. Оказалось, что такой раковины нигде на свете не сыщешь, кроме как в Южной Африке, а в Африке в пермских слоях рядом с остатками таких раковин лежат кости давно вымерших чудовищ — звероящеров, ростом с медведя, с быка. Видимо, такие же звероящеры жили когда-то и в нашем Северном крае.

Много насмешек вытерпел за свою догадку Амалицкий, но он не сдался. Взял с собой нож, кирку, лопату и вместе с женой отправился снова сюда, на Север, рыть ржаво-рыжий пласт пермских отложений.

Жили они в лодке. Застучит дождь — вытянут лодку на берег, опрскинут и спрячутся под ней. Солнышко выглянет — возьмутся опять за лопату.

Так проработал Амалицкий четыре года. Искал в Северном крае африканских звероящеров. Изо дня в день рыл берега реки, и все зря.

Только на пятый год наткнулся он на кучу или, как говорят палеонтологи, гнездо костей.

И сразу, с первого взгляда, стало ясно, что это кости тех же пресмыкающихся и земноводных, каких нашли в пермских отложениях Африки.

Большого хищного звероящера В. П. Амалицкий назвал в честь своего учителя Иностранцева «иностранцевией». Кроме иностранцевии, он нашел здесь огромного, неуклюжего травоядного парейазавра. Так в окрестностях Устюга были открыты следы доисторических времен с их своеобразным животным миром.

Устюг стоит в самых низовьях Сухоны, и все же река эта и здесь мелка, летом пароходы по ней ходят с трудом. Пристани около здешних деревень то и дело переводят с места на место; нередко пристань и вовсе не найти на старом месте:

— Ушла за «полдой».

Там оказался фарватер, а к прежнему месту фарватера нет, песком занесло.

Или пристань видно с берега, да не подойдешь, вода уже чуть не по пояс. Пристань же стоит поодаль от суши, там, где фарватер. Приходится разуваться и идти пешком полдем, выбирая путь по цвету воды: где вода желтее, там мельче.

Бывает, придет баржа со льдом «последней водой», река спадет, и баржа очутится на мели. Подвести к берегу ее невозможно. Перенести лес на руках немисливо. На лошади или на машине по льду и пескам не пройдешь. И вот надо через песок строить помост, чтобы лошадьми вывезти лес. А баржа останется здесь до осенней большой воды, а то и до будущей весны.

Перед Великой Отечественной войной советские гидроэнергетики разработали проект постройки на Сухоне целого каскада плотин со шлюзами и гидроэлектростанциями. Когда проект этот будет осуществлен, вся Сухона станет глубоководным путем, а энергия гидроэлектростанций оживит городки вроде Устюга или скромные поселки и села — Красавино, Тотму, Лальск. Большие работы по расчистке северных рек намечает послевоенная пятилетка. А пока сухонские пассажиры, отсиживаясь на перекатах, повторяют все тот же припев:

— Хоть бы добраться до Котласа!

СОЛЬВЫЧЕГОДСК

По другую сторону Котласа стоит смиренный городок Сольвычегодск. Он расположен на берегу Вычегды, в восемнадцати километрах восточнее Котласа.

Сейчас в Сольвычегодске — бальнеологический курорт. Используя естественные рассолы, получаемые из скважин, здесь лечат ревматизм, некоторые желудочные заболевания. Но в облике этого тихого курортного городка можно разглядеть черты его молодости, знаменитой торговыми и ратными делами.

Сюда, в резиденцию промышленников и купцов полуфеодалов Строгановых, владельцев вотчины «Соли Вычегодские», стремились в XVI—XVII веках лучшие мастера. Здесь работали замечательные русские живописцы и золотые — Истома и Федор Савины, Прокопий Чирин со своими учениками и многие другие знаменитейшие «изографы» (живописцы); среди них были и обученные этими мастерами дворовые люди Строгановых. В этом уголке Севера мастера создали особый, своеобразный стиль иконописи, влияние которого испытали на себе Москва и Новгород. Здесь работали и мастера-филифтяники, знавшие все тайны персидской эмали, и великолепные чеканщики, и ювелиры. А в женских теремах, в девичьих светелках под началом у жем и дочерей Строгановых трудились искуснейшие золотопшвен; они создали неповторимое по красоте и тонкости золотое шитье. Тут, в Сольвыче-

годске, сохранились до наших дней здания, архитектура и убранство которых составляет гордость русского искусства.

Здесь же Благовещенский собор — крупнейший памятник русского северного зодчества XVI века. Гладки его суровые стены. Сквозь узкие окна скупо пробивается свет.

Другой храм, воздвигнутый полтора века спустя той же семьей Строгановых, храм Введенского монастыря, построен в стиле русского барокко. Строитель этого храма во что бы то ни стало, видимо, хотел превзойти своих предшественников. Сочетание белого камня и красного кирпича, обилие окон, затейливые, характерные для русского барокко колонны и балюстрады придают всему строению светлый, нарядный, праздничный вид.

В послевоенной пятилетке намечается реставрация этих памятников архитектуры.

Знаменитые своими дипломатическими талантами, колонизаторской деятельностью, торговыми удачами, любовью к искусству, ревностью к церкви и притом чрезвычайной жестокостью, Строгановы в полную меру прославились после, уже на Каме, где получили от Ивана Грозного огромные земли в XVI веке; но первоначальное их возвышение произошло именно здесь, на берегах Вычегды, еще в XV веке.

По Вычегде до покорения Казани шел путь на Урал, в Сибирь. Вотчина Строгановых, «Соли Вычегодские», стояла у самого устья этой очень оживленной в те времена реки. Отсюда по Сухоне через Вологду легко было слиться с Москвою. Отсюда же открывался и другой путь — по Двине к Белому морю.

Безлики были выгоды такого местоположения, как мы уже видели из примере Устюга Великого; можно было дешево купить или выменять драгоценные меха у племен, обитавших по рекам Печоре, Выми и Вычегде, у народов, живших за Уралом, и отправить эту «мягкую рухлядь» либо в Москву, либо за море. Можно было дорого продать хлеб лесным людям. Но мало этого. Уже в самом начале XVI века Строгановы построили соляные варяницы по всей Вычегде и на своих собственных кораблях сплавляли и продавали соль по всем окрестным рекам и лесам.

Богатства Строгановых были так велики, что московские цари не раз обращались к ним, «слезно» прося то хлеба, то денег, то холста.

Эти вычегодские Медичи в пределах далекой своей вотчины получили от великих князей и царей московских неограниченное право собирать войско и отправлять его в походы, судить и миловать.

И Строгановы уже в период, когда они укрепились в верховьях

Камы, организовали поход на Сибирь под водительством вольного казачка Ермака Тимофеевича.

Строгановы поступали самоластно с покоренными племенами и беспощадно чинили «многие напрасные смерти» своим крепостным людям, о которых в одном старинном документе говорилось: «в темнице сидят в колоде и в железях тяжких сидят года по три, по четыре и умирают от кнутных побоев без отцов духовных, морят дымом и голодом».

Однако в XVI—XVII веках Сольвычегодск был не только вотчиной купцов, колонизаторов, самодуров Строгановых, но и важнейшим художественным и культурным центром русского Севера.

В XVII веке экономическое значение, а вместе с ним и культурная жизнь Сольвычегодска замирают. Пути в Сибирь пошли через Каму. Пути за море — через новый порт Петербург.

После, когда лесной промысел, новые железные дороги, молочное товарное хозяйство вновь пробудили к жизни старые северные города Архангельск и Вологду, — новый город Котлас, выросший под носом у Сольвычегодска, оттянул к себе все дороги, все пути и оставил этот старинный город вместе с Устюгом коротать в тиши свой век.

До чего глух и заброшен был Сольвычегодск к началу XX века, можно судить по тому, что царское правительство нашло этот город самым подходящим местом, чтобы сослать туда, отрезать от мира беспокойнейшего из революционеров, которого оно боялось, как огня.

В феврале 1909 года в ссылку в город Сольвычегодск прибыл Иосиф Виссарионович Сталин. В июне того же года он совершает побег и перемещается в Баку, чтобы руководить большевистской организацией. Но в марте 1910 года Сталина там арестовали и после полугодового заключения снова выслали по этапу в Сольвычегодск, где он пробыл с конца октября 1910 года до начала июля 1911 года.

Музей, устроенный в доме, принадлежавшем М. П. Кузачковой, восстановил детали обстановки, в которой жил и работал великий соратник Ленина.

В сольвычегодской комнате у Сталина, как и в Вологде, где он жил, все было хозяйское, Сталину принадлежали только книги. Они появлялись везде, где бы он ни поселился. Они лежали на этом деревенском, трогательно скромном столе, в этой небольшой горнице, где жил человек, о котором в официальных донесениях сообщалось:

«Упомянутый в сводках паружного наблюдения под кличкой «Молочный», известный в организации под кличкой «Коба» — член

Сольвычегодск
Дарик-музей
И. В. Сталина

Бакинского комитета РСДРП, являвшийся самым деятельным партийным работником, занявшим руководящую роль...» (из сообщения нач. Бакинского охранного отделения от 24 марта 1910 года)¹.

Начальник Вологодского жандармского управления писал сольвычегодскому уездному исправнику 16 февраля 1911 года:

«По имеющимся во вверенном мне управлении негласным сведениям политический ссыльный в г. Сольвычегодске Иосиф Виссарионов Джугашвили намерен бежать из ссылки. Сообщая о вышеизложенном, прошу усилить наблюдение за Джугашвили и принять меры к воспрепятствованию ему побега из-под надзора полиции»².

Через каждые два-три часа полицейский агент стучал в окно Кузаковой:

— Квартирант дома?

С Кузаковой взяли расписку, что, если ее жильца не будет дома более трех часов, она немедленно сообщит об этом в полицию.

Не раз полицейские устраивали у Сталина обыски.

Ночью к окну подбирались полицейские и шпики, чтобы разглядеть, чем занят квартирант, что делает он при свете лампы или свечи.

В Сольвычегодске Сталин проводил собрания ссыльных, где читались рефераты, обсуждались политические вопросы. Сталин организовал сходку ссыльных социал-демократов, за что отбыл трехдневный арест. 31 декабря 1910 года Сталин написал в ЦК партии знаменитое «Письмо из сольвычегодской ссылки»³. В этом письме Сталин цели-

¹ «Красный архив», 1941, том II, стр. 12.

² «Красный архив», 1941, том II, стр. 14.

³ См. Сочинения И. В. Сталина, т. 2, стр. 209.

ком поддерживает ленинскую тактику партийного блока сторонников сохранения и укрепления нелегальной пролетарской партии, резко бичует «тухлую беспринципность» Троцкого, выдвигает план организации работы партии в России.

Из далекого Сольвычегодска Сталин установил связь с Лениным.

В СТРАНУ КОМИ

ВВЕРХ ПО ВЫЧЕГДЕ

ека Вычегда приходит в Котлас с северо-востока, из далекой земли народа коми.

Советская власть принесла этому народу автономию, и он образовал Автономную советскую социалистическую республику Коми.

Коми АССР начинается по Вычегде, в двухстах километрах от Котласа, тянется дальше по этой реке до самых ее верховьев, а на севере захватывает почти весь

бассейн Печоры. Республика раскинулась на обширных пространствах между рекой Мезенью и Уральским хребтом, между верховьями Вятки и побережьем Ледовитого океана. Огромная страна! По площади она больше Великобритании или Италии.

На крайнем севере этой страны, за Полярным кругом, лежит тундра, но юг республики лесист и похож на те места, где мы только что были. Сравнительно редкое население (на всем огромном пространстве республики — меньше полумиллиона человек) живет главным образом именно здесь, на юге, в бассейне реки Сысолы, где на подмогу лесным промыслам издавна развилось и земледелие.

Отправимся же в столицу республики Коми — в Сыктывкар; он лежит у впадения Сысолы в Вычегду. Это самый старинный город в республике.

До последних лет Сыктывкар отстоял от ближайших железных дорог на триста пятьдесят километров. Теперь республику Коми из конца в конец пересекала Северо-Печорская железнодорожная магистраль. Но Сыктывкар остался на восемьдесят километров в стороне от этой железной дороги. Он связан с ближайшими ее станциями — Айкино и Княжпогост — недавно проведенным автомобильным трактом; другая автомобильная дорога выводит от него к станции Мураши на железной дороге Киров — Котлас.

Постройка к Сыктывкару автомобильных дорог — достижение последних предвоенных и даже уже военных лет. Там, где сейчас по плотно укатанному снегу бегут автобусы, десять лет назад двигались зимой по старинке — санным путем. Связь города с остальным миром на зиму замирала, и сыктывкарцы с нетерпением ждали каждый год весны, когда открывается тоже старинная, но все же более удобная дорога — река Вычегда. Она и сейчас летом служит путем, который ведет из Котласа в Сыктывкар. По ней-то мы и отправимся.

Вычегда столетиями служила «главным входом» в страну Коми. Народное сознание коми всегда ощущало, что Вычегда выводит из большие реки — дороги Севера, по которым можно доплыть до самого моря. Недаром в старинной песне коми поется:

Средь Сысолы сесть — в Вычегду несет!
Средь Вычегды сесть —
В Двину несет!
Средь Двины сесть —
В море несет!
Средь моря попасть —
Всю жизнь плавать,
Щенкой мыкаться по волнам,
Краев не видеть!

Когда плывешь Вычегдой, то по окружающему пейзажу не заметишь перехода от Архангельской области к Коми АССР — те же бесконечные северные «лесья», те же сочные луга, те же небольшие деревни, такое же медленное течение реки... Но сама река — другая. Едва с Двины свернешь на Вычегду, как сразу почувствуешь, что

попал с большой проезжей дороги на тихую, проселочную. Маленький пароходик медленно ползет против течения, а впереди и позади качают над водой свои зеленые головы вехи. Весь путь по реке провешен: в дно на небольшом расстоянии друг от друга воткнуты жерди. В каждой высверлено отверстие и туда продета еловая ветка. От малейшего ветерка или волны ветка качается, и кажется, что вехи кланяются, встречая и провожая пароход.

Вычегда мелка. Послевоенный пятилетний план намечает большие выпрямительные и дноуглубительные работы на Вычегде. Пока же судоходная полоса идет узким переулочком между мелями, но и по ней могут идти только мелкосидящие небольшие пароходы. То и дело матросы промеривают глубину.

Над рекой взмывают большие тучи, кричит птица скопа. Чаек здесь не услышишь. Берега Вычегды пустынные, сплошные заросли дикого леса кое-где перебиваются небольшими клочками полей, засеянными белым ячменем или золотистой рожью. В окружении лесов эти поля кажутся удивительно светлыми, ясными. Редко-редко, когда на берегу встанет село или небольшой городок вроде Яренска.

За каждым домиком этого городка клочок поля. Перед домом цветет картошка. В старые времена домохозяева побогаче, кроме службы и земледелия, занимались еще и торговлей, выменивая у приезжающих охотников меха и дичь за водку или отбирая их новую добычу за старые долги.

Немудрено где-нибудь под таким Яренском сесть на мель, что иной

раз случается. Сначала капитан довольно бодро отдает команду, и пароход отчаянно пыхтит, разводит все свои пары и, стуча колесами, пытается сорваться с места. Но маневр этот удается не всегда; иногда он приводит к тому, что пароход еще оскотательнее зарывается в песок. Приходится просить помощь извне. И капитан, ворча, посылает на берег к телефону.

Вокруг сидящего на мели парохода очертания дна постепенно меняются. Фарватер уже не тот, и поставленные вехи теперь могут оказаться не на стрелке реки, а как раз на самом мелководье. Песок, несомый водой, всегда оседает, когда вода встречает на своем пути препятствия. Он обволакивает размывшие водою камни, корни деревьев, а сейчас скапливается у носа судна.

Похожие на верблюдов баржи с горбатыми кранами землерпалок по всей реке сгребывают песок, рассыпая мели. В экстренных случаях такая, как их здесь называют, «грязнуха» могла бы помочь и севшему на мель пароходу, но, как назло, сейчас нет ни одной, чтобы рассосать мель или уступить свой буксир, который мог бы стащить прочно сидящее судно с мели. Пассажиры уже досыта налюбовались блеском северной реки, немеркнущим ночным зеленым небом, лесистыми берегами и деревьями с обильными, подмытыми водой корнями.

Приелся уже и пряный запах только что скошенной травы, который ветер доносит со знаменитых вычегодских поемных лугов. А помощи пока нет ниоткуда.

Довольны этим происшествием одни лишь ребята. Вот школьники из далекого Леткинского района едут в Сыктывкар в детский санаторий. Речь этих маленьких коми непривычно для нашего слуха певуча, даже по-русски они говорят со своеобразными модуляциями, смягчая звуки «л» и «п», называя друг друга вместо Иван — Иван, вместо Лиза — Лиза. Котлас был местом их последней пересадки. От Котласа прямым сообщением по Вычегде они попадут в Сыктывкар. Но как они добирались до Котласа из-под далекой Летки? На бескрайнем Севере не везде успели пройти новые дороги — и вот этот двенадцатилетний пионер добрался по лесной тропе. Один только раз очень испугался: где-то неподалеку рычали медвежата.

— Ух, как припустился бежать! Вот, — он показывает свои изодранные ветвями руки, испаранные щеки.

Так лесом дошел он до станции, тут встретился с другими школьниками, вместе со всеми сел на поезд, приехал в Котлас.

— Теперь пароход довезет как-нибудь.

Ребята смеются, но взрослым не до веселья.

Пароход все стоит. Остается только слушать ребячьи рассказы.

Речной
пароход

— Когда она с ветки на ветку летит, то хвост вытягивает, распускает. У белки хвост вместо крыльев, — рассказывает пионер в холщевой рубаше до колен, в холщевых штанах и сукожных чулках. Обут он в острые кожаные «коты» — нечто вроде кожаных калош. Поверх рубахи лаз — войлочная безрукавка с огромным, наподобие рюкзака, карманом на спине. В такой мешок-карман коми-охотники кладут запас пищи, пороха. Сыновья и внуки охотников, эти юные представители народа, живущего с незапамятных времен в лесах, не могут забыть белок, встреченных в лесу.

— Не было ружья, — все повторяет мальчик.

Только гуси на мгновенье отвлекают его от мыслей о незастреленных белках.

— Если б мне сейчас ружье...

Коми — прирожденные охотники. У коми пушнина встарину даже служила вместо денег. До сих пор в разговорном языке слово «ур» обозначает и белку и копейку.

Но вот раздается гудок долгожданного буксира, высланного из помощи. Вновь запыхтели машины парохода. Буксир осторожно, на каждом шагу промеряя глубину, обходит пароход, становится впереди и, уцепившись, тащит его канатом из всех своих сил.

Заскрипел песок, берег тронулся и поплыл. Пароход сдвинулся с места и пошел дальше по Вычегде к устью Сысолы, к городу Сыктывкару, прежнему Усть-Сысольску.

СЫКТЫВКАР—СТОЛИЦА КОМИ

Место впадения реки Сысолы в Вычегду было в древности таким же поротами в Печорскую землю и далее на Урал и в Сибирь, как устье Двины в Западную Европу. Сначала в этих краях возник городок Усть-Вымь, а потом — его соперник, победивший и ставший единственным в этой земле город Усть-Сысольск.

Усть-Сысольск, подобно Сольвычегодску, вырос из резиденции местных купцов. Сухановы и земле Коми были такими же самовластными хозяевами, как Строгановы сначала в Сольвычегодске, а потом в Соликамске, когда с покорением Казани путь на Сибирь пошел по Каме, минуя Вычегду.

Строгановы получили лежащие на этом новом камском пути пермские вотчины — «Соли Камские», а вычегодские их имения постепенно стали превращаться из промышленного, торгового и политического центра в тихое родовое поместье. Именно в это время в глубине вычегодских земель и воцаряются Сухановы.

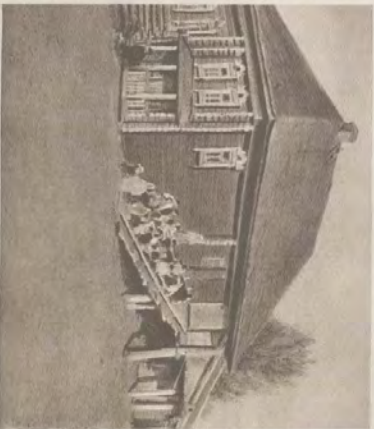
К началу XVIII века этот некогда славный своей «ловлею» край стал такой забытой окраиной, что даже начальник над вычегодскими землями, устюжский воевода, не знал, сколько у него под началом селений; чтобы ответить на запрос из Петербурга, воевода созвал старост и сотников, опросил их, но когда с составленной по этому вопросу картой петербургская экспедиция попыталась проникнуть за Вычегду, то чуть не погибла в болотах этой малолюдной земли. До царя было далеко, и полновластными хозяевами края долгие годы были купцы Сухановы. Еще в начале XIX века Усть-Сысольск оставался их вотчиной.

Сухановы жили торговлей не с Сибирью, как Строгановы, а с Архангельском, и торговали они не только пушшиною, но и хлебом, который вызревает в южной части края. Кроме того, они скупали у местных охотников всякого рода дичь, меха, рыбу и, отправляя это в Петербург, привозили оттуда, а также из Нижнего Новгорода, из Вологды и Ятки «мелкие, для купечества, мещанства и уездных жителей приличные товары, а также съестные припасы».

С пуском в самом конце прошлого столетия Пермь-Котласской железной дороги, которая открыла путь из Сибири к Европейскому Северу, вычегодская хлебная торговля с Архангельском падает, потому что не может выдержать конкуренцию с дешевым сибирским хлебом. И Усть-Сысольск к началу XX века превращается в далекий захолустный городок. Царское правительство смотрит на него, как на место ссылки: сюда, например, Николай I сослал Надеждина, напечататавшего в «Телескопе» на шумевшее «Философическое письмо» Чаадаева...

Улица в Солъзычегодске.

Сенерная деревня. Изба. Деревянные мосты.

Сыктывкар. Новые дома (вверху). Вид с самолета (внизу).

Сыстывкар.

В годы глубокого запустения здешний уроженец, краевед-самоучка купец В. Н. Латкина, тщетно пытался заинтересовать царских чиновников богатствами своего края, который он горячо любил. Он давал деньги на научные экспедиции, исследовал ископаемые богатства, мечтал соединить каналом Печору с Обью, организовал Северо-Печорскую компанию с капиталом в несколько миллионов — и умер нищим, имея за собой шестьсот тысяч долгу.

Выегда вдруг круто поворачивает, и мы видим бегущую к нам навстречу реку Сысолу. На левом берегу Сысолы все чаще встают пятистенные избы на высоких подклетах с пришитой вплотную летней избой. Сначала по две, по три, по пять и по десять вместе, дальше избы уже выстраиваются в длинную улицу. Перед нами Сыктывкар. И все пассажиры в радостном волнении принимаются упаковывать свои подушки, чайники, котелки...

На языке коми Сысола называется «Сык-тив», а «кар» значит город.

Среди деревянных домов и изб в городе возвышаются оштукатуренные белые каменные здания: Совет министров, Педагогический институт, дома министерств и учреждений.

Сам внешний вид Сыктывкара, этого возрожденного к новой жизни старинного города, как бы отвечает результатами сегодняшних дел на мрачные размышления Латкина о будущем этой некогда забытой страны, отсталой царской колонии: «Проникнет ли сюда когда-нибудь просвещение?.. Огромные лесные богатства этого края, богатые рыбные и звериные ловли, море, обильное животными, обширные тундры, питающие многочисленные стада оленей, неисследованные минеральные богатства... тлеют в ожидании, пока просвещение об руку с предприимчивой промышленностью захочет разработать богатства этой пустыни». Сейчас, кроме многих, отлично

Беричья шкурка

песец

Коми охотник

отстроенных новых школ, кроме техникумов и высших учебных заведений, кроме Дома культуры и национального театра, мы встречаем в Сыктывкаре базу Академии наук СССР, где планомерно изучаются разнообразные природные богатства республики. И во всех этих культурных учреждениях растут кадры интеллигенции из народа коми.

Послевоенная пятилетка уже дает Сыктывкару много новых домов, новые культурные учреждения, новые мостовые, новые магистрали водопровода, речной вокзал, асфальтовые тротуары на главных улицах.

За годы советской власти в Сыктывкаре создалась и промышленность.

Около города стоят громадные баки — цистерны, наполненные нефтью. По реке против судоверфи сауют катеры, а с крупного лесопильного, депо стальных пятилеток, уходят в Архангельск баржи, груженные первоклассными экспортными досками. Вырос кожевенный комбинат.

Город со своими домами, улицами и бесчисленными огородами расположился на высоком берегу, и реку видно почти отовсюду.

Своей четкой планировкой Сыктывкар напоминает Великий Устюг, Архангельск, Свердловск, Кострому — города, застроенные в XVIII веке.

В ту пору в Академии наук и в государственных канцеляриях велась большая работа по размежеванию всей русской земли. Города — и «вновь назначенные» губернские и уездные — стали строиться «регулярно», то есть согласно правилам. И планировка Сыктывкара — тоже «регулярная», типичная для городов того времени.

Сыктывкар — город старинный, обжитой и, как все здешние старые города, застроен невысокими двухэтажными домами, большей частью деревянными. По торцовым мостовым или деревянным настилам мягко цокают копыта лошадей. Северные тополя раскинули свои кроны так широко, что кажется, под одно дерево может спрятаться целый квартал. А на севере этой же республики, в тундре, растут карликовые деревья, столь маленькие, что их целый десяток уйдет под одну такую шапку...

Но Сыктывкар — южный город этой северной страны, и ничто здесь еще не напоминает о болотах и тундрах, что лежат за ним. Вокруг Сыктывкара много пашен, много больших сел. По Сысолье, давней городу и его русское и его национальное имя, расположен район сельскохозяйственный республики. В иных селах здесь работают не крупные предприятия, перерабатывающие продукцию сельского хозяйства — крахмало-паточный завод, льнозавод. Все это выросло здесь при советской власти.

Народ коми жил раньше бедно, подчас убого; безжалостно экс-

плоатировали его хищные купцы, пришлые и собственные — «зырянские»¹, предприниматели и кулаки; урядники и становые мало церемнились с бедняками-«шнородцами». Сейчас и здесь, в окрестностях столицы Коми АССР, и по всей республике мы видим совсем иную жизнь. Как и весь советский народ, коми живут полноценной, радостной жизнью, и каждый новый день позволяет им подняться еще на одну ступень зажиточности, еще убедительнее ощутить то счастье, которое дает каждому человеку великая сталинская эпоха.

Сыктывкар и его издавна обжитая округа — это ядро страны народа коми.

Об этом народе и его происхождении долго велись споры. После работ покойного академика П. Я. Марра, впервые приложившего к проблеме происхождения языка коми марксистский метод исследования, после изысканий Н. Чебоксарова, собравшего большой исторический материал, после исследований молодого ученого коми Н. И. Шинкина можно считать опровергнутой старую теорию «финологов» так называемой гельсингфорской школы, пытавшихся вывести происхождение коми от прафиннов. В фашистских кругах Финляндии поспешили подхватить эту теорию, для того чтобы объявить весь чаш Лесной Север «до Урала» своей «законной» землей. Сейчас мы знаем, что земля Коми — новгородские летописи называли ее Пермией, а скандинавы Биармией — была издавна заселена предками нынешних коми. В давние времена торговые связи этого народа распространились необычайно широко — от Оби до Скандинавии, от Печоры до Прикамья и Волги, а через нее — до древней Скифии и дальше.

В формировании национальности коми участвовали многие племена Севера. Многие элементы религиозных верований, языка и искусства пришли сюда и с юга, через земли волжско-камских «булгар». Есть даже некоторые исторические, этнографические и археологические данные, позволяющие считать, что в формировании народа коми принимало участие одно из скифских племен, о переселении которого на Север рассказывает Геродот. Но этническая основа коми и их коренная культура происходят к давним обитателям верховьев Вычегды, Камы и Печоры. В происхождении коми и их языка не все детали еще ясны, но мы уже видим, насколько более, чем «финология», прав был Михаил Васильевич Ломоносов, писавший: «Чудского или Скифского народа древнее величество явствует из великих его остатков, как видим в... Пермии, в Черемисе, Мордве, в Вотяках и Зырянах... Единородство... Чудь».

¹ Раньше коми назывались зырянами. — Ред.

со Скифами для многих ясных доказательств неоспоримо».

Огромное влияние на коми оказал за последнее тысячелетие великий русский народ. Одежда коми, их утварь, множество черт языка и быта несут на себе печать долгого плодотворного соседства с русскими. Русские передали коми и многие черты своего облика.

Высшие коми почти не отличаются от окружающего русского населения. И быт их сходен с бытом русских. По Вычегде, по Выми и по Сысде коми пахут землю, разводят молочный скот — главным образом особой местной безрогой, так называемой «комолой», породы — и в определенные сроки уходят на лесной и охотничий промысел. Севернее, по Печоре, они больше охотятся и ловят рыбу. А еще севернее, ближе к тундре, на Ижме и Усе, как и ненцы, разводят оленей.

Ижемцы красивы, высоки ростом, стройны. Внешний облик ижемцев до того напоминает все то, что мы знаем о древних новгородцах, что не веришь ушам своим, когда слышишь нерусскую речь из уст какого-нибудь словно сошедшего с исторической картины Василия Буслаева. Старики-ижемцы считают себя потомками русских ссыльных князей и строптивых новгородских бояр, ушедших в леса. В одежде ижемцев, главным образом женской, сохранились особенности древнерусского платья. И когда женщина коми пройдет своей величавой походкой, то и впрямь кажется, будто это боярыня из русской сказки.

Женщина у коми очень самостоятельна — и рыбачит сама, и охотится, и лес валит, управляется и с парусом, и с лошастью, и с оленями. Она и ружьем владеет, и плугом, и веслами; даже странно видеть ее, только что выбравшую невод, сидящей дома за прялкой. Коми издавна считали, что «женщина выше попа, архиерея, царя».

Коми — народ, веками обитающий в лесах Европейского Севера. Холмистые равнины бассейнов рек Вычегды и Печоры, разделенные Тиманским кряжем, и южная часть Большеземельской тундры издавна обжиты этим народом охотников, рыбаков и скотоводов.

Многовековая жизнь в лесу выработала в языке коми множество слов, обозначающих очень точно тот или иной характер лесного ландшафта. Там, где русский скажет просто «лес», коми, в зависимости от преобладающей породы леса, от рельефа, от влажности почвы, скажет либо «парма» (возвышенный участок, поросший елью), либо «яг» (то же, но с преобладанием сосны), либо «дав» (облесенные сосной холмы), либо «рас» (ровное сухое место, поросшее березой), либо «йонодь» (то же, но заболоченное), либо «четкас» (еловый лес на равнине). Это богатство языка, дающего коми тонкое мастерство определять характер места, мы видим на подробной карте республики Коми, сплошь пестрящей частями «дав», «рас», «яг»... Лес живет и в национальных орнаментах коми. В изящных узорах из меха разных цветов, которыми украшены пимы, совики или охотничья торба, то мелькнет веточка елки, то рог оленя...

По путям, проложенным коми в лесах, двинулись в древности русские от Вычегды к Печоре и далее на Урал, в богатую изобилием оленями Сибирь; и коми были их первыми проводниками.

А теперь по лесным тропам, известным лишь народу коми, пробираются в глубь республики партии геологов, геодезистов, инженеров, и среди них немало уже уроженцев Коми.

Славные подвиги совершили коми во время Великой Отечественной войны. Тринадцать воинов коми получили звание Героя Советского Союза.

Умук

Варанги — красильные узоры

Став строителем социалистической культуры, народ коми получил возможность впервые извлечь из-под спуда те культурные богатства, которые остались от одиночек-просветителей. Самым замечательным из них был сын народа коми ученый И. А. Куратов. Создатель литературного языка коми, И. А. Куратов оставил большое литературное наследство; сейчас, при советской власти, ряд его работ издан на родном языке. Куратов принадлежал к революционно-демократической интеллигенции 60-х годов прошлого века и по своим взглядам шел за великим русским мыслителем и революционером Чернышевским. В своих статьях, стихах и сказках он боролся с царизмом за свободу своего народа, и царизм жестоко расправился с ним: Куратов умер в 1895 году в ссылке, вдали от своей родины, в степях Казахстана, тридцати шести лет.

Сейчас через село Кибра, откуда был родом Куратов, прошел автомобильный тракт Сыктывкар — Мураши. Здесь устроен музей, и самое село с 1939 года, когда праздновалось столетие со дня рождения этого выдающегося человека, стало называться Куратовым.

Другой местный ученый, историк Г. С. Лыткин, скончавшийся в 1907 году, впервые составил алфавит для языка коми. Тот алфавит на русской основе, которым пишут в республике Коми сейчас, очень близок к первоначально предложенному Лыткиным.

Этих людей не забыли в сегодняшнем, советском Сыктывкаре. Их культурное наследство критически осваивается, ставится на службу родному народу.

С братской помощью великого русского народа коми быстро развивают свое хозяйство, свою культуру.

В КРАЙ УГЛЯ И НЕФТИ

УХТА

а годы сталинских пятилеток и даже в самое время Великой Отечественной войны в стране коми развивалась тяжелая индустрия.

И первый, самый «старый» очаг новой для Коми промышленности — это Ухта, город, которому отроду исполнилось всего пятнадцать лет.

Самолет взмывает над Сыктывкаром, разворачивается над Вычегдой и идет на Ухту.

Среди сплошных зарослей леса — вдруг желтые штабелы свежих досок, дымок жилья, огороды, квадрат пашни. Это какой-то поселок лесорубов... Остается позади Серегово с его старинными соляными варницами. А вот и линия железной дороги! Старинное село — и рядом

несколько улиц новых стандартных домов. Так выглядит железнодорожная станция Княжпогост и поселок Железнодорожный. Железная дорога эта и есть Северо-Печорская магистраль. Впереди кругом опять знакомая картина — лес да болото, болото да лес. Дальше до самой Ухты почти не встретишь крупного селения.

Летим час, потом второй. Это значит, что пролетели более трехсот километров. Глухая лесная сторона.

Но вдруг — усыпанное песком, прямое, как след стрелы, шоссе, и по нему черной горошиной катится автомобиль. Значит, приближаемся к Ухте. Зеленая долина, лесистые холмы и среди леса вышки. Снова вышки. Корпуса нефтеперегонных заводов и лабораторий, круглые цилиндры нефтехранилищ... «Черным городом» называли Баку, — зеленой кажется с самолета Ухта.

Сверху виден весь этот стройный город, с прямыми улицами, с большим сосновым парком, уходящим к реке. За рекою, как предместье, рабочий поселок, над рекой — великолепный стадион. На его воротах трепещут флаги; по песку бегают спортсмены в желтых, белых и голубых майках.

Самолет, подняв крыло, поворачивает к аэродрому.

Видно, как по болотам и сквозь темные леса убегают полосы шоссеиных дорог. По ним мчатся грузовики, автобусы, мотоциклы. А тот, черный, уже замеченный нами автомобиль спешит к аэродрому. Самолет, суживая круги, снижается. И на аэродроме нас уже ждет «М-1».

Такое ровное шоссе и под Москвой не везде встретишь. А дальше Ухта открывается колоннадами зданий театра и горсовета. Гостиница тоже построенная в таком же строгом классическом стиле, так странно отличающемся от этого дикого леса. В самом городе, кроме парка, деревьев не видно.

— И так надоел нам этот лес, — говорят ухтинцы.

Быть может, на первых порах слишком уж интенсивно вокруг Ухты люди начали сводить лес, расчищать себе пространство под небом. Быть может, этого бы теперь не сделали. Но все-таки как приятно из темного леса вырваться на не затененную деревьями площадь.

Можно понять стремление здешних архитекторов обращаться с деревом, как с камнем. Надоели деревья и древесина, соскучились по камню. Если можно так выразиться, весь стиль этого города архитектурно разрешен как дерево, сделанное под камень.

Строительство в Ухте ведется любовно; чувствуется, что люди строят город надолго. Красивы и удобны здешние дома.

В Ухте много общественных зданий, школ, клубов. В глухой еще не так давно тайге вырос новый и культурный центр.

Этот новый промышленный форпост, созданный по воле партии там, где в недалекие времена были только лес да болото, является ярким свидетельством животворящей силы со-

петского строя, обращающего на пользу родины дремавшие ранее богатства недр земли.

Народнохозяйственное значение этого нового оянга исключительно велико. СССР приобрел в лице Ухты важный район нефтедобычи и нефтепереработки, а между тем здесь еще до недавнего времени вовсе не было источников жидкого топлива. С развитием ухтинских нефтепромыслов Север, который раньше считался краем исключительно «дровяной» энергетики, получил самое современное, великолепное моторное топливо. И сама техника Ухты — передовая, современная, а кое в чем, может быть, даже превосходящая завтрашний день промышленности.

На реке Яреге, где было обнаружено месторождение тяжелой нефти, построена первая в Союзе шахта для добычи нефти без бурения гаубоких скважин.

На горе Крутой создан оборудованный новейшими машинами газовый промысел, где газ перерабатывается на сажу. Ухта сейчас — одно из основных сажевых предприятий в нашей стране.

На разработках асфальтита организовано лакобитумное производство. Ухтинский асфальтитовый промысел освободил нашу родину от импорта многих продуктов.

Ухтинцы дали толчок и добыче угля в далекой печорской тундре.

Там, где работала небольшая экспедиция, теперь образовался мощный и сложный промышленный центр.

Город Ухта — это узел, где Северо-Печорская магистраль пересекается с воздушными и многими автомобильными путями. Как их вели сюда?

Вначале между Ухтой и газопромыслом на Крутой ездили на шнявках по рекам. Такая шнявка могла принять не более двух с половиной тонн груза. Рейс в один конец длился неделю, а когда реки мелели, то и дольше. Зимой приходилось тащиться в обход за сто пятьдесят километров.

А весной с конца марта и осенью до середины ноября эта дорога со своими крутыми спусками и подъемами была вовсе непригодна.

Сейчас от Ухты до Крутой мчатся автомобили по отличному тракту. Но, чтобы понять объем и сложность работ по укладке этого тракта, нужно знать, что на дорогу было насыпано около девятисот тысяч кубометров земли и построено чуть ли не девяносто мостов.

Нефть и газ добывают на Ухте из скважин, пробуренных станками, которые приводятся в движение паровой машиной или электромотором. Вес буровых агрегатов доходит до пятнадцати тонн, а сколько весят обсадные трубы, которые надо доставить к каждой буровой!

Теперь представим себе этот так хорошо оборудованный, переде-

завинный шоссейными дорогами, обстроенный по новейшим правилам техники район, каким он выглядел лет пятнадцать назад. По свидетельству местного старожила, поэтессы Л. Звягиной, это

Сторона суровая, сторона унылая,
Челаскова природа — болота да тайга,
То морозы лютые, то мошкара постылая,
А и мир одна дороженька — неверная река...
Кое-где по берегу деревня обветшала,
А кругом на сотни верст дремучие леса...

Как же по этому лесному бездорожью были переброшены сюда части оборудования, весившие десятки тонн? Зимой и летом их тащили на саях. Переброска машин на одну только буровую длилась месяцами. В первые скважины бурили по два-три года. Теперь скважины бурят за два-три месяца.

Почти ко всем первым разведочным скважинам проходит широкая просека, и через каждые двести-триста метров на ней остались большие срезанные деревья. Их верхушки спиливали, а на ствол надевали трубу. Укороченный ствол с трубой служил кабестаном. На трубе закрепили стальной канат, его свободный конец привязывали к саям. Двадцать пять человек двигались вокруг дерева, приводя трубу в круговое движение. Канат навивался на трубу, как на барабан, и подтягивал сани, на которых лежало оборудование. Иногда, если это было возможно, если грунт был не слишком топким, а лес не очень частым, трубу вращали с помощью припряженных лошадей.

Разведочные буровые закладывались в глухих, отдаленных местах. Нарушалась вековая тишина чащи, не знавшей человека. Звери, птицы отступали в глубь лесов, и только медведь изредка забредет бывало на свое старое место, покрутится вокруг, послушает и повернет обратно.

А выйдешь из леса — шуршит под колесами автомобиля шоссе, сияют огнями рабочие поселки вокруг промыслов. Да и в недавней лесной глуши, в домике буральщика, стало жить удобно. Радио, газовое отопление, электрический свет.

В НЕФТЕШАХТЕ

Попав в Ухту, каждый прежде всего стремится на Ярегский промысел, где нефть добывают не обычными, как, скажем, в Баку, скважинами, а в шахтах, как руду или уголь. Нефть Ярегского месторождения густа, как леготь. Она вязкая, особенно зимой, и ее было бы трудно выкачивать по трубам. Обычный способ добычи здесь неприменим.

Вот почему и решено было попытаться добыть нефть по-иному. Нефть здесь залегает сравнительно неглубоко — в сводной части складки; это позволяло рассчитывать, что извлечение ее шахтным способом окажется недорогим. А насколько более полное извлечение сулила этот способ!

Ухту с нефтешахтой № 1 соединяет шоссе. За кюветами дороги унылый ландшафт: низкорослый, чахлый таежный лес, еле удерживающийся на слабом болотистом грунте. На безлесных участках — сплошное топкое болото. Вдруг картина резко меняется, будто очутился на даче под Москвой. На сухой песчаной почве — приветливая сосновая роща. Сквозь золотые стволы видны уютные деревянные домики с колонадами, с балконами, с балюстрадами. Это ухтинский санаторный городок. Живописный пейзаж также внезапно обрывается песчаным карьером. Здесь берут песок для нужд кирпичного и стекольного заводов. На мосту растыло несколько рыбаков с удочками. Они ловят местную рыбу — хариуса.

Переключив скорость, шофер ведет машину на крутой подъем берега Ухты. Кое-где выступают обнажения известняков и черных сланцев. Они используются как бутовый камень, щебень для бетона и дорожного покрытия; слева вдоль ручья — карьер. А далее впопых, куда ни глянешь, мелкорослая тайга или болото. Еще несколько десятков метров, и перед нами на холмистых увалах возникают ухоженные, кажется, к самому горизонту зеленые поля овса, огороды, где цветет картофель, густо растут узорчатые листья репы. Все это посеяно на осушенном торфяном болоте. За огородом селение. Обычный на вид стандартный подмосковный поселок. Невольно озираешься, нет ли тут трамвая, до того схож этот поселок с конечной станцией городской железной дороги.

Трамвая нет, но перед нами автобусная станция — крытая будка с ожидающими очередной машины пассажирами. Рядом футбольная площадка. Не верится, что здесь каких-нибудь пять лет назад было таежное болото.

Машина остановилась. Мы уже в производственной зоне шахты. Широкие дороги, покрытые диабазовой щебенкой. Скверик с цветами вдоль здания, занимаемого управлением шахты. Котельный цех, механический, компрессорный, буровая мастерская, электростанция...

Возвышается металлический копер шахты. Но отвалы горных пород гигантскими конусами уже выросли выше копра, а снизу подают все новые и новые порции. Нет, пейзаж никак не похож на то, что мы видели на обычном нефтепромысле. Горячки с шахтерскими лампочками, весь комплекс сооружений — ничто здесь не говорит о нефти, кроме железнодорожного состава с цистернами.

Все явственнее, все слышнее напоминающий сирену монотонный звук. Это гудит выходящий из вентиляционного ствола шахты рудничный воздух. Звук не обрывается ни на мгновенье. Если он оборвется, по всему поселку поднимется тревога. Это значило бы, что в шахту перестал поступать свежий воздух. Это значило бы, что немедленно надо прекратить все работы.

В конторе на стенах — геологические разрезы, в витринах и шкафах — образцы горных пород, нефтеносные песчаники. На столах — планы разработки месторождений. То и дело входят геологи, буровые мастера. Они получают путевки на подземные скважины, штреки.

В душевой надо надеть шахтерское белье, брюки, непромокаемые сапоги, прорезанную куртку, шахтерскую шапку, рукавицы. Перед спуском надо получить лампочку с аккумулятором.

У стола дежурный отбирает жетон и пропускает в клеть. Сигнал стволового — и дневного света уже не видно. Порыв ветра. Освещаемые шахтерскими лампочками, промелькнули лестничное и трубное отделения. Мощные вентиляторы дают такую скорость вентиляционной струе, что чувствуешь ее, как резкий сквозной ветер. Вдруг сверху начинает поливать — это мы проезжаем через водоносный пласт. Но вот клеть замедлила ход, уже нет ощущения, что пол отрывается от ног. Внизу показался свет, и через секунду клеть замерла на уровне рудничного двора.

Чтобы пройти по этому подземному двору в откаточный штрек, надо пробраться мимо подготовленных к подъему вагонеток, груженных породой. В вагонетках из самых отдаленных забоев доставлен туффит, диабаз, агреллит, песчаник; нефтяной пласт всего лишь в двадцати метрах под нами. По штреку тянутся трубы: по одним идет сжатый воздух для отбойных молотков, по другим — пар для подогрева нефти, которую качают на-гора. Здешняя вязкая нефть не может свободно течь по трубам без предварительного подогрева. Есть еще трубы, которые подают воду для промывки песчаных пробок в подземных скважинах. В трубы заключены и электрокабели осветительной сети, по трубам подают электроэнергию к подземным буровым станкам. По каналам штреков ручьями бежит вода, а на воде жирной пленкой плавает нефть.

Впереди яркий электрический свет. Это буровая камера. Здесь специально сконструированным станком бурят мелкие скважины в нефтяном пласте. Их бурят сразу целым кустом — одни вертикально, другие наклонно. Устья их очень близки друг к другу, но забои расходятся всеором все дальше и дальше друг от друга.

Все время слышен какой-то странный, чавкающий, булькающий звук. Это булькает нефть в скважинах, которые сданы в эксплуатацию. Нефть поступает из их устья по трубам. У некоторых скважин отдача нефти особенно обильна — это значит, что нащупана трещина в нефтеносном пласте и в скважину поступает нефть не только из прилегающего слоя породы, но с большой площади месторождения. Сейчас ухтинские нефтяники-шахтеры совершенствуют способы отыскания этих трещин. Шаг за шагом они достигают умения добыть из пласта почти всю нефть без остатка.

А вот, наконец-то, и сам «живой» нефтяной пласт. Здесь геолог-нефтянику предоставлена редчайшая возможность видеть воочию нефть в том виде, как она залегает в земле.

Забой освещен шахтерскими лампочками — вид необычный, непередаваемый. Пузырьки медленно выделяющегося из пласта газа метана сплывают с кровли выработки подобно виноградным гроздьям. Они переливаются цветами радуги вроде мыльных пузырей. С нижнего пузыря капля за каплей падает нефть.

Первая в СССР ухтинская нефтяная шахта — самая крупная в мире.

За послевоенную пятилетку здесь вырастут и новые нефтешахты. Добыча тяжелой нефти на Яреге шахтным способом — основная перспектива нефтяной Ухты. Вместе с тем будут осваиваться новые месторождения легкой нефти в районе Верхней Ижмы.

Уфа.

Нефтяная вышка (вверху слева). Лес, через который прошла Печорская железная дорога (вверху справа). Пейзаж у склонов Заполярного Урала (внизу).

Но не только нефть добывают в Ухте, а еще и газ.

Газопромисел находится на горе Крутой. Еще за много километров и небе видны тучи черного дыма, похожие на то, как на картинке рисуют извержение вулкана. Постепенно хвоя елей все темнеет, стволы редких берез черны, доносится едва слышимый звук, отдаленно напоминающий пение закипающего самовара. Это на сажевых заводах соскребаются на лоток сажа с закопченных поверхностей. И рядом с этим черным лесом, с черными сажевыми заводами, через дорогу от них — совершенно белый поселок. Почему он не закоптился? Инженеры, проектируя поселок, учли обычное направление ветра и дома поставили там, куда ветер почти не забегает. Поселок стоит напротив закопченного леса белый, неправдоподобно чистый.

Когда на Крутой было открыто месторождение газа, стал вопрос о том, как его использовать. Было решено перерабатывать добываемый газ на сажу.

Сажевый завод — это несколько камер, в которых устроены горелки, где горит газ. Над горелками устанавливают специальные подвижные поверхности, куда осаждается сажа. С этих закопченных поверхностей сажа снимается скребками. Она падает на особые лотки, которые ползут отсюда в упаковочное отделение. Здесь сажу уплотняют, укладывают в прорезиненные мешки, и автомашины отвозят ее на станцию железной дороги.

В том отделении, где горят газовые горелки, рабочих нет. Сажа накапливается и соскребается сама. Но в упаковочном отделении заняты люди, лица у них черны от сажи. Работают здесь неполный рабочий день, и когда полчасика спустя после гудка выйдут принявшие теплый душ молодые, веселые девушки, в них не узнаешь тех черномазых, белоглазых «чертенят», которые полчасика назад вальцовали сажу в упаковочной.

Главный потребитель сажи — резиновая промышленность. Примесь сажи дает резине прочность. Применять сажу в резиновой промышленности стали с 1915 года. Каждая автомобильная шина на одну шестую состоит из сажи.

Нужна сажа и лако-красочному производству.

Не удивительно, что быстрое развитие сажевого производства в СССР — насущная потребность. Ведь за послевоенную сталинскую пятилетку наш автомобильный парк по сравнению с довоенным удвоился. И в законе о пятилетнем плане записано: «Создать крупную базу по производству газовой и технической сажи, значительно увеличив мощность сажевых заводов». Это относится и к Ухте. Здесь будут

построены новые сажевые заводы, производство сажи увеличится за пятилетие в несколько раз.

Когда в Ухте было решено строить, кроме того завода, где сажу собирают с закопченных поверхностей, еще и термический сажевый завод, наши ухтинские инженеры изобрели камеру оригинальной конструкции, упрощающую процесс получения термической сажи.

БОРЬБА ЗА СЕВЕРНУЮ НЕФТЬ

Еще в XV веке двинский летописец рассказал, что на Ухте добывали нефть для смазки телег и для лечения.

В 1746 году, в царствование дочери Петра Елизаветы, московский купец Набатов поставил на Ухте примитивную добычу нефти. Он даже устроил нефтеперегонный завод, с которого отправлял в московские аптеки (нефть тогда шла как лекарство) и за границу до тысячи пудов керосина ежегодно. В том же 1746 году купец Придунов добывал нефть, просто вылавливая ее из воды в реке Ухте. Над местом выхода нефти он поставил деревянный сруб, куда нефть, вытекая, постепенно накапливалась. Вскоре Придунов был взят под стражу за неуплату подесятинной пошлины. Добыча нефти на Ухте прекратилась почти на целых сто лет.

В шестидесятых годах XIX века промышленник М. К. Сидоров подал заявку в Архангельскую казенную палату, чтобы ему отвели землю для разведки и поисков нефти. Он хлопотал об этом без всякого результата шесть лет. В конце концов Сидоров все-таки добился разрешения и начал бурить скважину, которая дошла до пятидесяти двух метров глубины. Он бурил как раз в пределах того пласта, который теперь в Ухтинском комбинате получил наименование «второго» и который долгие годы был одним из основных объектов разработки. Но Сидорову не повезло. У него сломался инструмент, и он вынужден был оставить бурение. Со смертью Сидорова и дело, им начатое, осталось заброшенным.

Лишь четверть века спустя находившийся в Петербурге Геологический комитет организовал Тиманскую экспедицию под руководством профессора Чернышева. По настоянию Чернышева, Ухтинский район, признанный им заведомо нефтеносным, был объявлен свободным для заявок.

После этого на Ухте началась настоящая нефтяная лихорадка. Сюда устремился поток предпринимателей, купцов, любителей легкой наживы и авантюристов. Иные хотели всерьез заняться добычей нефти.

но без знания геологии бурили где попало. Другие добывались только барыша от перепродажи участков, третьи сознательно тормозили развитие дела. Геолог Александр Александрович Чернов, поныне здравствующий и продолжающий работать, — его справедливо можно назвать отцом печорского краеведения, — в 1902 году обнаружил на Ухте асфальтиты. Но описанием своего открытия он не мог изменить положения дела.

В 1905 году на Ухте появляется исключительно энергичный человек, капитан гвардии Воронов. Он пригласил двух крупных геологов: одного русского — Полевого, другого датчанина — Андерсена. Геологи нашли пачку нефтенасыщенных песчаников. Впоследствии эти песчаники получили название «третьего» пласта, и сейчас именно здесь добывается основная масса ухтинской нефти. Воронов заложил скважину на Яреге.

В настоящее время ярегское месторождение нефти считается на Ухте одним из самых богатых.

Однако и открытие Воронова ни к чему не привело, потому что в дело вмешался известный бакинский «нефтяной король» — Нобель. Ему то что бы то ни стало надо было удержать свою монополию, ведь ухтинская нефть могла конкурировать с бакинской. И Нобель подкупил геолога Андерсена, который, кстати сказать, до того как был приглашен Вороновым, работал в Баку. Вопреки фактам, он дал заключение, что нефть на Ухте промышленного значения не имеет.

В это же время на Ухте начал изыскательные работы инженер Гансберг, а еще через год создается Северо-Ухтинское нефтяное промышленное товарищество.

В 1910 году разведочное бурение переходит в ведение Горного департамента. Чем больше людей вовлекается в это дело, тем резче разногласия в оценке запасов ухтинской нефти. А Нобель между тем ни

на минуту не оставляет борьбы. Он подкупает инженеров, редакторов газет, чиновников министерства торговли и промышленности. По этому поводу в 1913 году в газете «Русское слово» появилась заметка: «Воеет Нобелем. Хоть Ухта и открыта, но борьба Нобеля с ней ведется так энергично, что долго она еще простоят без разработки». И действительно, в 1917 году, как раз перед самой революцией, работы по изысканию нефти на Ухте окончательно прекратились, потому что в конце концов Ухтинское месторождение, к удовольствию Нобеля, было официально признано не имеющим промышленного значения.

Во время гражданской войны Баку было в руках у англичан. И Ленин телеграфирует в 1920 году в Архангельск:

«Постарайтесь разыскать или поручите разыскать печатные материалы и отчеты о нефтеносном районе реки Ухты...»

С 1929 года в течение десяти лет один из старейших русских геологов, Н. Н. Тихонович, посвятивший всю свою жизнь поискам нефти и газа, работал на Ухте. За время его работы здесь были разведаны месторождение легкой нефти в Чибью, тяжелой нефти в Яреге и месторождение газа в Седь-Поле. А в 1932 году был создан Ухта-Печорский трест.

Вот как молода старая Ухта!

В 1929 году, когда во время сталинских пятилеток началась великая стройка, на печорский уголь и ухтинскую нефть указал товарищ Сталин. По инициативе вождя и развернулась их разведка, а затем и добыча.

Ухта продолжает расти самым быстрым темпом. Закон о послевоенном пятилетнем плане требует «значительно расширить Ухтинский нефтепромысел».

СЕВЕРО-ПЕЧОРСКАЯ МАГИСТРАЛЬ

Раньше в страну народа коми вели два пути, оба по рекам: по Вычегде — из Котласа и по Печоре — из Нарьян-Мара, со стороны Ледовитого океана. Только сейчас проложен третий, железнодорожный путь.

Северо-Печорская магистраль прошла на тысячу с лишним километров, преодолев все трудности строительства на вечномёрзлом грунте, победив непроходимые леса и болота. Она шагнула сразу в глубь республики, устремилась к несметным богатствам ее недр — к нефти и к углю.

Дорога из Котласа идет сначала по левому берегу Вычегды, реше-

тельной широкой и прямой просекой прорезая сплошной лес. У городка Яренска мостом, построенным в рекордный срок, она переходит эту реку и направляется к Ухте все так же напрямик, через леса: ведь по пути нет старых городов, которые отклонили бы ее прямую трассу.

Так железнодорожная магистраль прибегает в Ухту, которую мы только что видели. А из Ухты летит такой же прямой линией дальше, на Печору.

Поезд словно ныряет в девственный, непроходимый, неистребимый, неистощимый северный лес. Когда над ним летишь, то кажется, что меж стволами и змеей не проползти, не то что поезду. И потому не настоящей, а сказочной выглядит эта убегающая все вперед — по болотам, по холмам, сквозь частый лес, через быстрые реки — желтая лента дороги с полосой рельсов.

По этим рельсам нам навстречу один за другим тянутся составы платформ, груженных углем. Ради них и протянулась сюда эта дорога. Черный, слабо поблескивающий уголь... В этих тоннах — тысячи «спрессованных» калорий, которые шлет нашей стране холодная, далекая тундра.

Поезд мчится между шалерами ели — царницы северных лесов. Издали ветви деревьев похожи на поднятые флаги. Вблизи же ветви, меняя обличье, тянутся к оконному стеклу, словно мохнатые руки с растопыренными пальцами. И радуешься, когда ель вдруг сменяется зарослями светлых, веселых берез, между которыми сверкают красные пики цветов иван-чая. Не редкость увидеть здесь и зашедшие из Сибири пихту и лиственницу.

Но с каждой новой сотней километров лес становится унылее, ветви

Собор Печорская
на Печору

сохнут, чернеют, обламываются. Стволы вспучиваются от болезненных наростов.

Станция Усть-Кожва, или просто Кожва. Всего каких-нибудь пять лет назад здесь ничего не было, кроме глухого села — несколько десятков сумрачных домов, амбары на высоких сваях... А кругом сырой и мрачный лес.

Сейчас Кожва — большая, бойкая станция Печорской железной дороги с крытым вокзалом. Дома железнодорожников — светлые, высокие, двухэтажные — еще пахнут хвоей, и капли смолы золотятся на свежеструганных бревнах. На всех путях, конечно, опять поезд угольных «маршрутов».

Вперед сверкнула голубая с золотистыми отблесками гладь величавой Печоры. Вот эта знаменитая река — самая большая из рек нашего Европейского Севера, давшая имя целому Печорскому краю! Грандиозной извилиной — от верховьев Камы до Ледовитого океана — течет она: сперва почти прямо на север, местами прижимаясь к склонам Урала; потом, приняв справа бегущую с этих склонов многоводную Усу, вдруг поворачивает на запад, а затем на юго-запад; и вот там, где в нее впадают слева Ижма и Цильма, Печора внезапно резко меняет свое направление и стремительно движется опять прямо на север. Огромная Печорская губа, напоминающая по размерам и обилию петровых устьев великих сибирских рек, отделяет Малоземельскую тундру на западе от Большеземельской на востоке. От этой губы уже совсем недалеко до Новой Земли... Громадной «скрепой» проходит извилила Печоры по стыку двух ландшафтных зон — лесной и тундровой.

Бассейн Печоры — это весь северо-восток Европейского Севера; он занимает большую часть республики Коми.

Печора — основной путь в Ненецкий национальный округ Архангельской области, раскинувшийся по арктическому побережью от Каина носа до Урала; недаром ненецкая столица, новый городок Нарьян-Мар, вырос именно в устье Печоры, рядом со старинным поморским селом Пустозерском. Хотя кругом Нарьян-Мара уже почти безлесная тундра, здесь визжат пилы нескольких лесопильных рам. Печора может приплавить с юга к Нарьян-Мару столько леса, сколько ему понадобится. И Нарьян-Мар со своим «устьевым» портом и разрастающимися лесозаводами превращается понемногу в миниатюрный Архангельск; однако большое своеобразие ему придает то, что он призван обслуживать нужды ненецкого оленеводческого населения. То и дело из тундры сюда приезжают ненцы — чтобы сдать государству меха, закупить припасы, оружие, порох, рыболовную снасть, чтобы поместить в школы-интернаты своих детей или навестить их, чтобы побывать в

клубе или театре. Жизнь этого городка складывается в зависимости от сезонности оленеводческого хозяйства, от условий кочевок оленьих стад, от периодов навигации по морю и по Печоре.

До постройки Северо-Печорской железнодорожной магистрали Нарьян-Мар был, в сущности, единственным воротами в огромный, тогда почти безлюдный Печорский край, куда попадали только по реке. Берега Печоры редко населены — даже в более южной, лесистой части Печорского края от деревушки до деревушки иной раз надо плыть десятки километров. Здесь выделяется только несколько крупных сел, лежащих главным образом в устьях притоков Печоры: Усть-Цильма, Усть-Ижма, Усть-Уса; это памятники древней новгородской колонизации.

Сейчас и в этих старых селах жизнь изменилась: сталинская эпоха дала им новый толчок для развития. Во многих местах по берегам Печоры и ее притоков добывают точильный камень, которым Печорский край славился издавна. В Усть-Цильме работает известный на весь Союз замшевый завод, местное оленеводство питает его сырьем, а население, имеющее вековые навыки по обработке оленьих шкур, дает ему искусные кадры. Выделкой оленьих шкур и производством различных изделий из них — малиц, совиков, пим, диванных подушек, меховых туфель и меховых игрушек — занимаются кустарные артели во многих селах Печорского края. Даже охотничий промысел и в тундре и в совсем еще нетронутых печорских лесах меняет свои формы: дичь готовится не только «для себя», но и для сдачи государству, которое строит здесь консервные заводы или отправляет ценную добычу печорских охотников в города в мороженом виде. Развивается и рыболовство, главным образом лов печорской семги и сига.

Школьники
ненцы

Актёр

Морща

пояс с медным
украшением

трубка и
кисет

Важнейшим жизненным центром новой Печоры становится то место, где она пересекается с Северо-Печорской железнодорожной магистралью. Кожвинский речной порт будет главным узлом всего Печорского бассейна. Здесь разовьется и судостроение.

Пейзаж Печоры у Кожвы величественен. Огромная река окружена рамкой леса, гулким эхом откликающегося на паровозный гудок. Ленивая, обмелевшая Печора кажется в середине лета совсем неподвижной, уснувшей в своих желтых, песчаных берегах. Но попробуйте подойти к ней весною. Мутная, злая, стремительная, она с такой быстротой подхватывает и несет плоты заготовленной древесины, точно хочет разнести их в щепы.

Колеса поезда с грохотом избегают на деревянный мост. Его построили в самый разгар войны с фашистской Германией. Строители не могли ждать, когда им привезут готовые металлические конструкции для сборки — для этого не было времени. Мост был нужен немедленно. И его начали строить из того материала, что был под рукой. Работали зимой и дерево, когда в него забивали гвозди, звенело на морозе, как сталь. Мост повис над занесенной снегом рекой. По деревянному мосту продолжили рельсы, пустили состав. Но разве это настоящее испытание прочности! Вот когда загрохочет ломающийся лед, когда он начнет наседать на деревянные быки, — выстоит ли тогда этот мост? Страшны ледоходы на северных реках. Это и понятно: вода у истока, на юге, уже давно бежит, шумит, и тут, на севере, лед не дает ей дороги к морю. И начинается здесь, у Кожвы, настоящий бой. Стрельба трескающегося льда гремит далеко вокруг, покрывая рев воды и грохот ветра. В этом громе и гаме над одичавшей весенней рекой, на вознесенном над нею легком деревянном мосту, стоял главный инженер без шапки, в расстегнутом ватнике.

За Печорой лес то и дело начинает меняться. Он мелькает, светлеет. Ели здесь похожи на невысокие конусы — приземистые, широкие книзу, с узкими и редкими ветвями. Березы — едва человеку по плечо. Деревья скрюченные, сторбленные, расщепленные, словно со всех концов мира собрали сюда калек. Удивительнее всего видеть горбатые стволы и расщепленные вершины у елей, всегда таких статных.

Северо-Печорская магистраль своей северной половиной проходит в зоне вечной мерзлоты, там, где под почвой лежит не тающий в течение тысячелетий, замороженный слой земли. Здесь есть участки так называемого ископаемого льда, который многие ученые считают оставшимся со времен последнего ледникового периода. Над вечной мерзлотой опасно трогать почву. Открытый теплу и солнцу замороженный грунт может растаять, расплзтись.

При прокладке Северо-Печорской магистрали тронутая человеком мерзлота превращалась в жижу. В ней тонули рельсы и шпалы. Оттаявшая за лето подземная вода к зиме вновь замерзала, разрывая и раздвигая грунт. И с наступлением первых морозов трасса начинала горбиться буграми: шпалы, рельсы — все сдвигалось, съезжало на сторону. Трассу удалось закрепить только зимой, забив в землю огромное количество свай. Теперь дороге не страшны капризы грунта. Она опускается летом и поднимается зимой, мягко и цепко поддерживаемая сваями.

Вечная мерзлота — страшный враг не только для железной дороги, но и для селений. Под жилым домом тепло, грунт оттаивает на большую глубину и часто пучится, теряет свою «несущую способность». Поэтому при постройке домов приходится применять здесь особые методы.

Многие километры бежит поезд по полотну, возведенному таким героическим трудом. А если все мельчают, мельчают березы. Тут не раскинешь широко ветвей — не пустит северный ветер. Да и сил нет на могучий рост. В торфянике вода холодна. Она не проточна, и в ней мало растворенного кислорода, в котором пуждаются корни, и потому, стоя на торфяном болоте, ель изнывает от жажды.

Островками поднимаются над еловым редколесьем невысокие сосны. Кроны их напоминают стол — хоть скатерть стели, потому что здесь даже сосны, эти светолюбивые дети солнца, которые всегда тянутся к небу, предпочитают расти вширь, а не вверх, чтобы как-нибудь обмануть неумолимый ветер. А ветер дует и дует, выдувая в лесу голые проплешины. И если срубить два-три дерева, повалятся и остальные. Слой почвы тонок, вечная мерзлота лежит недалеко от поверхности. Наверху теплее, верхний слой почвы прогревается летом немеркнущим солнцем. И корни деревьев стелются поверху. От этого здешний лес так неустойчив.

Меж деревьев с земли поднимается острая и жесткая осока, курчавится до седой, то совсем белый, а иногда красно-бурый мох. С каждым километром лес как будто умирает. Вот совсем прозрачная рошица бледных и жидких берез. Она кончается чуть ли не целым километром сухих стволов со срезанной верхушкой. Эти стволы напоминают не то кладбище, не то бесчисленные телеграфные столбы без проводов. Это бурелом — след, оставленный внезапно ворвавшимся сюда пронзительным ветром Большеземельской тундры. Это он свалету крушит и режет верхушки деревьев, сбрасывая их резким холодом, высушивая своим ледяным дыханием.

Спасаясь от ветра, деревья гнутся, корчатся, скручиваются, косячатся, вбирают голову в плечи, чуть не ложатся на землю, лишь бы не расти вверх, не уходить от матери-земли с ее благодатным снегом, спасающим зимой от мороза и ветра.

Вокруг нет ни гор, ни рощ, чтобы остановить стремительный бег ветра. Он мчится со скоростью тридцати, а то и сорока метров в секунду, сбивает с ног, неся с собой зимой целые облака снега. Олени и песцы тогда ложатся головой к ветру, чтобы занесло снегом, чтобы сугробы защитили от пурги. Ненцы, местные жители, поступают так же, если пурга настигнет в пути. И запасенные сухим снегом, они терпеливо ждут, чтобы затем откопаться и ехать дальше...

Летом окна вагонов задернуты, словно марлей, тучами крохотных мошек. Это гнус. Он страшнее комаров. Едва выйдешь на остановке, так тебя облепит, что и руки своей не узнаешь, будто надета на ней серая перчатка. Каждый шаг дается с трудом. Нога цепляется за жесткие, твердые сучья. Да ведь это вовсе не болото, не луг и не трава под

могую, а лес! Настоящий, ветвистый лес, но вершины деревьев по щиколотку, по колено, не выше...

Так, деревья, превратившись в карликов, перехитрили своего врага. Непобедимый властитель заполярных просторов, северный ветер может бушевать, выть, шуметь, злиться всю долгую полярную ночь, но ему не сломить этого прижавшегося к земле карликового леса, который уже успел спрятаться в снегу. Ветви берез переплелись друг с другом, и разнять их не под силу даже здешнему ветру.

Так тундра начинается отдельными кусками входить в лес. Поезд идет дальше. Вот опять за окном высокие деревья. Это лес отдельными кусками входит в тундру.

Паровоз с грохотом мчится все дальше, все глубже в тундру, все ближе к далекой Воркуте.

Воркута! Кто знал это слово еще десять лет назад?

Воркута — название одного из притоков реки Усы, которая бежит в Печору со склонов Полярного Урала. И это — название города, выросшего в тундре.

Мы мчимся в поезде по долине Усы. Сперва путь идет по ее левому берегу, потом мы пересежаем на правый — и как раз здесь пересекаем Полярный круг.

Эта невидимая линия совершенно реальна: она отмечает то место, где в один из лютых дней зимы, 22 декабря, солнце вовсе не появляется над горизонтом.

Справа, из востоке, сопровождая поезд, движется вместе с нами гряда синих Уральских гор. Воздух тундры так прозрачен, что и горы, кажется, просвечивают друг сквозь друга, и одна синяя вершина словно не заслоняет, а лишь оттеняет другую, делает ее еще синей.

А как пахнет летом эта, казалось бы, на первый взгляд такая унылая, ровная, серо-зеленая тундра!

Невидимые среди полярных мхов эфирносы выдают себя ароматом лимона, мяты и чем-то отдаленно напоминающим запах лаванды и роз. Среди темного карликового леса мелькают серебристые заросли полярной ивы. Каждый ивовый листок, словно мехом, покрыт белыми волосками. Вот почему ивовые заросли выглядят такими серебристыми. Мохнатые цветы пушицы, точно хлопья снега, висят на тонких стеблях, пугаясь в скрученных ветром ветвях берез.

Брезентовые палатки с черной металлической трубой железной пещурки встречаются все чаще. Они неотделимы от тундры. В таких палатках заправляют свои машины здешние шоферы, в них живут геологи, геодезисты. Чум оленевода летом здесь встретится редко: олени не терпят жары, плохо переносят оводов. Нелюбят оленеводы на лето откочевывать еще севернее, к самому морю, или пасут, «каслают», как

здесь говорят, свои стада на отрогах Уральских гор. У моря и в горах для оленей летом лучший корм.

Зато зимой тысячные стада оленей перегоняют южнее, туда, где уже растет лес. В открытой тундре снег, как коркой, покрывается твердым настом, и оленям трудно добывать себе итель. В лесу снег рыхлее, ветры не так жестоки; на коре деревьев олени находят лишайники, которые служат им добавочным кормом.

Из-под самых колес поезда вспархивает стая куропаток. Трепещут белые подкрылья и пропадают в кустах. Полярная сова кружит над триангуляционной вышкой...

Дикие дебри девственного леса, топи, болота, да, наконец, и сама эта тундра с ее острой, книжной пургой, скрип обледелых полозьев зимой и черные точки саней с углем на белом просторе, олени, проваливающиеся в снег на бегу по мокрому насту, — все это звучит живой легендой для пассажиров вагона Москва—Воркута. И хотя Печорская железная дорога достроена только в годы войны, но ее существование уже успело изменить представление о крае.

Далекая тундра? Да ведь это всего лишь несколько дней прямого пути от Москвы.

Сразу, без всякого предупреждения, поезд врывается в город.

ВОРКУТА—ГОРОД УГЛЯ

Состав идет прямо по улице. Из окна вагона виден городской сквер — место, огороженное пестро расписанным забором. Большие финишные грибы и цветы, ярко-красная беседка, розовый киоск, зеленые скамейки, и среди всего этого стоят березки — тонкие, не толще трости, сгорбленные, но не карликовые, а настоящие. Их привезли сюда издалека, и они стоят тут, трепеща каждым своим листом. Эти неприхотливые обитатели северного леса, уживаясь с елью, могут существовать где-нибудь под Кожвой, на холодном торфяном грунте. Но здесь, в Воркуте, среди своих карликовых сородичей, они выглядят так, как выглядели бы в Москве, на Чистых прудах, аравийские пальмы. Заботливо перенесенный тоже откуда-то издалека дерн уложен в виде клумбы. Кое-где в качестве декоративного растения посеян овес, свежий, ярко-зеленый. Однако вызреть за лето он не успевает и, едва завязав семена, желтеет от осеннего ветра.

Сквер — любимое место отдыха воркутян. Они справедливо гордятся своим сквером. Он создан на том месте, где с первого дня осно-

вания Воркуты мутнела никогда не просыхавшая лужа. Сотни кубометров песка пошли на засыпку грунта. Воркутяне не считали выходных дней, которые ушли на то, чтобы засыпать эту печную лужу и потом соорудить здесь танцплощадку, высадить несколько берез, построить и раскрасить беседки.

За этим сквером, за домами высятся гигантские трубы электростанции, а за нею, на возвышенном берегу реки Воркуты поднимаются к бескрайнему полярному небу бункера, копры шахт, высятся груды добытого угля.

Под одним из бункеров на земле стоит железнодорожный состав и принимает уголь. Поезда, полные угля, один за другим отходят со станции на юг.

Квадраты белых стандартных домов с черными от угольной пыли полосами, опять бункера, опять копры до самого края горизонта. Куда ни взглянешь — шахты и домики, шахты и домики.

Вот так тундра! Это больше похоже на Донбасс. Одно только небо осталось здесь таким, как его рисуют в книгах, когда изображают тундру.

Кажется, нигде на свете, кроме здесь, не увидишь такого просторного, чистого, прозрачно-зеленого неба!

В Воркуте круглые сутки слышен скрежет пил, стук молотков. Строятся одновременно десятки индивидуальных домиков. Дома эти типизированы и утверждены архитектурно-проектным бюро. Хозяин может внутри дома распорядиться своей площадью, как он хочет, может украшать стены по своему вкусу. Но строить он обязан по пред-

начертанному типу. И потому здесь нет того разнообразия, какой обычен в фабричных поселках, во всяком быстро и стремительно выросшем городе, например в Котласе. Правда, сейчас в Воркуте всего несколько улиц. Но все здесь выстроено по плану, и Воркута, несмотря на свои малые размеры, несмотря на то, что она стоит в тундре, несмотря на то, что она открыта со всех сторон всем четырем ветрам, все-таки производит впечатление большого, уютного и уже обжитого города. Строятся и входят в строй не только жилые дома, но и общественные здания: Дом инженера и техника, Дом партийного просвещения, Дом матери и ребенка. В первом году послевоенной пятилетки в Воркуте были воздвигнуты памятники Ленину и Кирову. Вокруг Воркуты растут рабочие поселки при рудниках.

Лет тридцать назад охотник-коми Виктор Яковлевич Попов вышел из Ижмы, где живет много народу, поискать мест, выгодных для охоты. Остановился он на берегу реки Воркуты, построил здесь себе «керку» — так называют коми охотничий домик. Вниз и вверх от своей керки ходил Виктор Яковлевич на плоскодонке, стрелял гусей, ловил маленьких песцов, чтобы продержат их у себя дома до осени. Песца, корюшенного дома, голубее и пушистее.

На том месте, где сейчас первый рудник, Попов добыл сто пятьдесят гусей, а куропаток — не помнит сколько. В тундре убитых куропаток охотники считают не десятками, а тысячами крыльев. Молодых же ловят летом просто руками, конечно, если охотник сможет отличить сжавшуюся камушком бурую птичку от лежащих рядом таких же бурых и круглых настоящих камней. Куропаток в тундре так много, что в Усть-Усе в советские годы построен специальный завод, перерабатывающий куропаток в консервы. К осени куропатки, приравливаясь к снегу, белеют, Снежно-белые, они собираются огромными стаями. И когда они пасутся, высккивая корм, то кажется, будто на землю пал снег.

Вот на таком-то, будто снегом занесенном, белом от куропаток берегу Воркуты Попов увидел черные «щелья». Охотник развел костер, подбросил в него горсть жирных черных камней — они загорелись.

Попов нашел пятнадцать выходов угля, собрал пуд образцов. Так сын народа коми открыл сокровище в своей земле.

За открытие Воркутинского месторождения высококачественного угля Виктор Яковлевич Попов награжден орденом Ленина.

В 1918 году Совнарком рассматривал вопрос о топливе. И Ленин, Председатель Совнаркома, тогда же, в первый год победы советской власти, предложил начать изыскания угля в Печорском крае.

На далекую, заброшенную окраину упал свет революции. Перед народом коми открывалась новая жизнь. В 1921 году Народный

Комиссар по делам национальностей И. В. Сталин послал в Коми первую геолого-разведочную экспедицию.

Много раз на Печоре в экспедициях был геолог А. А. Чернов. Он руководил исследованиями и первый изучил печорские угли. Он заложил основы наших знаний об угленосности бассейна Печоры.

В 1929 году, занимаясь вопросами энергетики Севера, И. В. Сталин обратил внимание на печорские угли, заинтересовался ими, оценил все их значение, в мудром предвидении их будущей роли дал указание поставить здесь добычу угля в промышленных масштабах. Печора обещала не только впервые дать до тех пор «безугольному» Северу свою прочную топливно-энергетическую базу, но и стать «Северным Донбассом» — угольным районом всесоюзного значения. Печора обещала изменить всю промышленную географию советского Севера.

Ради этого угля и ухтинской нефти и было предпринято строительство Печорской железной дороги, великой магистрали, соединившей бассейн Печоры с Москвой и Ленинградом. Чем-то давно ушедшим кажется теперь прежний маршрут на Воркуту — из Москвы в Архангельск, оттуда по Белому и Баренцову морям до Нарьян-Маря, потом, против течения, на плоскодонной шняве по рекам

Электростанция
в устьях реки

Печоре и Усе. Плавать же по Усе можно лишь немногим больше двух месяцев в году. Шияку тянули на бечеве головастые, коротконогие северные лошади. Часто, когда шияку приходилось стаскивать с мели или перевозакивать через пороги, на подмогу лошадям впрягались люди. А ведь еще совсем недавно именно так двигались в глубь печорской земли экспедиции геологов Чернова, Варсонофьевой, Добролюбовой и многих других столь же самоотверженных искателей.

Проникали сюда первые люди из центра и другим путем, еще более кружным и трудным, — с низовьев Оби, из-за Полярного Урала.

Когда сидишь в кабинете гостиницы на Воркуте, в мягком кожаном кресле, за массивным письменным столом, на котором стоит телефон, трудно поверить, что в 1931 году на этом самом месте не было еще ни одной землянки — только с этого года началось здесь строительство. Но в Воркуте хранится фотография с изображением груды камней, уложенных наподобие доисторического дольмена. Этот дольмен был входом в земляную яму — жилище геолога Инкина, который гордится тем, что поддал на-гора первую лопату воркутинского угля.

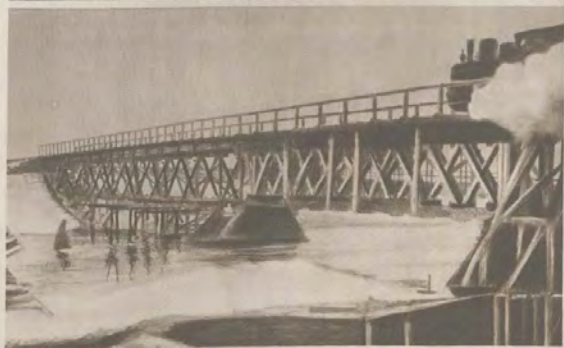
Всего каких-нибудь десять лет назад слово «Воркута» было только именем никому неизвестной речушки. А кто теперь помнит о ней, об этой прозрачной, чистой, мелкой, быстрой речке? Если сейчас говорят: «Воркута», то подразумевают город, прозванный «заполярной кочегаркой».

Незадолго перед Великой Отечественной войной, в 1940 году, И. В. Сталин принял руководителей «Воркутугля» у себя в Кремле. Тогда же было решено строить на Воркуте новые шахты.

В дни, когда на нашу родину напала фашистская Германия, значение угольной Печоры сразу поднялось. Ведь Донбасс был временно захвачен немцами. Осажденный Ленинград нуждался в топливе. И на Печоре развернулась добыча угля подлинно военными темпами. В конце декабря 1941 года подошла к Воркуте Печорская железная дорога. Эшелон за эшелонам двинулись по этой новой дороге. Воркута

Круповская машина

Печорская железная дорога. Снежный тоннель (вверху). Печорская железная дорога. Железнодорожный мост (внизу).

Огороды в долине реки Воркуты (вверху). Шахты «Воркутугля» (внизу).

согревала борющийся Ленинград. Воркутинским углем бункеровались суда нашего Северного флота. В 1943 году Печора дала вдвое больше угля, чем в 1942 году, а в 1945 году — вдвое больше, чем в 1943 году.

Враг понимал все значение Воркуты. Летом 1943 года немцы сбросили на железную дорогу, недалеко от Воркуты, парашютный десант, но он был уничтожен. «Заполярная кочегарка» продолжала давать уголь стране.

В годы послевоенной сталинской пятилетки Печорский угольный бассейн растет необычайно быстрым темпом. Здесь должны быть построены и пущены в дополнение к уже существующим новые шахты общей мощностью в 7,7 миллиона тонн. Это четверть всей угольной добычи дореволюционной России.

За пятилетку в Печорском бассейне вырастут обогатительные фабрики, новая теплоэлектроцентраль, цементный завод, лесомобинат; на западном крыле Воркутинского месторождения должен возникнуть новый город...

Вокруг Воркуты неустанно разведываются все новые и новые месторождения. Изыскания ведутся и летом и зимой; их результаты совсем меняют карту тундры.

И многие только что разведанные угольные площади уже начинают разрабатываться.

Геологи не только открывают новые месторождения, но и всесторонне изучают их. Ученые Воркуты уже выработали свои методы исследования в условиях глубокой вечной мерзлоты. В Воркуте работает мерзлотная станция Академии наук СССР. Среди научных работников Воркуты уже немало вышедших из народа комя.

Только во время войны начали строить угольные шахты на реке Инте. В ту пору Печорская железная дорога еще сюда не дошла, и все оборудование люди тащили на санях. Сейчас на Инте уже несколько шахт. Растет новый город.

Капа

В Хальмер-Ю, вблизи реки Кары, у 68-й параллели, советские геологи недавно развели пласты ценнейших углей. Сюда даже водно было не добраться. Тогда в глубь бездорожной тундры двинулись от Воркуты причудливые, поразительно мощные машины-незеходы. Спереди они похожи на грузовик, а сзади напоминают гусеничный трактор. В Хальмер-Ю уже строятся шахты. Это будет один из основных районов угольной Печоры.

В Печорском угольном бассейне уже разведаны десятки угольных месторождений. Воркутинское среди них является пока наиболее освоенным.

Угольные пласты по всему бассейну лежат в виде огромной, глубоко зарытой в землю чаши, края которой подходят очень близко к поверхности. Здесь-то его легче всего добывать.

Работа горняка в Заполярье сложна. Прежде чем проникнуть буром или сверлом в мерзлую землю, ее долго прогревают электричеством. Смерзшаяся порода и уголь плохо поддаются отбойному молотку. Слой мерзлоты оттаивает и стремится проникнуть во все щели.

Обычные методы работы здесь, на Воркуте, не годятся. Приходится изобретать новые способы, применяясь к суровой природе Заполярья.

Зимой здесь двадцать суток длится полярная ночь. Морозы доходят до 60 градусов. То и дело налетает снежная пурга. Чтобы и пургу оградить от заносов ствола шахт, приходится возводить стены из снега, строить снежные галлерей, насыпать валы. Пурги метут зимой, осенью и весной. А лето в тундре короткое.

И все-таки город строится, возникают все новые шахты, добыча угля систематически растет.

Понятно, что строителей этого города у 68-й параллели волнует вопрос: как строить, чтобы люди могли здесь не только жить, но и отдыхать, веселиться, чтоб детям было хорошо и радостно.

Создать в тундре, на вечной мерзлоте, даже самые элементарные удобства — задача трудная.

Взять хотя бы подопровод. Трубы не проложить в слое вечной мерзлой земли, вода в них замерзнет, трубы лопнут. Приходится вести всю водопроводную и канализационную сеть либо ниже слоя вечной мерзлоты, что не всегда возможно, либо укладывать трубы на поверхности земли, в длинных ящиках-тепляках.

Или вот еще пример: ходить по улице холодно, часто дуют ветры, следовательно, надо застраивать город как можно плотнее. Плотности застройки можно бы достичь возведением многоэтажных домов, но грунт здесь для этого слаб.

СТРАНА БУДУЩЕГО

И чем неприветливее оборачивается к человеку природа, тем смелее его мечты. В числе проектов планировки города Воркуты была и совсем сказочные.

— Нужно отказаться от обычного отопления, — предлагали мечтатели, — заменить пар кондиционированным воздухом, то есть подавать в каждый дом «готовый» воздух, не только нагретый до нужной температуры, но имеющий и «заданную» влажность и необходимый химический состав — словом, отвечающий тем условиям, «кондициям», которые предъявит врач-гигиенист. А чтобы тепло не улетучивалось, можно покрыть весь город стеклянным куполом. Стекло должно быть такое, сквозь которое могут проникать ультрафиолетовые лучи, тогда здесь, за Полярным кругом, в искусственном климате застекленного города будут созрывать лимоны и цвести лавры.

Фантазировали и так: а что, если построить полуподземный город? Обнести его земляным валом, внутри вала устроить дворики по типу античных домов Геркуланума и Помпей, но только сделать дворы крытыми. А солдцы заменят кварцевые лампы.

Авторы таких проектов убеждали, что воплотить смелую мечту о городе будущего можно именно в Воркуте, потому что в ее недрах лежат неисчислимые запасы энергии.

Мы привели самые утопические из проектов. Но именно такая смелость фантазии будит мысль, уводит от рутины, толкает на дерзкое изобретательство даже самых трезвых строителей этого юного города.

И если невозможно весь город спрятать под стекло, то в проект строительства одной из воркутинских школ такой купол-оранжерея вошел как рабочий вариант.

Уверяют, что и с ветром можно справиться. Его бег можно задерживать. Для этого надо только умеючи перебить ему дорогу. Улицы — кроме магистральных, на которых со «снегозьяком» приходится мириться, — располагают для этого так, как в кирпичной кладке лежат швы. Ветру негде разгуляться на коротких, упирающихся в перпендикулярную улицу отрезках. Архитекторы так и называют подобную планировку «системой перевязки швов».

А земледелие? Вот обыкновенный воркутинский дом. Его хозяин — натуралист и огородник. За окном дома растет ива высотой в метр. За двоя к реке террасами спускается вот уже несколько лет возделываемый сад.

На клумбах — львиный зев, левкои, анютины глазки, петуния, а на грядках — кочны капусты, такие крупные, что похожи на большущие узлы с бельем. Дальше картофель, цветная капуста, репа, салат, шпинат.

нат, культурный щавель, кольраби. Все это окаймлено только что высаженными дикими кустами морошки, веселой оранжевой ягоды, не боящейся холода полярной тундры.

Сторожем в саду бродит самый драгоценный, редкий и небывалый на Воркуте зверь — домашняя кошка. Она ловит леммингов, которые прибегают сюда из тундры грызть капусту. В доме пахнет свежепросушенным сеном и чем-то вроде вереска. Это дети искосили. Оказывается, есть в тундре место посуше, и там растет самая обыкновенная трава и почти совсем обыкновенные цветы...

А раз есть такие злаки, то оказалось возможным организовать не только всегда существовавшее в тундре оленеводство, но и самое обыкновенное молочнотоварное хозяйство. Воркутяне едят не привозной, а свой, воркутинский сыр, воркутинское масло. Молоко получают все дети. Создано и овощное хозяйство. За послевоенную пятилетку предполагается расширить посевную площадь с полутора тысяч гектаров почти до пятнадцати тысяч.

Основная трудность заполярного сельского хозяйства в том, что здесь нет почвы, или, вернее, почва здешняя еще так молода, так груба, что культурным растениям не под силу добывать из нее корм, и потому их приходится усиленно подкармливать удобрениями. Почва, когда к ней приложен труд, родит даже в Заполярье.

Но ветер на Воркуте остается тем же диким ветром и мерзлота — мерзлотой, и с ними нельзя не считаться.

Бывает, выстроят дом, казалось бы, на прочном грунте, а глядишь, через год он сел уже на бок и треснул. Это грунт начал под домом таять. А потому, прежде чем строить, укладывают под домом непронускающий теплоизоляционный пласт, чтобы мерзлоту «законсервировать». Кроме того, дом ставят на

связи и в фундаменте оставляют вентиляцию, для того чтобы зимой под домом ходил воздух и сохранял мерзлоту. Но самый дом должен быть очень теплым.

Уже разработан и принят генеральный план застройки города. Стиль запроектированных общественных зданий может показаться на первый взгляд удивительным.

— Почему здесь, в тундре, такая строгая классика, точно это будет второй Ленинград?

На это, может быть, нужно ответить так:

— Обычно архитекторы, задумывая какое-нибудь здание или группу зданий, объединяют их с окружающей природой, чтобы они составляли с ней одно целое, один пейзаж. Но архитекторы Воркуты вынуждены идти по совершенно иному пути. Они не связывают архитектуру с унылой природой тундры, а, напротив, противопоставляют дом окружающему миру!

Зимой здесь небо светлеет всего на два или три часа. Но в городе очень светло. И неудивительно: своя энергетическая база. Электростанция работает на собственном топливе, которое подается безотказно.

Воркуте едва только минуло десять лет, но это уже крупный промышленный центр; и самом городе и в окружающих его шахтерских поселках живет несколько десятков тысяч человек. В Воркуте есть театр, общеобразовательные и технические учебные заведения.

Воркута — это город угля. Углем — его добычей, погрузкой, новыми разведками — здесь живут все, точно так же, как в лесах Архангельской области все живут заготовками, сплавом, переработкой леса. И отправляясь именно от угля, разрабатывают в Воркуте и дальнейшие планы развития всей «заполяриной кочегарки». Раз здесь есть коксуемый уголь — может быть и металлургия. Вот почему здесь ищут — упорно и настойчиво — местную железную руду. Кое-какие обнадеживающие находки уже есть. Но одновременно для печорских углей уже полыскана другая пара. Это железные руды Кольского полуострова, великолепные по своей чистоте и качеству. Есть богатые руды и в Карело-Финской ССР. Послевоенная пятилетка намечает строительство металлургического завода на северо-западе СССР. В плане сказано: «Приступить к строительству металлургического завода в районе Ленинграда». Так в ближайшие годы будет создан в нашей стране новый мощный район черной металлургии на печорском коксе и на кольских и карельских рудах.

А в будущем угли Печоры получат также и другой выход — на соединение с железорудными богатствами Северного Урала. Ведь в то время как в Коми АССР люди шаг за шагом прокладывали пути освоения на северо-восток, в Запечорье, на Северном Урале велись

разведки, строились дороги, шло освоение в направлении с юга на север. Все ближе и ближе сходятся изыскатели Севера и Урала. Карта напоминает нам о том, что от самого северного и уже вполне освоенного района Урала до Усть-Кожвы всего около пятисот километров, на протяжении которых, конечно, предстоит сделать еще множество геологических находок.

Создание Урало-Печорского комбината пока впереди. Однако, после того как при советской власти была осуществлена идея Урало-Кузнецкого комбината, мысль о соединении печорского угля с уральской рудой уже нельзя считать несбыточной.

Получит угольная Печора и прямой, короткий железнодорожный выход к океану. Ведь печорский уголь нужен для бункеровки кораблей, идущих Северным морским путем.

Но это дело будущего. Пока же создание на северо-западе большой металлургии на базе кольских и карельских руд и печорских углей — вот дело ближайших лет, дело не отдаленного будущего, а вполне реального, уже записанного в сталинский план, ставший законом. Скоро далекая печорская тундра поможет городу Ленина, передовому машиностроительному центру нашей родины, выплавлять для своих машин собственную сталь.

Включение угольной Печоры в этот мощный северо-западный промышленный комплекс придаст ее развитию огромный размах.

Так указал Сталин — так и будет. Наш народ выполнит указание вождя вопреки всем трудностям.

В этой книге о Севере, совершая свое путешествие, не раз встречали мы места, связанные с именем товарища Сталина. И здесь, на далекой Печоре, на краю северной земли, мы снова видим: все, что есть живого и растущего в нашей стране, создано мыслью и волей великого Сталина.

СЕВЕР В ОБРАЗАХ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

НАД БЕЛЫМ МОРЕМ

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

С полночных стран встает заря!
Не солянце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!
...Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?..

М. В. Ломоносов. Вечернее размышление
при случае великого северного сияния. Около
1743 г.

✓ Вот северное сияние набрасывает на небесный свод свое серебристо-блестящее покрывало, отливающее то желтым, то зеленым, то красноватым цветом; лучи его то рассыпаются в разные стороны, то сжимаются, то снова приходят в беспокойство, и множество блестящих серебристых пучков, извиваясь, начинают двигаться; яркие волны лучей вспыхивают мгновенно и снова внезапно исчезают.

...Здесь и там плывущие светлые облачка, неопределенные, как предчувствие, — это пыль от блестящей молнии северного сияния.

...Здесь, на Севере, будущее земли, здесь красота...

Фритьоф Нансен. Страна будущего.
80—90-е годы XIX в.

ПОЛЯРНЫЙ ДЕНЬ И ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Красота и великолепие севера заключаются прежде всего в разнообразии и полной разнохарактерности его окраин и отдельных районов тысячеверстного пространства. Нужно много времени затратить, чтобы хотя мельком осмотреть север, взглянуть на его совершенно обособленную от других местностей своеобразную жизнь. На севере нет трафарета в окружающей природе, и глаз ежеминутно замечает все новые и новые картины северной природы, то суровой и мрачной, грозной в беспросветную полярную ночь и злую жгучую выюгу полярной зимы, то очаровательной, как незаходящее полуночное полярное солнце, беспредельное студеное море, как полное глубокого таинственного смысла северное сияние, как шум великих северных лесов.

...Чарующую картину представляет полуночное солнце среди безбрежного океана, когда оно, не заходя за горизонт, нижним своим краем коснется поверхности Студеного моря; кажется, что тогда на миг примирились две враждебные стихии. Но вот оно медленно начинает подниматься; наконец брызнули первые яркие лучи и тончайшей золотистой сетью подернули океан, который, как бы в ответ, заискрился, заблестит цветами бирюзы, загорится целым морем цветов, и проснется, но опять непримиримый, вызывающий на состязание и сам готовый к жестокой неутомимой борьбе.

В противоположность белым ночам, во время зимнего солнцестояния продолжительность дня в южной полосе сокращается до 3 часов, постепенно уменьшаясь к северу, и переходит в сплошную ночь за Полярным кругом, где с половины ноября до первых чисел января господствует полярная тьма, озаряемая только северными сияниями. Хотя в полдень, на час, бывает подобие рассвета, но вернее это сумерки, предвещающие неизбежный перелом.

А. А. Жилинский, исследователь Севера.
Крайний Север Европейской России. 1919 г.

ЯНТАРЬ

Захарьян славится янтарем. Его выполаскивает из моря. В морских заплесках рыбаки часто находят грудки и искорки янтари. Когда нельзя ловить из-за ветров и в праздничные дни, рыбаки внарок¹ отправляются к заплескам и ищут янтарь в грязи на морском берегу.

Я в первый раз нашла янтарь не с намеренья. Иду по берегу и вижу — что-то сверкает, как золото, красивое, ровно искра. Подняла я, камушек оказался порядочный, вполонину спичечного коробка. Сначала я подумала, что это камушек. Выбрала я другой, простой камушек, столь же большой, взвешала на руке, чувствуя, что он вдвое тяжелее, чем моя находка.

Попробовала тот и другой на зуб. С одного зуб скользит, а другой под зубом крошится.

Пришла к жилью, говорю рыбакам:

— Я сегодня такой красивый камушек нашла.

Показала им, а оксинская рыбацка Парасковья говорит:

— Это — не камушек, а морской ладан. Стоит он дорого, и чердынские купцы его у всех за большие деньги берут.

В другой раз я спичечную коробку с намеренья взяла. Хожу внагиб, разгребаю заплески руками. Грязь холодная, руки замерзли, стала разрывать палочкой. За упряг — полный коробок янтари насбирила. Правда, место дощольно выбродила, чорту веревкой не вымерять.

М. Голубкова, печорская сказительница.
Два века и полвека. 1946 г.

¹ Внарок — специально.

ПРЕЖНЯЯ ЖИЗНЬ

Берега-то у моря студеного
 Прежде были пусты, без строеньища,
 Ни двора тебе, ни хижини,
 Ни жилья человеческого.
 Жили в лодочках, во суденышках,
 Пили-ели, отдыхали тут,
 Тут все делали-обрабливали,
 Тут и рыбу засаливали,
 Тут тебе была и спаленка,
 Тут столова-нова горница,
 Тут и нова светла-светлица.
 Ни вымыться тебе, ни высушиться:
 Мелкий дождичек — обмывка,
 Красно солнышко — обсушка,
 В лодке варбище¹ — обогрева,
 Бочки с рыбою — тесова кровать,
 Сетки с кибатами² — изголовьице.

М. Голубкова. 1946 г.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

У нас-то на Севере идут колхозы рыбные:
 По лету промышляют они рыбу-краснорыбицу,
 По зиме по холодной промышляют зверя морского.
 ...Во нашем во морюшке во Белом
 Промышляют рыбу-краснорыбицу,

¹ Варбище — место в лодке для варки пищи.

² Кибаты — груз у сеток; обычно — камни, зашитые в бересту.

Рыбу-краснорыбицу очень важную,
Эта рыба для всего народа любожеланная,
Эта рыба для всего народа очень вкусная;
Во нашем во морюшке во Белом
Промышляют зверя морского
На пароходиках да на ледоколах,
В легких малых лодочках да на ледяночках,
Промышляют ребята наши поморуски.

Марфа Крюкова, поморская сказительница. Из повести «Здравствуй, морюшко Белое». Изд. 1939 г.

ЗА ТЮЛЕНЕМ

В начале марта, когда уже ошенились основные массы утле-
лег, ...ледоколы и моторные зверобойные суда выходят в свой
первый зимний рейс в горло Беломорья.

Самолеты извещают по радио или радиотелефону о место-
нахождении обнаруженных залежек, причем находящийся на
аэроплане руководитель всего промысла направляет на залежки
те суда, которые наиболее близки к ним.

...Обнаружив залежку и подойдя к ней на допустимое рас-
стояние, судно останавливается и спускает на лед стрелков-про-
мышленников, которые крадучись, иногда с большим трудом и
риском провалиться в воду, подходят к зверю на достаточное для
выстрела расстояние и раздражаются ружейной канонадой. Часто
звери, не видя за льдинами стрелков, не уходят от выстрелов в
воду, и благодаря этому зверобой получают обильную добычу.

Из сборника «Северные промысловое хозяйство». 1934 г.

САМОЛЕТЫ НАД МОРЕМ

Лежит пустыня полярная,
место темное, самогрозное,
человеческому роду непроходное.
Над нашими морями полуночными
по зимам горят снолохи негасимые,
по летам — заря поздновечерняя.

...У Севера серебряные кудри.
По кудрям Севера дарили,
белопарусный кораблик подносили.
Седой Север с лавки не встает,
со снежных кудрей ледяную шапку не снимает.
«У нас этого дару и дома довольно.
Великого Мерзлого моря
деревянной ложкой не учерпать».

...Сталинские гусли зазвенели,
самолеты на Север прилетели.
Седой Север с лавки встает,
со снежных кудрей ледяную шапку снимает,
многолетно Сталина хвалит:
«Самолеты — дар неоцененный,
неготовыми дорогами полетят,
ледяную силу обломат,
самогрозную пучину одолеют!»

Б. Шергин. Из книги «У песенных рек».
1939 г.

СТОЯТ ГЛУБОКИЕ ЛЕСА...

Коль многи смертным неизвестны
 Творит натура чудеса,
 Где, густостью животным тесны,
 Стоят глубокие леса!
 Где в роскоши прохладных теней,
 На пастве скачущих еленей
 Ловящих крик не устрашал,
 Охотник где не метил луком;
 Секирным земледелец стуком
 Поющих птиц не разгонял...

М. В. Ломоносов. Из оды 1747 г.

ЛЕСНЫЕ БОГАТСТВА

Как не любить свой край северный,
 Много ведь чудностей в нем, много прелестей:
 Зимой-то у нас стоят снежочки белые,
 Снежочки белые, пушистые,
 На земле блестят будто светлы звездочки,
 А льды наши зимние блестят будто браманты,
 Морозы выигрывают будто в струны серебряные,
 А ночное сияние очень чудное, очень дивное,
 Уж мы любим нашу зимушку морозную, студеную.

...Уж как по лету, лету теплему
 Собираем мы ягоду чернику-голубику,
 Берем ягоду смородину-землянику,
 Хорошо гулять по лету, лету теплему
 Гулять-ходить по бережочкам.

...Много прелести в стране нашей северной,
 Ищю больше у нас разного богатства!
 Много есть у нас лесов прекрасных,
 Леса северные они очень дорогие,
 Для всего сии очень способные,
 Наши северные леса везде разваживаются,
 По всем странам по разным-то,
 По городам они да по деревенькам,
 Везут их на паровых больших пароходиках,
 На черпёных везут больших кáраблях,
 Везут-то их на машинах, обозами...
 Во тех лесах наших во славна северных
 Бегают-жируют звери разные, звери лесные —
 Лисицы-куницы, песцы-горносталюшки.

...Птица-дичь есть у нас разная —
 Рябчики, куропатки, дикари, пеструхи,
 Есть пернасты разны утки,
 Есть серы гуси да белы лебеди.

Маяфа Крюкова: Полина.

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Желтовато-темный столб дыму указывает на приближающийся пожар.

Вот уже слышно глухое ворчание и треск идущего мощной поступью врага.

На лицах работающих заметно небольшое волнение.

Вскоре показался и огонь, быстро бегущий стороной от нас по направлению к складам дров. Но там не зевают. Заблаговременно, под защитой водяной струи, железнодорожники пустили встречный огонь.

Наткнувшись на препятствие, пожар заворачивает и развернутым фронтом идет на нас. С грозным завыванием и треском, пожирая все на своем пути, мощной стеной движется огонь.

Багрово-черный дым, прорезываемый языками вспыхивающих елей, с силой уносится вверх. Люди волнуются, но крепко стоят на своих местах. Ошавевший от страха заяц выскакивает на просеку и, на мгновение остановившись при виде людей, с решительностью бросается под ноги и прорывается через линию работающих.

Второй «косой», с обожженной шерстью и со сломанной задней лапой (бедняга, видимо, заспался), с той же решительностью ковыляет через линию. Но пора пускать встречный огонь — иначе не устоять.

Зажигаем собранный с защитной просеки и сложенный в сторону пожара хворост и валежник.

Благодаря тяге, вызванной приближающимся пожаром, зажженный нами огонь быстро бежит по направлению к огненной стене, сам постепенно принимая размеры большого пожара.

С усиливающейся скоростью движутся навстречу друг другу две стены огня.

Образовавшийся между стенами вихрь гнет и рвет кроны обреченных на гибель, но не тронутых еще огнем берез.

В предсмертных судорогах бьются деревья.

С грозным ревом сошлись два врага, крепко ударились грудями в решительной схватке, взвились огненными языками к небу и упали в изнеможении, оба победившие и побежденные...

Атака отражена — пожар на данном участке стихал.

С. Куканов. Лесной пожар. 1927 г.

БОЛОТА

Летней порой в дикую глушь редко кто заглядывает. Не то что дорог, даже мало-мальски торных тропинок там вовсе почти нет; зато много мест непроходимых. Гниющего валежника пропасть, да кроме того то и дело попадаются обширные глубокие болота, а местами трясины с окнами, вадьями и чарусами... Это страшные погибельные места для небывалого человека. Кто

от роду впервой попал в неведомые лесные дебри — берегись — гляди в оба...

Вот на несколько верст протянулся мохом поросший кочкарник. Сажеными пластами покрывает он глубокую, чуть не бездонную топь. Это — «мшавка», иначе — моховое болото. Поросло оно мелким чахлым лесом, нога грузнет в мягком зыбуне, усеянном багуном, звездоплавкой, мозгушей, лютиком и белосом. От тяжести идущего человека зыбун ходенем ходит, и вдруг, иногда в двух-трех шагах, фонтаном брызнет вода через едва заметную для глаза продушину.

...Вот светится маленькая поляныша на грязно-зеленой тряси-не. Что-то вроде колодца. Вода с берегами вровень. Это — «окно». Беда оступиться в это окно — там бездонная пропасть. Не в пример опаснее окон «вадьа» — тоже открытая круглая поляныша, но не в один десяток сажень ширины... Ее берега из тонкого торфяного слоя, едва прикрывающего воду. Кто ступит на эту обманчивую почву, нет тому спасенья. Вадья засосет его в бездну.

Но страшнее всего «чаруса». Окно, вадью издали можно заметить и обойти — чаруса неприметна...

Ровная, гладкая, она густо заросла сочной, свежей зеленью и усеяна крупными бирюзовыми незабудками, благоуханными белыми кувшинчиками, полевыми одалениями и ярко-желтыми купавками. Луговина так и манит к себе. путника: сладко на ней отдохнуть усталому, притомленному, понежиться на душистой, ослепительно сверкающей изумрудной зелени... Но пропасть ему без покаяния, схоронить себя без гроба, без савана, если ступит он на эту заколдованную поляну! Изумрудная чаруса с ее красивыми благоухающими цветами, с ее сочной свежей зеленью — тонкий травяной ковер, раскинутый на поверхности бездонного озера. По этому коврику даже легконогий заяц не сиграет, тоненький, быстрый на бегу, горностаи не пробежит. Из живой твари только и прыгают по ней длинноногие голенастые кулики, ловя мошек и других толкунов, что о всякую пору днем и ночью роями выются над лесными болотами. Несметное множество этих

куликов — от горбоносого крошинепа до желтобрового песчанника — бродит, бегаёт и шмыгает по чарусе, но никакому охотнику никогда не удавалось достать их...

П. И. Мельников (Андрей Печерский).

ПО ХВОЙНОМУ ЛЕСУ

Невиданный лес обступил нас, необычайное зрелище открылось, когда мы из болота вышли в бор-беломошник: земля была покрыта белыми, разве чуть-чуть зеленоватыми, похожими на шпатовый матовый свет, волнами, и на этих легких волнах были не слишком частые — далеко видно! — румяные сосны. Тут мы только и поняли происхождение запаха, окружающего холм Большой Клык: этот белый олений мох только что вышел из-под снега, влажный был, разогрет и навонил своим тонким ароматом весь бор. Там и тут из белом мху были темные пятна, следы пребывания здесь диких оленей. Их было тут так много, что, по словам охотников, можно было в недели две наготовить мяса для работающих в лесу на всю зиму.

...Снег еще был в лесу, но не так много, как говорили. И очень удивил нас замеченный возле дороги сморчок: когда еще этой весной мы проводили сморчки под Москвой, казалось, что уже на целый год, а вот опять сморчки и пон опять лягушки мечут икру, весна во второй раз для нас начиналась. Но самое удивительное было нам, хорошо знающим подмосковную весну, что почки на березах здесь раскрывались в то время, когда под березами лежал еще снег. Сколько времени у нас проходит между последним клочком снега в лесу и тем днем замечательным, когда из шоколадного цвета напряженных березовых почек выглянут зеленые покрывальники, и кажется тогда — почки эти, как жучки: поднимутся и вдруг все улечат. Это явление объясняется просто тем, что в северных лесах, несравненно более густых, чем

наши, снег залеживается до тех пор, пока солнечные лучи не станут очень горячими и тепло их не обнимет вершину дерева. Покути мы встречали лесные озера, пересекали много ручьев, стремящихся в Тойму.

...Небольшой начальный ручеек подрывает лес. Большой лес ложится на речку, и сквозь лом новый лес пробивается и вырастает большой, и под этим лесом все прежнее мохом закрыто, и глубоко под мохом бежит река.

...Говорят на севере, что дождь — как гость: если утром пришел, то и уйдет, а если после обеда придет, ночевать останется. Гость ушел, мы поехали сухой боровой дорогой, и вдруг северная природа нам улыбнулась.

...Еще очень недавно топор был единственным универсальным орудием лесного производства, топором рубили деревья, топором делали доски, избы целиком рубили одним топором и даже без железных гвоздей, и художественные изделия — и какие! — делались тоже топором. Техническую революцию на Пинеге сделала женщина с поперечной пилой против мужского топора: две необученные женщины с пилой могли легко состязаться с одним мастером топорного дела, получившим навык свой в вековом опыте предков. Также очень недавно появилось на Пинеге колесо, до сих пор считали, что по грязи, по песку и моху лучше ездить на саних даже и летом. Только в самое последнее время, когда начались новые колхозы, пинжаки стали забрасывать охоту и принялись за сельское хозяйство.

...Но вот мало-помалу лес наполняется белыми березками, — это признак близости человека: тронуты коренные деревья, и на место их вырастает березка.

М. Пришвин. Берендеева чаща. 1936 г.

ЧЕЛОВЕК ПРИШЕЛ...

Хороша елочка, если одна растет,
а две елочки сошлись — у них ссора.

Много елок — темно и страшно.
Приходит человек, рубит большие деревья,
человек строит избышку и клеть.
Проходит малое время, и на место елей
вырастают березки, и вся избышка в березах.
И весело! Да и одну березу где-нибудь увидеть
весело, и скажешь: скорей всего тут был человек.

Записано М. Пришвиным в Архангельской
области. 1936 г.

ЧЕЛОВЕК В ЛЕСУ. ОХОТА

Охота является, несомненно, древнейшим, исконным занятием зырян¹, и если теперь, с усложнением жизни, она теряет свое первоначальное, крупное значение, отодвигаемая развитием земледелия и вновь возникающих промыслов, то все же еще широко распространена среди массы зырянского населения. В октябре или несколько раньше из каждой зырянской деревни приблизительно три четверти взрослых мужчин уходят на охотничий промысел. Существуют два сезона охоты — осенний и зимний. Первый охватывает конец осени и часть зимы, продолжаясь полтора-два месяца, то есть до тех пор, пока не выпадет настолько глубокий снег, что бег на лыжах становится затруднительным. Затем некоторые охотятся в конце зимы, когда оледенелая поверхность снега позволяет легко и быстро скользить на лыжах, подбитых «камусом» — кожей, вырезанной из оленьих ног, с короткой и плотной шерстью.

¹ Зыряне — прежнее название коми.

Осенью быют главным образом белок и рябчиков, составляющих основу промысла, затем лисиц, норок, зайцев, горностаев: кому улыбнется счастье, те добывают иногда по несколько штук наиболее ценной пушнины: росомах, куниц, выдр и чернобурых лисиц; по временам убивают рысей и поднимают медведей из берлог. В конце зимы, кроме названных животных, охотятся и за оленями; есть такие замечательные лыжебежцы, которые через два-три дня безумного бега настигают изнемогающее стадо и избивают его. Бывает так, что в конце бега охотники сбрасывают с себя все лишнее и бегут почти голыми. Если стадо большое, то иногда на долю четырех-пяти охотников приходится до сорока убитых оленей.

...Зыряне живут среди таких сплошных и безграничных, как море, лесов. Сплошных в самом строгом смысле этого слова, так что, например, когда я пробирался среди этих чащ, то зеленая масса неотступно сжимала меня со всех сторон: сверху, снизу, с боков, и неделями мой взгляд не мог проникнуть вперед дальше нескольких саженей; чтобы ориентироваться, приходилось взбираться на вершины гигантских кедров, которые господствовали над этим зеленым морем.

Эти леса — совершенно особенный мир. И чтобы понять их своеобразную красоту, чтобы разгадать их вековые тайны, еще недостаточно проехать узким и одиноким почтовым трактом, — следует окунуться в самую глубину этого моря, надолго оставить мысль о проезжих дорогах, о постоянных селениях, о культурных привычках и, кроме компаса и ружья, надо иметь силу и навык, чтобы не затеряться и не сгинуть в лесной пучине...

В. Русанов, русский полярный исследователь начала XX века.

Осень — это самое интересное время года. Вся природа, как бы предчувствуя долгую суровую зиму — период оцепенения и

отдых — окрасится разнообразным колоритом цветов и оттенков листвы. Навевает какую-то настроенность. Дышится легко и свободно.

Уберешься, бываю, верст за сто от дому в лесную курную избушку; заправишь провизии на все время охоты и изо дня в день бродишь с ружьем по лесу, отыскивая дичь, а собака — зыря. Зарядит частый, мелкий осенний дождик; мокрый до ниточки, еле сгибая руки, бредешь усталый, голодный, что волк, с туго набитым «дузаном» дичи и зверя, возвращаешься в курную избушку. Сырые дождливые дни всегда бывают удачнее. В такой день птица не улетает далеко; легко ее отыскать. А белка в такой день любит побегать, «помыться в грязи», как говорят охотники: «с грязей она скорее поспекает».

Охота на белок начинается с 1-го октября ст. стиля. К этому времени белка большей частью бывает чистая, уже сменит летнюю шкурку на зимнюю.

Повадки и жизнь лесных обитателей весьма сложны и разнообразны. Возьмем, к примеру, рябчика. Когда рябчиков много, они бывают смиренны и держатся около речек, часто приходится видеть их на зародах и дугах бегающих по «отаве».

...Тетерев любит травянистые места.

...Белка — любительница еловых лесов, особенно, если на ельнике много шишек. Если же на ельнике шишек нет, а есть на сосне, белка переселяется на сосну.

Живет себе охотник в лесу, как дома. А лес для него — родное поле: каждый сузем, каждую проходную тропинку он знает наперечет. Ему не нужны дороги. Он без компаса хорошо ориентируется в лесу: ветви деревьев, муравейники, брусничные кисти и морозом распластанные деревья служат ему спутниками и путеводителями. К компасу он прибегает в редких случаях.

...Проживет охотник в лесной избушке на охоте недель 8 или 9, лодку, в которой приехал, отправит домой. Дни станут коротки,

покроется речка льдом, навалит снега по колено, но охотник каждый день выходит на охоту. Отобьется охота от рук, тогда охотники думают о доме. Приготовят «чуну». «Чуна» — это узкие длинные легкие саночки, аршина три с половиной длиной. Сложит на «чуну» всю свою добычу и отправится домой.

С. Томилон, Охота в Каргопольском районе. 1927 г.

ЧЕЛОВЕК В ЛЕСУ. ЛЕСОЗАГОТОВКИ

Какая странная судьба у дерева! Оно показалось на свет сто лет тому назад. Так же было весело и ярко в весеннем лесу, гудела мошकारа, чирикали птички выводки. Никто не заходил в чашу, только светлые летние ливни нянчили молоденькое дерево. Оно не знало людей... Оно знало в жизни одно: оно росло вверх. Век прошумел шутя среди снежных метелей и гогота диких гусей.

Пришли люди, и вот дерево плывет по реке: это труп. Но оно пойдёт на авиационный завод. Оно снова взлетит вверх, выше самых высоких сосен, выше мошकारы, выше диких гусей. Нет, это не труп...

...Трудно, ох, как трудно рубить лес, трудно вить вицы, плотить древесину и, стоя в воде, баграми подхватывать неповоротливые стволы, трудно на лесопилке быстро оттаскивать длинные доски, крепкие руки нужны и крепкое сердце!

...В сорокаградусные морозы, когда падали вороны с их птичьими сердцами, сжавшимися от немилосердного холода, — люди, раздевшись, чтобы было сподручней, рубили эти деревья. В лачугах кипели щи, сушились валенки, стоял пар и кто-то хрипло пел песню о красных партизанах. Снег скрипел под полозьями. Деревья ползли к берегу охваченной льдами реки.

Потом вскипело солнце, дрогнул лес и деревья отчалили от родных берегов...

И. Эренбург. Не переводя дыхания. 1935 г.

СОСНА

I

Вдалеке от жилища карела, —
За Онегой, где водится лось,
Сколько лет ты на звезды смотрела,
Сколько бурь пережить довелось.
Со скалы, вековая, прямая,
Ты тянулась, шумя, к облакам,
Корневищами камень ломая,
Прижимая березу к пескам.
С каждым годом чащоба редела,
Синеватая поросль вилась.
Ты все так же на звезды глядела,
Ни морозов, ни бурь не боясь.
Но однажды, леса вырубая,
Подкосили тебя топором,
Медноствольная,
Голубая,
Отороченная серебром.
Подкосили, связали канатом,
По речным повели перекатам...
Ты прощай, — голосили леса, —
Беломорская наша краса!

II

Не шумите, деревья, не плачьте,
Я узнаю красавицу в мачте,
В крыльях мельниц, в морском корабле,
На пирушке — в добротном столе.
По игрушке примечу, по блюду
С петушками на донце, в избе,
По младенческой зыбке и всюду —
В котловане, реторте, резьбе.

Вот в тайге она высится новым
 Свежетесанным домом с коньком,
 Вот над крышами тает лиловым,
 Кружевным сладковатым дымком.
 То в печи обернется угаром,
 То янтарным блеснет скипидаром,
 То в оркестре звучней вестерка
 Забренчит про любовь ямщика.
 Или пласт подопрет над забоем,
 Или будкой мелькнет путевой,
 Иль приснится бойцу перед боем
 Древком знамени над головой.
 И любимую книгу листая
 Из бумаги белей полотна,
 Я твержу:

Это ты — золотая,
 Вековая,
 Прямая
 Сосна.

В. Жилкин. Из альманаха «Север». 1946 г.
 Архангельск.

НОВОЕ В ЛЕСУ

Прямо от линии железной дороги, строго на северо-запад, ровной лентой пролегла в глубь леса семнадцатикилометровая трасса автомобильной лежневой дороги. День и ночь по ней курсируют многотонные автомашины, вывозя из делянок заготовленную летом древесину. На разъезде 11-го километра лежневку пересекает старинный, давно забытый тракт. Столетия назад это был кратчайший путь из столярной Москвы на Север. По этой дороге мчался в свое время и знаменитый возок Петра, увозя молодого, предприимчивого царя к Белому морю закладывать на Архангельских верфях первые корабли могущественного флота земли русской...

Тракт заглох, захирел, обезлюдел... Обоч старой колеи тракта непроходимой стеной встали дремучие леса. Долгие годы их заваленные буреломами чащобы не оглашал даже редкий стук топора дровосека. Старились и падали в лесу вековые сосны, ельником, березняком и осинником густо заросли людные в прошлом поляны. Лес замолчал. Замолчал на целые десятилетия. И вот он ожил опять. И как еще ожил!..

Если свернуть теперь от лежневки вправо, то достаточно пройти по старому тракту всего полтора километра, как невольно обратит внимание на неясный вначале, но потом все более и более различимый, ровный, ни на минуту не прекращающийся гуд. Кажется, что где-то летит самолет. Но нет, характерный рокот мотора не затихает.

И вот, наконец, вы у цели: вправо и влево от дороги, там, где еще вчера высились столетние великаны, — сегодня уже пустынно. Лишь дымки от затухающих костров тут и там поднимаются тонкими струйками к небу, да десятки штабелей вчерашней вырубki белеют девственно свежими торцовыми срезами бревен.

Невольно все прежние понятия о лесорубческой делинке тускнеют. Вы видите, как одно за другим падают на землю деревья, но не замечаете главного — не слышите такого знакомого, звенящего шороха пил. Нет, здесь работают по-новому!

Сразу же, у края деланки, на двух ровных бревенчатых лежнях установлена небольшая компактная машина. Это — передвижная электростанция. От нее в глубь леса, черными, блестящими на солнце змеями, извиваясь по мягкому коврику уже опавших листьев осинника, тянутся магистральные кабели электропроводки.

Века единственными и неизменными орудиями лесоруба были обычная пила и топор... Даже такое нововведение, как замена обычной двуручной пилы лучковой, долгое время встречало сопротивление. Старое упорно не сдавалось. И вот, наконец, пришла в лес долгожданная электропила. Пришла и сразу же, как властная хозяйка, подчинила себе всё...

В одном из квадратов деланки особенно оживленно. Это и

понятно — здесь работает стахановец коммунист Александр Фокин. Потомственный лесоруб, он почти четверть века рубил и пилил лес вручную. Но когда в лесопункт пришла первая электропила, Александр Дмитриевич недолго раздумывал: по всему видно, что придется переквалифицироваться...

Уже на второй или третий день электропила в руках опытного лесоруба заготовила за день 45 кубометров!..

...В бригаде Фокина — 9 человек. Непосредственно у пилы работают четыре: сам он с помощницей, затем работница со стрелой, помогающая валить дерево в нужном направлении, и, наконец, подрубочик. Остальные же пятеро едва успевают обрубить и сжигать сучья.

...Погожий октябрьский день. Высокий, в одной белой парусиновой рубашке, Александр Дмитриевич Фокин переходит от одного дерева к другому. Он молчалив, но все, кто работает с ним, понимают своего бригадира и без слов. Вот он подошел к огромнейшей, необхватной ели. Низко нагнулся, почти у самой земли дотронулся до комля дерева пильной цепью и незаметно повернул рукоятку выключателя. И сразу же пила заскрежетала, зашипела. Хлынул из-под рук вверх непрекращающийся фонтан опилок. Плавню, будто нож в масло, вошла пила в дерево. Через несколько секунд огромная ель вздрогнула всем своим мощным телом, медленно покачнулась, чуть повернулась на собственном пеньке и, ускоряя падение, всей своей многопудовой тяжестью рухнула на землю, взметая вокруг себя облака искр и пепла от теплинков, дымящихся рядом.

Из газеты «Красный Север». Вологда.
29 октября 1946 г.

НА СЕВЕРНЫХ РЕКАХ

СЕВЕРНАЯ ДВИНА

Есть у Седого океана Белое море,
У Белого моря есть Архангельский городок,
Есть у Архангельска Двина...

Песня поморов.

БЫЛЫЕ ДНИ. ПЕТР ПЕРВЫЙ

Ехали лошадыми до Вологды, где за город навстречу вышло духовенство и купечество. Но Петр торопил, и в тот же день сели в семь карбасов и поплыли по Сухони до Устюга Великого, а оттуда Северною Двиною на Архангельск.

Впервые Петр видел такие просторы полноводных рек, такую мощь беспредельных лесов. Земля раздвигалась перед взором, — не было ей края. Хмурыми грядками плыли облака. Караваны птиц снимались перед карбасами. Суровые волны били в борта, полным ветром надувались паруса, скрипели мачты.

...На рассвете подплыли к Архангельску. Почти все были на севере в первый раз. Стоя на палубах, глядели, как невиданная заря разливалась за слоистыми угрюмыми тучами... Поднялось небывалой величины солнце над темными краями лесов, тучи распались по небу, ударили в берег, в камни, в сосны. За поворотом Двины, куда, надрываясь на веслах, плыли карбасы, протянулось, будто крепость, с шестью башнями, раскатами и палисадом, длинное здание — иноземный двор. Внутри четырехугольника — крепкие амбары, чистенькие дома под черепичными кровлями на валах, единороги и мортиры. Вдоль берега тянулись причальные стенки на сваях, деревянные набережные, навесы над горами тюков, мешков и бочек. Свертки канатов. Бунты пиленого леса. У стенок стояло десятка два океанских кораблей, да втрое

больше — на якорях, на реке. Лесом поднимались огромные мачты с паутиной снастей, покачивались высокие, украшенные резьбою кормовые части. Почти до воды висели полотнища флагов — голландских, английских, гамбургских. На просмоленных бортах с широкой белой полосой в откиннутые люки высовывались пушки.

...Он велел грести прямо к берегу. Первым выскочил в воду по колена.

...Чрезмерно восхищался многопушечными кораблями, при топытал, хлопал себя по худым ляжкам: «Ах, нам бы хоть парочку таких»... Тут же ввернул, что немедля закладывают в Архангельске верфи: «Сам буду плотничать, бояр моих заставляю гвозди вбивать»...

И уголком глаза видел, как сползают притворные улыбочки, почтенные купцы начинают изумляться: действительно, такого они еще не видавали...

А. Н. Толстой. Петр Первый. 1935 г.

БОРЬБА С ИНТЕРВЕНТАМИ

Весь август шли ожесточенные и непрерывные бои, и в начале сентября первая Северодвинская флотилия снова подошла к устью Ваги. Этот пункт неудержимо влек к себе Виноградова. Осуществляя ленинский план обороны, он сумел найти верное его конкретное воплощение, диктовавшееся местными условиями и обстановкой боевых действий. Он верно определил стратегическое значение устья Ваги, от которого открывались дороги по Двине на Котлас и по Ваге на Шенкурск. Все операции Виноградова на Двине проходили под знаком борьбы за устье Ваги.

И вот, в первых числах сентября, подкрепленный первым бологодским полком, коммунистическим Коми-отрядом, добровольческими и партизанскими отрядами, Виноградов снова приблизился к заветной своей цели.

...Свиристые бои на подступах к Котласу гремели до самого ледостава. Белые не прошли. Они были намертво пришиты к

устью Ваги. По Двине плыли тонкие осенние льдинки. Они ударились о борта пароходов и тихо звенели. С каждым днем их было все больше и больше. Они обступали вражеские пароходы, теснили их, сковывали движения. Топки угасали, жизнь уходила из них вместе с последним дымком пароходных труб. Пароходы вмерзли близ Березника в метровый двинский лед. Плая белых рушился. Ключи к Вятке и Волге им добыть не удалось. Не прошли белые и к Москве через Вологду, хотя английское командование и заявило, что будет в Вологде через десять дней после занятия Архангельска. Мечтам их не суждено было сбыться. За всю осень восемнадцатого года интервенты сумели пройти лишь всего семьдесят верст по железной дороге, то есть немного более четверти пути от Архангельска к Вологде. Красные закрепились близ станции Емца и задержались здесь почти на год.

Не прошли белые и на Пинеге, и на Печоре, и на Онеге. Навстречу им выходили из дремучих северных лесов бесчисленные партизанские отряды. Емецкие исполкомовцы дрались у Средемехрепги, онежские — у Чекуева, пинежские — в Веркольском районе, шенкурята держали белых на линии Вельск—Влаговещенск, кандалакшские рыбаки и рабочие-железнодорожники подрывали мосты на Мурманской железной дороге, между Кандалакшей и Имандрой, шелеховские и церковнические партизаны подымали против белых свои волости. На помощь им шли интерцы и вологжане, москвичи и рязанцы.

Полторы тысячи верст нового фронта оцетнивались штыками. Из разрозненных мелких отрядов вырастала шестая северная армия.

И. Бражнин. Друзья встречаются. 1940 г.

НА ПАРОХОДЕ

Дорога на пароходе «Гоголь» — сначала по Двине, а потом с Котласа по Вычегде — хороша. Погода тиха, ехать спокойно, Двина красива: местами даже и на нашу Печору похожа — и берегами, и песками, и разливами, и наволоками.

По воде лес плывет, пароходы идут — только гром стоит, друг перед дружкой посвистывают, словно здороваются. На песках чайки греются, в воде рыба плещется, над головой птица вольная летит. Из-за носков вывернется Двина, в ширину разольется, как доброе море. В наволоках луга зеленые разрослись, травы стоят-колеблются, черемуха в полном цвету шатается.

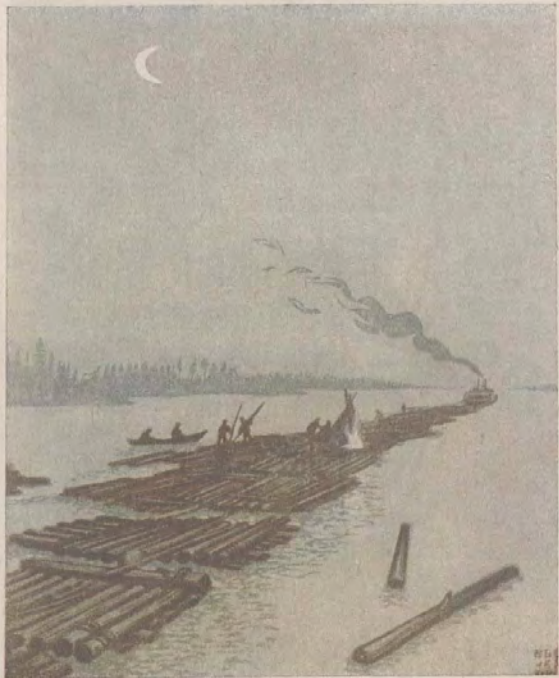
На иной пристани выйдем в луга, пройдем по густым травам, цветы рвем, в пучки кладем. Кругом все солнцем облито, воздух вкусный, как масленый, пахнет молоком, анисом, черемухой. От того черемухового духу как пьяный сделаешься, голову кружит и дух захватывает.

М. Голубкова. Два века в полвека. 1946 г.

СПЛАВ

По реке шли пароходы, они тащили сплоченный лес. На баржах лежали балансы, пропсы, дрова. У пароходов были разные имена: «Марксист», «Лютый», «Массовик», «Крепыш». Важно проплывали огромные стволы. Вся широчайшая река была наполнена одним: так идет весной лед, так шел лес. Он шел с берегов Двины, бурливой Сухоны, Юга, Вычегды, Вологды. Он шел, повинувшись воле людей, но он еще жил теплой жизнью ствола, казалось, он еще способен трепетать и шевелиться. Это было работой Лесоэкспорта, и с берега это походило на стихийный перелет лесов.

...На бревнах стоят люди с баграми: они подталкивают бревно. Они видят издали, какое дерево идет. Они кричат: «Елка! Сосна! Пиловочник! Подтоварник!» Они стоят на скользких бревнах с длинными баграми, похожие на древних жрецов. Если подойти поближе, можно увидеть на их лицах крупные капли пота. Но отсюда они кажутся равнодушными и величественными. Как бы шутя они пропускают десятки тысяч бревен. Огромные леса, на опушках которых ютились деревушки, леса со скитами и с разбойниками, леса, в которых играло молодое зверье, а дев-

ки пели свои песни, леса, обозначенные на картах зеленым пятном, и через которые пройти все равно, как через жизнь, — эти леса побеждены, они плывут вниз, вступают в запань, расходятся по конелям. Их связывают, как пленников. Буксир подхватывает плоты и несет их к большому городу.

И. Эренбург. Не переводя дыхания. 1935 г.

НА ПЕЧОРЕ

Я сижу на берегу Печоры и люблюсь окрестностями: широкая светлая река окаймлена то густым бором, то зелеными дугами, направо презается в реку крутой мыс с золотыми стволами сосен, из-за мыса выбегает речка Оранец и вливается в Печору, за речкой плоские островки, дальше темный, дикий лес. Налево, над лесистыми холмами, встает гора Сабля, за ней темнеет гряда Уральских гор и трехугольные хребты их теряются в синей дали. По косогору разбросаны хижинки деревни Оранец, коровы бродят меж кустов. На берегу рыбацьи лодки, а сами рыбаки в реке закидывают невод.

Картина эта то вдруг темнеет от набежавших туч, то прояснится, освещенная прорвавшимся сквозь тучи утренним лучом. Свет падает на снежные сугробы, лежащие на вершине горы Сабли, и вся эта гора вместе со своей сияющей вершиной отражается в зеркальной глади подвижной реки.

Печора повсюду прекрасно судоходна, есть, правда, мелк, но в сравнении с мелями Вычегды и Двины Печора несомненно удобнее для сплава судов.

Н. В. Латкин, краевед.

Река становится похожей на море, и низменные берега ее почти совершенно исчезают из глаз. Широкое пространство воды, по бокам полоска желтоватого песку с каймой низкорослого ивняка на горизонте — вот общая картина низовьев Печоры.

А. А. Жилинский. Крайний Север Европейской России. 1919 г.

ПРОМЫСЛЫ

Ловили мы в самой Печорской губе, Малая Печора, где мы ловили, в самом низу у устья вся возьмется шарами да заостровками, а эти шары да заостровки идут до устья губы. Когда приходим мы туда сразу за льдом, то на устьях шаров еще застаем лед и ловим на своей стороне печорской, а не в загубьи. От своей стороны не отцепляемся. Иногда едем по вискам¹ до озер и там ловим.

Караулим лед, когда он очистит загубье, чтобы к берегу пристать было можно, и едем тогда на другую сторону Печорской губы, чтобы заледную рыбу не упустить.

А лед везде очистится, настоящее тепло придет, берега обрываются, обрежутся, озера протают, вода в них устоится, рыба наберется — тогда мы сунемся и в загубьиные озера, рыбу караулим. Тут тоже надо знать — с какого ветра да с какой воды рыба идет, чтобы поехать во пору да во-время, а то и с пустой донницей, не насыпав рыбы, воротимся...

...Как только лед на Печоре пронесет, берега прибрежуются, теплый дождик пройдет, гром прогремит, встряхнет землю, едем мы луга убирать. Зимой у стогов остается остожье: сено, стожары, подпоры, липуны². Кроме того, большой водой навосит на луга хворост, залески остаются. Все это надо убрать, пока трава не выросла. Разделим мы пожни на участки, согласимся, кому с кем идти, и друг перед дружкой стараемся, чтобы раньше очистить. Луга как зеленым сукном подернуты, листы развернутся, кусты опушатся, цветы раскинутся. Время теплое, погода солнечная. А к вечеру ветер с моря потянет, посвежеет, похолодает. Днем — то на солнце нажаришься, а тут охлынешь, и так тебе любо, как будто ты новый стал.

В это время у нас часто бывают засверки. Иной год весна

¹ Виски — протоки.

² Липуны — связанные попарно яловые ветки, перекидывающиеся поверх стога, чтобы ветер не сносил сено.

не лучше зимнего холодом охватит. Однажды, в конец июня, север подул не по-доброму, сильный снег пошел, — можно задохнуться. А скот ходил в лесу. Голубчане выручили свой скот, а у оксичан скотин около десятка замерзло.

На путину в этот год ушла добрая половина деревни. Первый раз ехали они не с прежними сетками, а с рюкзами и ставными неводами. Моя неродная внучка Паша поехала, новую частушку запела:

Заструилась Печора,
Замутилась вода,
Рыбартели ставят рижки
И ставные невода.

М. Голубкова. Два века в полвека. 1946 г.

ВЕЛИКИЙ ПОТОК

Много с гор ручьев по земле течет,
Из ручья в ручей, в реку быструю,
Из быстрой реки в мать Печорушку,
Из Печорушки в океан-море,
В океан-море Ледовитое.
Много думушек есть народных:
Мысли-думушки как ручьи текут,
Как ручьи текут да как вода бегут,
Они все-то думы стекаются,
Еще все-то они думы сливаются,
Как ручьи в реку, в мать Печорушку,
Мысли-думы текут в нашу партию.
Как течет река мать Печорушка,
Как несет свои воды полные,
Воды светлые в океан-море,
В океан-море Ледовитое,
Так же льют-текут думы партии
В море светлое — в думы Сталина.

М. Голубкова

ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

За невидимой нитью Полярного круга, между Белым и Карским морями, раскинулся край бесконечной тундры.

Весной, с появлением солнца, когда стает снег, горизонт раздвигается шире, неожиданно резко очерчиваются контуры и сближается неровный рельеф еще недавно слегка волнистых заснеженных пространств.

С крутого обрыва открывается тундровый пейзаж. словно на море в час непогоды, разбежались волнами холмистые гряды и высокие сопки. По всем четырем ненецким тундрам — Канинской, Тиманской, Малой и Большой земле — этими сопками отмечены пути древних ледников.

Холмы громоздятся один над другим. Между ними в лощинах скоро зажурчат потоки талой воды, зашумят по оврагам тундровые травы. Но сейчас, в апреле, здесь лишь играет ветер.

...Весна приносит в тундру перемены. И лед и снег еще лежат на месте, а в небе уже кричат залетные птицы. Но вот из-под льда на перекатах закипает вода, реки покрываются голубыми заплатами заберега, на озерах зияют полыньи, птиц с каждой ночью все больше. Наступает половодье, журчат тундровые ручьи, темнеет небо от перелетных стай, и звенит воздух от птичьего многоголосья.

Летняя тундра — огромное пестрое волнующееся море. Просто не верится, что мхам и лишайникам доступно такое разнообразие красок. Все тона и оттенки — от белых до бурых, от нежно-зеленых до огненно-рыжих.

Куда ни шагни, повсюду наткнешься на щедрые россыпи румяной морошки, сизой голубики, яссиня-черной черники, ярко-красной клюквы.

Среди множества мхов, лишайников и ягодников особенно красив лишайник ягель, которым питается олень. Ягель ветвист. Как оленьи рога, причудлив рисунок игельного стебелька.

Тундра встречает людей пряными запахами багульника и вереска, нежной зеленью миниатюрных ив и берез, приветливым шелестом тундровых трав.

У рек и озер, на лугах и лужайках можно встретить знакомые с детства цветы: и лесную герань, и ромашку, и простой иван-чай, и дикорастущую гречиху, и злаки — типчак и батальчик, и мятлики — луговой и альпийский. Вдоль рек далеко на север тянутся зелеными полосами приземистые леса, где растут попережку береза и ель.

Н. Леонтьев. Страна голубых песцов.
1939 г.

ПШЕНИЦА НА СЕВЕРЕ

Когда Лясс вошел со своим проектом в кабинет человека, лицо которого он прежде знал по портретам, он оробел, как школьник. Он начал бубнить о том, что Северный край заслуживает внимания, что бедность природы — понятие относительное, что нельзя опасаться смелых проектов. Он думал: сейчас остановит, скажет: «Бред». Но вместо этого он услышал: «Товарищ, говорите по существу, как вы представляете себе это продвижение пшеницы?» Тогда Лясс сразу оживился. Он забыл, кто перед ним. Он только спросил: «Сколько вы мне времени даете?» — «Да вот через час заседание», Лясс, однако, проговорил два часа. Он изложил все свои опыты. Сто восемьдесят морозных дней. Созревание невозможно. Пшеницу необходимо яровизовать. Семена пускаются в рост до сева. Вопрос влажности и температуры. Яровизация продолжается тридцать пять—пятьдесят дней. Все это очень просто. За пшеницей смогут последовать и другие культуры.

...Торфяные болота? Разумеется. Но их легко осушить. Не требуется вносить землю или песок. Применяют известь и минеральные удобрения. Северный край превращается в черноземную

область. Наконец на 65-м градусе можно разводить абсолютно все: яблоки, даже шелковичные деревья. Он кончил. Глаза ботаника, бывшего золотойскателя и зверолова, встретились с глазами человека, который должен знать все: рост пшеницы, процент кремния в чугунах, профиль дорог, количество выпускаемых автомобилей и программу средних школ, постройку яслей, борьбу с саранчой, осушение болот и ирригацию пустынь, крепость хорошей стали и слабость обыкновенного человеческого сердца. Лясс жадно заглянул в эти глаза, заглянул и улыбнулся: он понял, что сегодня его мечта сбылась — пшеница двинулась на север.

Лясс работал день и ночь. Проект стал наполовину действительностью. Прошлой осенью 4 октября яровизованная пшеница доспела. Лясс продолжал опыты над различными сортами для яровизации. Путем скрещивания он создал новый сорт и окрестил его «победая».

И. Эренбург. Не переводя дыхания.
1935 г.

ОХОТА В ТУНДРЕ

Песцов у нас и в канисаны добывали и на ружье, и в тундре брали, и загоны устраивали, и норы откапывали. Фома каждый год норы копал. Отыщет их в тундре, в какой-нибудь сопке. Собака скажет ему, есть ли там песцовое гнездо, и начинает он копать. Дочопается до самого гнезда, а там шенки песцовые забились, а иногда и взрослые попадались.

М. Голубкова. Два века и полвека. 1946 г.

...По-новому повела пушное хозяйство советская власть. Советские заготовительные организации стремятся улучшить благосостояние народов Севера. Нынешние заготовительные пункты и фактории не только скупают у населения пушнину, но и организуют охотничий промысел, обучают охотников новым способам

охоты. На всем северном побережье построены промыслово-охотничьи станции. Они обслуживают охотников моторно-парусным флотом, строят промысловые избы, помогают осваивать глубинные пункты тундры, наиболее богатые пушным зверем.

Сейчас тундры так богаты песком, как во время далекой древности. Во время миграции песок в несметном количестве пересекает тундру. Такие дни и недели — настоящая страда для жителей тундры.

Н. Леонтьев. Страна голубых песцов.
1939 г.

НОВЫЙ ГОРОД — НАРЬЯН-МАР

В безветерье зашумела, без грома загрела наша мать Печора. На низу Печоры шел деревянный гром: наехали плотники да работники, мастера да подмастершики, начали мастерить да рубить Красный город, по-ненецки — Нарьян-Мар. Звалось раньше то место Белошелье, стояло оно пустым-напусто: ни двора на нем, ни хижин.

Мимо те берега не раз приходилось мне хаживать, бечевой лодку тягивать. Устанем тянуть — поветерь ждем, севера. Против воды каждый пособного¹ ветра радеет.

...А тут, слышим, это самое место на всю Печору прославилось, городом покрылось.

То ли соседи съездыт, то ли Паша на каникулы вернется, — говорят, что город вовсе не попржежнему строится: не с кабаками да не с казенками, а с хорошими домами да строениями. И управлял всеми делами в округе наш знакомый ненец — Иван Павлович Вуучейский.

Побольше поставить да построить спешили люди, дело за делом шло. Пришли в наши края экспедиции. В Голубково приехали землемеры, обмеривали землю по Печоре, ямы копали, по всем дорогам версты на километры пересчитывали. Племянницын муж Ефим Андреевич ходил с другой экспедицией: вверх и вниз по Пе-

¹ Пособный — попутный, помогающий плыть.

чоре все объездили, обмеряли, бурили землю: все искали да при-мечали, нет ли в земле чего-нибудь дельного да пригодного.

Потом слышим, что в Воркуге уголь, а на Ухте нефть нашли и большие работы там повели. Мы раньше из горючего, кроме керосину, ничего не знали. Ходили мы по своей земле и не думали, что там какой-то уголь да нефть есть, одну глину да песок видели. А тут, как стали выполнять пятилетку, так все узнали да до-стали: нашлись умелые люди и золотые руки.

На Ухту с Вычегды тракт провели, каждый день, говорили, полсотни машин там бегало. На наш Нарьян-Мар летчики прямо-летную дорогу проложили: круглый год самолеты из Архангельска начали летать.

Морские пароходы заходили по Печоре, больше завозить стали для Нарьян-Мара, для Воркуты, для Ухты. Баржа за бар-жой волоклись к верху Печоры, на Усть-Усу. А сверху плыли баржи с углем да нефтью. Печорский уголь да нефть люди ты-сячами тонн стали считать.

Те места мы знали-вызнали,
К океану-морю ходючи,
Бечевою лодку тянучи,
Парусами где-ка бегучи...
Уж мы клали тут — перекладывали,
На себе лодки перетягивали,
На желтом песку ноги вывертывали,
Себе веслами руки мозолили,
Бечевой себе плечи кровавили...
А теперь —
Посередке тундры Большой земли
Не пыль в поле подымается,
Нарьян-Мар чудный город разрастается
Разостроился нов-хорош город
Добрым людям на дивованье...
И теперь те места оприючены,
На Печоре они первые-напервы.

Из Москвы идет в Нарьян-Мар-город
 Путь-дорожечка прямоезжая,
 Прямоезжая да прямолетная.
 Что по этой-то путь-дорожечке
 Приезжают к нам люди ученые,
 Прилетают к нам смелы сокоды,
 Смелы соколы да наши летчики.
 Что из наших далеких краев,
 Из далеких краев, из больших городов
 Приплывают к нам в Нарьян-Мар-город
 Богатые корабли черные
 Со товарами да со продуктами,
 Со всяким разным богатством.
 И знают все от старого до малого,
 Что стоит на Печоре Нарьян-Мар-город...

М. Голубкова. Два века в полвека. 1946 г.

СНЯНИЕ СЕВЕРА

Виктор Попов привалил к берегу — пить чай.

Тундра, словно сказочный ковер, простиралась куда хватал глаз. Был тот ковер чудесен своими яркими и бесчисленными красками. Казалось, что само солнце выткало его из своих нерукотворных нитей, чтобы потом закрыть снегом на восемь месяцев.

Мишутка развел огонь из сухих мхов и травы.

И тут к костру Виктор Попов принес черный камень. Принес и бросил его в огонь. Камень загорелся сразу же. Это был богатейший жирный, длиннопламенный уголь. Задумчиво смотрел охотник на тот огонь.

— Это камень жизни, — сказал он Мишутке.

Шестнадцатилетний сын с трепетом смотрел на необыкновенный огонь. Отец и сын — дети тундры, они никогда не видели такого пламени!..

...Это было весной 1931 года.

Караваны, вьюченные лесом, железом, механизмами, рельсами, сухарями, бесконечные караваны оленьих упряжек и лошадей спускались с полярных каменных высот Урала и двигались по тундре на Воркуту. То было великое зрелище.

Тогда началось строительство узкоколейной железной дороги от Воркутинского месторождения углей к реке Усе, которая впадает в Печору.

Металл прикоснулся к тундре.

Борьба началась.

Была притащена сюда электростанция, смонтированная на грузовом автомобиле. Электричество нужно было не для освещения. В тундре в это время светило солнце круглые сутки. Электричество нужно было для другой цели. Строители нагревали добела длинные железные шпury и всаживали их глубоко в мерзлую почву рядами, словно густые колья для проволочных заграждений. Затем в эти шпury включался ток.

Так начали оттаивать тундру.

Электричество оживляло землю. Вслед за ним проникал в недра тундры и сам человек...

...Геологи упорно и терпеливо бурили тундру.

Их буры протыкали вечную мерзлоту и углублялись все дальше в загадочные недра, закованные в ледяной панцирь вечной мерзлоты. И выходил из тех тайных горизонтов керн — пробы породы.

Открывалось сокровище почти невероятное.

...Воркутское месторождение угля лежит в виде гигантской зарытой глубоко в землю мулды — чаши, края которой подходят близко к земной поверхности. Это угли всех марок, драгоценные металлургические угли.

Колоссальная плита вечной мерзлоты в 135 метров толщиной, словно тяжкая броня, наглухо закрывает драгоценную воркутскую угольную чашу. А на поверхности — лютая, неумолимая тундра с ее ледяной песней-пургой, с ее страшными магнитными бурями и Белым Молчанием...

В великом напряжении осваивалась Большеземельская тундра. Каждый шаг, каждый вбитый кол, каждый человеческий след на тундре доставался тяжким трудом. Оборудование и грузы шли на Воркуту длиннейшим кружным путем, около четырех тысяч километров: из Архангельска по Белому и Баренцову морям, затем по Печоре вверх, потом по реке Усе, затем по голой тундре. Наконец они попадали на Воркуту — только через два года.

Плывать по Усе можно только 70—75 дней в году, а по Воркуте плавать совсем нельзя.

Но стройка шла.

Шаг за шагом, удар за ударом в стылую землю. Никто не поднимал шума по этому поводу. Страна почти ничего не ведала о Воркуте.

Так подошел конец 1938 года.

...В апреле 1940 года товарищ Сталин принял руководителей «Воркутугля» у себя в Кремле. Тогда же было решено строить новые шахты на Воркуте. А тем временем к воркутской угольной чаше — к чаше тепла и жизни — пробивалась настоящая широкая железная дорога.

Ее начали прокладывать от Котласа.

Каждые сутки укладывалось по два километра железного пути. Такой быстроты и такой стройки еще не было на всем свете. В непроходимой, спутанной буреломами тайге, в этом невероятном хвойном колтуне, люди огнем прожигали щель для полотна дороги: в тундре вспарывали толстый покров мха, словно шубу этой нелюдимой земли, и накладывали, трамбовали насыпи.

28 декабря 1941 года пришла к месторождению воркутских углей широкая настоящая железная дорога...

...На Воркуте вступили в строй пять новых шахт, строились еще новых три и еще три.

Добыча угля прыгнула, словно температура в градуснике, приставленном к холодному телу тундры, в котором вдруг пробудилась теплота.

Поток угля полился из воркутской чаши в глубь сражающейся страны...

...Этот уголь был добыт за 67-й параллелью, из недр Большеземельской тундры. Он был извлечен из-под 135-метровой вечной мерзлоты — в горизонтах молчания, где всякая жизнь уснула 50 тысяч лет тому назад.

То был подарок горняков Печорского бассейна Ленинграду. На вагонах значилась надпись: «Воркута».

...67-я параллель не балует теплом: средняя годовая температура — минус 7 градусов; за зиму — 114 дней пурги; скорость ветра достигает 40 метров в секунду; в середине зимы полная и крошечная тьма 20 суток непрерывно — ночь длиной 480 часов.

...1943 год дал огромный прыжок. Цифры добычи угля на Воркуте стали выглядеть так:

1940 г. — 100%

1941 г. — 118%

1942 г. — 271%

1943 г. — 603%

На карту Российской советской федеративной социалистической республики был нанесен новый город — Воркута, дитя тундры, дитя Великой Отечественной войны...

В. Величко. Сияние Севера, «Правда», май 1946 г.

Как в сказке — жизнь...

Далекая мечта

Пришла в огне и стали, стала явью.

И город молодой мой Воркута

Встречает день на шахтах Заполярья...

С. Попов, Перевод с языка коми С. Обродовича. Сыктывкар, 1946 г.

СЕВЕР В ЦИФРАХ

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Широтное положение и площадь Лесного Севера в сравнении с некоторыми зарубежными странами и городами в СССР и за границей.

Описываемый в книге Лесной Север Европейской части РСФСР лежит в сравнительно высоких широтах. Его южную окраину пересекает 60-я параллель, а северную — Полярный круг. Этот район расположен на одной широте со Скандинавией, южной частью Гренландии, Аляской, Якутск. Архангельск находится приблизительно на широте Рейкьявика в Исландии. Самый северный из больших городов Великобритании — Глазго — лежит на 4 градуса южнее Вологды, крупные канадские города Оттава и Монреаль — на 12 градусов южнее.

Расстояние от Москвы до Архангельска — 1133 километра, до Вологды — 499 километров, до Сыктывкара — 1718 километров.

Вся площадь областей, в которые входит описываемый в книге край, такова:

	Тыс. кв. км
Архангельская область . . .	594,2
(без островов и Ненецкого в.п. округа — 39,1)	
Вологодская область	147,4
Коми АССР	474,6

1 146,2

Рис. 2. Южная граница тундры.

Западнее полуострова Канчи тундры как постоянного ландшафта в пределах края нет; здесь лишь отдельные ее элементы (в растительности, характере почвы и т. д.).

Из этой общей площади на лесную полосу приходится примерно 75 процентов, то есть несколько менее 900 тысяч квадратных километров. Эта площадь приблизительно равна площади Швеции, Норвегии и Исландии, вместе взятых.

На севере лесной (таежной) пояса может быть выделена переходная под-

зона лесотундры, где в растительном покрове широко представлены травы и мхи, характерные для тундры.

Южная граница тундры (по Григорьеву, Топильеву, Цинзерлингу) показана на рисунке 2. Характерно, что вдоль рек лес продвигается на север дальше, чем на водоразделах.

КЛИМАТ

Климат Лесного Севера Европейской части РСФСР характеризуется:

общей суровостью: среднегодовые температуры либо немного выше 0° , либо отрицательны;

довольно сильной континентальностью: лето, хотя и коротко, но имеет жаркие дни, и, например, на всем юго-западе края летнее купание в реках совсем не является редкостью;

избыточным увлажнением из-за сравнительно слабого испарения.

При всем том климат края вполне здоровый; приезжее население легко к нему привыкает.

Суровость климата возрастает в направлении с юга на север и с запада на восток. Избыток влаги на востоке меньше, чем на западе. Здесь выпадает меньше осадков.

Рис. 3. Зимние и летние изотермы.

Среднегодовые температуры:

Архангельск	+ 0,4°
Каргополь	+ 1,4°
Мезень	- 1,6°
Сыктывкар	+ 0,5°

Осадки

Архангельск	438 мм в год
Каргополь	507 . . . .
Западная часть Во- логодской обл.	550 . . . .
Комп АССР	315 — 450 . . . .

Рис. 4. Осадки за год.

Часть территории Лесного Севера Европейской части РСФСР лежит в зоне вечной мерзлоты (рис. 5). Однако вечная мерзлота здесь не имеет сплошного распространения, как, например, на севере Сибири. Острова вечной

мерзлоты, оттаивающие летом на глубину 0,2—2,5 метра (в зависимости от широты места, характера почвы, растительного покрова, гидрогеологии), являются подчас серьезным препятствием для строительства.

Рис. 5. Вечная мерзлота.

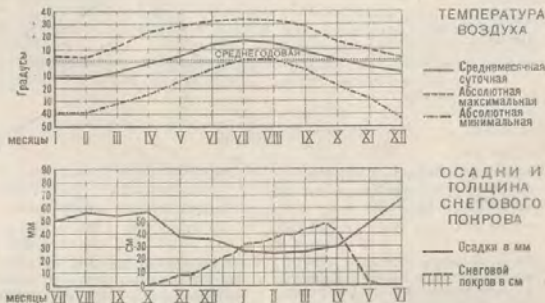

Рис. 6. Климатические особенности Архангельска.

ПОВЕРХНОСТЬ

Рельеф края отличается монотонностью. Он почти повсюду представляет равнину с высотами от 100 до 200 метров над уровнем моря, в которую очень полого врезаны долины больших рек. Пересекающие эту равнину поднятия — широтные Северные Увалы на юге и близкие к меридиональному

направлению хребты Чернышева и Тиманский на северо-востоке — имеют незначительные высоты и пологие очертания. Своей высотой выделяется тришь Северный Урал, образующий восточную границу края.

ВЫСОТЫ НАД УРОВНЕМ МОРИ

Гора Народная	1885 м	} На западном склоне Урала; высшие точки всего края
Гора Колокольня	1700 м	
Гора Сабая	1650 м	
Высшая точка хребта Пай-Хой	476 м	
Тиманский хребт	200—325 м	
в т. ч. гора Пот-Чурк	35 м	
гора Чётлаасский Камень	465 м	
гора Коврига	247 м	
Северные Увалы	201—301 м	
Долина Сев. Двины в среднем течении	50—80 м	
Меженная отметка Сев. Двины у Котлааса	45 м	
Меженные отметки в верховьях Вычегды	около 75 м	
Водоразделы бассейнов Вычегды и Мезени	150—200 м	
Зеркало Белого озера	130 м	
Архангельск	2—10 м	
Максимальная глубина Белого моря	—340 м	

Почвы Лесного Севера в целом подзолистые, весьма однородные. Разнообразие вносят главным образом аллювиальные почвы пойм больших рек и болотные почвы.

РЕКИ

Хотя Печора по длине больше чем любое превосходит Северную Двину (она почти равна Северной Двине с ее главным притоком Вычегдой), Северная Двина по площади бассейна, занимающего $\frac{1}{2}$ всего края, является его «глав-

ной рекой». Эта особая роль Северной Двины станет еще явнее, если мы вспомним, что ее бассейн захватывает южную и западную части края, наиболее богатые лесом (рис. 7).

Продолжительность ледостава в ни-

БАССЕЙНЫ ВАЖНЕЙШИХ РЕК СЕВЕРА

Шкала масштаба

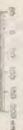

Рис. 7. Бассейны рек Севера, их относительная площадь и абсолютная (в квадратных километрах).

ловых на 3—6 недель больше, чем в верховьях.

На малых реках ледостап вообще продолжительнее, чем на крупных.

Прохождение ледохода короткое, но очень мощное. Это связано с тем, что реки здесь в основном текут к северу. На Северной Двине движение льда от Котласа до Архангельска занимает до двух недель. Примерно на столько же отстает вскрытие «местного льда» в Архангельске по сравнению с Котласом. Таким образом, по мере продвижения льда вниз по реке во время ледохода количество льда как бы нарастает. Это полная противоположность положению на реках, текущих к югу, где лед идет «в расщелчку».

Отсюда частые зазоры, вызывающие большие временные подтопления воды. В устьях больших рек зазоры усиливаются обильными отложениями на барах, на

которых лед нагромождается и скапливается. Именно ввиду всего этого, например, вскрытие Печорской губы (залива) запаздывает примерно на две недели даже против ледохода у устья Печоры — обстоятельство, которое при общей краткой навигационной доступности Печоры с моря было очень ощутимым до постройки Северо-Печорской железнодорожной магистрали.

Режим устьев больших рек специфичен: в нем сильно сказывается влияние моря. Ливневые явления (приливы и отливы) на Северной Двине ощущаются до устья Пинеги. В устье Мезени приливы и отливы очень затрудняют работу порта: колебание уровней здесь доходит до 12 метров, и суда вынуждены производить погрузку на рейде, на глубоких местах (над «ямками»), без чего из-за угрозы оказаться во время отлива «на суше».

рис. 6. Схема накопления льда в устье Северной Двины.

В период ледя в устье запаздывает против вскрытия в г.Вене Пинеги и при этом на 10 дней.

Важнейшие реки Севера

Название	Длина (в км)	Площадь бассейна (в тыс. кв. км.)	Куда впадает	Важнейшие притоки
Печора	1 789	327	В Баренцево море (Печорская губа)	Уса, Ижма (ее приток Ухта), Цильма, Ийма, Лая
Сев. Двина ¹	733	369	В Белое море (Двинская губа)	Вычегда, Вага, Пинега, Емца
Мезень	857	76	В горло Белого моря (Мезенская губа)	Ванка
Онега	405	58	В Белое море (Онежская губа)	Мона
Вычегда ¹	1 109	120	В Сев. Двину	Вымь, Сысола, Сев. Кельтиа
Сухона ¹	560	51	Образует с Югом Сев. Двину	Вологда
Юг	491	37	Образует с Сухоней Сев. Двину	Луза
Шексна ²	410	44,8	В Воагу	

Л Е С А

Общая площадь лесов описываемого района (не считая лесов лесотундры) превышает 50 миллионов гектаров, что почти равно лесной площади Швеции, Норвегии и Финляндии, вместе взятых; примерно половина этой площади приходится на Коми АССР и до 40 процентов — на Архангельскую область.

По мере продвижения с юга на север и с запада на восток «плотность леса»

(количество древесины на единицу площади, находящееся в зависимости от густоты древостоя и величины деревьев) заметно падает, что хорошо видно на профилях, образующих «рамку» рисунка 9. Рассматривая эти профили, нетрудно установить, что в западной части края заметное поредение леса наступает лишь на широтах 64—65°, в то время как в восточной — уже с широт 62—63°.

¹ За исток Северной Двины в приведенной таблице принято слияние Сухоты и Юга. Не в последнее время из исток чаще принимают место впадения Вычегды. В старой литературе участок от впадения Юга до впадения Вычегды (около 60 километров) иногда называли Малой Северной Двиной.

² По территории рассматриваемого края проходит только северная часть.

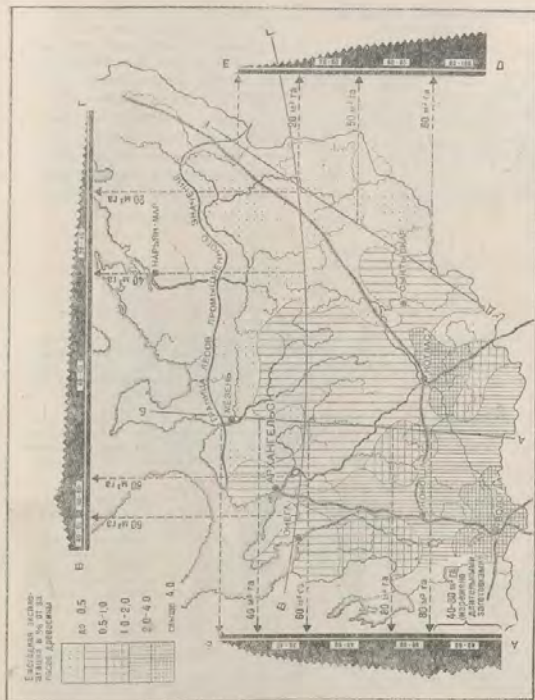

Рис. 9. Эксплуатационные запасы драгоценных и не драгоценных металлов на тектоническом фоне (показана в виде «природной» обрамляющей рамки карты; профили построены в виде «разрез» по линиям А-Б, В-Г, Д-Е, отмеченным на карте).

Приблизительный состав леса (в процентах)¹

(по Бергу — Фоку)

	В северной полосе	В южной полосе
Сосна	44,9	36,8
Ель	30,5	37,4
Лиственница	7,0	3,1
Пихта, кедр	1,5	3,8
Береза	8,1	11,9
Осина	4,9	5,9
Ольха, ива	3,1	1,1
	100,0	100,0

Подвояющая площадь лесов представляет собой растительные ассоциации с отчетливым преобладанием либо ели («ельники»), либо сосны («сосняки»). Береза и осина распространены главным образом на гарях и вырубках. Ель и сосна ведут между собой постоянную борьбу; в этой борьбе каждая из пород имеет свои преимущества и слабые стороны. Сравнительная табличка (составленная по Морозову, Бергу, Сукачеву и др.) показывает следующее:

	Ель	Сосна
1 Светолюбие или теневыносливость ² .	Теневынослива, почему может развиваться в качестве второго яруса под пологом сосны.	Светолюбива, почему имеет тенденцию к саморазрежению и может быть заглушена подростом ели под пологом ели.
2 Требовательность к почвам.	Довольно требовательна; в своем развитии сильно зависит от количества питательных веществ в почве.	Малотребовательна, может расти на песках, на сфагиновых болотах, даже на тонком слое почвы поверх гранитных скал.
3 Требовательность к влаге.	Лучше всего растет на влажных (но не заболоченных) почвах; нуждается в том, чтобы грунтовые воды были проточны и обеспечивали приток кислорода к корням.	Уживается на участках, где обеспеченность влагой весьма различна.

¹ В дореволюционных границах губерний Архангельской (и таблица принята как северная полоса) и Вологодской (принята как южная).

² По Морозову, древесные породы Севера располагаются по степени светолюбия в следующий ряд (каждая с самых светолюбивых): лиственница, сосна, кедр, осина, береза и ольха (береза, ольха, лиственница).

	Ель	Сосна	
4	Корневая система.	Негаубока, почему ель малочувствительна к вечной мерзлоте.	Очень мощная, почему сосна своими корнями может «пробить» слой сфагнума и расти на болоте.
5	Быстрота роста и общая способность завоевывать новые участки.	Растет сравнительно медленно.	Растет быстрее ели; семена легко распространяются. Хорошо заселяет вырубки; более, чем ель, способна занимать новые участки.

Рис. 10. Запасы древесины в лесах Коми АССР (в млн. м³).

Запасы спелой и приспевающей древесины в лесах Севера, имеющих промышленное значение, составляют от 75 до 125 кубических метров на гектар; по климатическим условиям прирост спелой и приспевающей древесины происходит значительно медленнее, чем в более южных районах, составляя в среднем от 0,5 до 1,0 кубического метра на гектар в год. Дерево достигает спелого возраста примерно за 100—120 лет (в средней полосе СССР — за 60—80 лет).

Примерно половина всех запасов дре-

весины приходится на деловую и половинка — на дровяную.

По краю в целом заготовки (см. ниже раздел «Экономика») значительно отстают от прироста; невырубленная спелая древесина переходит в разряд перестойной. Это происходит в малодоступных местностях; вдоль же рек и у железных дорог в сравнительно обжитых местах, где сосредоточены основные заготовки, запасы древесины сокращаются.

Избыточная увлажненность края, залесенность его, способствующая заболачиванию, и пологий рельеф, затрудняющий сток, определили значительное распространение болот. Указать точно площадь болот вследствие неопределенности их границ невозможно; во всяком случае не менее $\frac{2}{3}$ территории

края, включая и находящуюся под лесом, в той или иной степени заболочено.

Происхождение здесь болот связано только в отдельных редких случаях с зарастанием бывших озер (что является правилом, например, в Карелии); обычно это результат заболачивания леса.

Типы болот Севера и их питание

Типы болот	Где распространены	Питание	Характер растительности
1 Низинные.	В поймах рек, у стариц и т. п.	За счет разлива вод во время наводков (намывное).	Осока, тростниковые, камышковые, рогоза и другие влаголюбивые травы; хвощи.
2 Переходные.	На более возвышенных местах, на периферии водоразделов.	Смешанное атмосферно-намывное.	Влаголюбивые травы и основином вытеснены гипновыми мхами, частично и сфагнумом, не создающим, однако, значительного торфяного покрова. На таких болотах хорошо растет и хвойный лес.
3 Верховые (наиболее распространенный, основной для Севера тип).	На водоразделах.	Исключительно атмосферное.	Преобладание сфагновых мхов, которые при накоплении достаточно мощного торфяного слоя из их отмерших остатков (часто достигает 3—6 метров) подавляют древесную растительность. Ежегодный прирост сфагнового слоя составляет 0,3—1,5 сантиметра. Прирост идет быстрее всего на середине болота, которое часто принимает форму выпуклой «шапки».

Торфяные ресурсы. Промышленный интерес представляют только торфы водораздельных верховых болот. По Герасимову, полезная теплотворная способность

северных торфов (с верховых болот) составляет 3 552 калории. Зато зольность их вследствие чисто атмосферного питания болот очень невысока (обычно около 3 процентов).

Общие запасы торфа в пределах края (в пересчете на воздушную сухую массу) превышают 20 миллиардов тонн. Обстоятельствами, серьезно затрудняющими эксплуатацию торфяников Севера, являются:

- 1) короткий период сушки, что особенно существенно при наличии в течение летнего периода частых осадков;
- 2) трудность применения (из-за дли-

нительных условий) наиболее дешевого, гидравлического способа добычи;

3) расположение наиболее мощных торфяников на труднодоступных водоразделах, в стороне от обжитых мест.

В наиболее крупных масштабах торфяные ресурсы края эксплуатируются на Рабанском болоте (для нужд бумажных фабрик города Сокола) и близ стекольного завода «Белый Бычок» (Чagodощенский район, к юго-западу от Череповца).

ЭКОНОМИКА

Экономика Лесного Севера Европейской части РСФСР за годы советской власти получила многогранное развитие. Сам круг природных богатств, эксплуатируемых человеком, неизмеримо расширился, не говоря уже о техническом прогрессе и количественном росте ранее существовавших отраслей. Человек противостоит сейчас природе, вооруженный

передовой техникой. Он ведет свое хозяйство планово, на социалистических основах, и это создает иное качество экономики края даже в тех случаях, когда отраслевой состав ее «формально» остался прежним. План послевоенной сталинской пятилетки предусматривает дальнейшее быстрое развитие всего народного хозяйства Севера.

	Отрасли народного хозяйства	Их состояние и роль	
		До Октябрьской революции	Сейчас
I	Лесная промышленность.	Объем лесозаготовок был значителен, но обладала хантинская заготовка древесины, шедшей в основном на экспорт в сыром виде. В заготовке и вывозе применялся главным образом ручной труд. Существовавшие в небольшом числе лесопильные заводы были малки и плохо механизированы.	Развиваются механизированные заготовки. Древесина почти целиком перерабатывается. Лесопильные заводы, особенно в созданных новых лесопильных центрах, более близких к внутренним районам страны, работают не только на экспорт, но и на внутренний рынок. Экспорт необработанной древесины почти прекращен. Лесопиление вооружено передовой техникой. Общие объемы заготовок, распиловки и экспорта сильно возросли. Главная тенденция — дальнейшая механизация работ.

	Отрасли народного хозяйства	Их состояние и роль	
		До Октябрьской революции	Сейчас
2	Другие, кроме лесопиления, отрасли по переработке древесины.	Почти отсутствовали, за исключением двух мелких бумажных фабрик.	Работает несколько крупных новых целлюлозно-бумажных комбинатов, реконструированы и расширены обе старые фабрики. Создано производство спирта путем гидролиза древесины. Широко утилизируются отходы лесопиления (ассоциация, лесозерметика). Создана мебельная промышленность. Ассортимент продукции из древесины продолжает расширяться.
3	Отрасли, связанные с богатствами моря.	Кустарные рыболовные и зверобойные промыслы.	Введен механизированный трапезный лов рыбы. Зверобойные промыслы расширены и реорганизованы на научной основе. Создано производство агар-агара, иода и других химических из морских водорослей.
4	Обрабатывающая промышленность, не связанная с древесиной сырьем.	Практически отсутствовала, за исключением мелкой пищевкусовой, железнодорожных мастерских и мелкого судостроения.	Созданы и сильно развиты: машиностроение, судостроение, легкая промышленность, промышленность стройматериалов, ряд пищевкусовых производств. Структура промышленности продолжает обогащаться, на очереди создание новых отраслей — химической, цементной и др.
5	Горнодобывающие отрасли.	Практически отсутствовали.	Созданы крупные районы добычи угля, нефти и ряда других ископаемых. Организована переработка нефти. Высокие темпы развития и богатые перспективы.
6	Сельское хозяйство.	Имелось животноводство и льноводство. Край являлся «потребляющим», питался привозным хлебом, собственное производство «серых хлебов» было незначительным.	Сельское хозяйство коллективизировано и сильно механизировано. В связи с большим расширением посевов край в значительной степени сам удовлетворяет потребность в сельскохозяйственных продуктах. Расширены посевы льна, который перерабатывается на месте. Расширено и улучшено животноводство. Главная задача — повышение культуры производства, повышение качественных показателей, рост продукции.

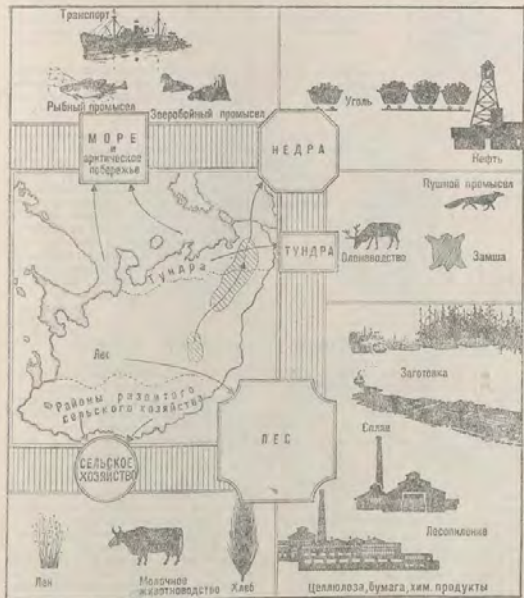

Рис. 11. Важнейшие отрасли экономики отдельных ландшафтно-хозяйственных зон и районов Севера.

	Отрасли народного хозяйства	Из состояния и в д. л.	
		До Октябрьской революции	Сейчас
7	Энергетика.	Была слабо развита и примитивна.	Создан ряд крупных электростанций, работающих на отходах лесопиления, на дровах, на торфе, на угле. Создано газовое хозяйство.
8	Транспорт.	Связь со страной обслуживалась двумя слабыми ж.-д. линиями. Внешняя торговая велась почти целиком при помощи иностранных судов.	Создан ряд новых железнодорожных линий, старые усилены. В морском транспорте главную роль стал играть советский торговый флот. Освоена трасса Северного морского пути. Проведена реконструкция старых портов, созданы новые. Сильно развился речной транспорт. Создан воздушный транспорт, что особенно важно для удаленных и малодоступных местностей края. Необходима дальнейшая работа по преодолению бездорожья.

ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО

На Лесном Севере в последние предвоенные годы заготавливалось примерно 50 миллионов кубических метров древесины в год¹. Чтобы понять значение этой цифры, представим себе всю эту древесину плотно спрессованной в виде куба; ребро такого куба составило бы 370 метров (на 70 метров больше высоты Эйфелевой башни). Из этой древесины можно было бы построить около миллиона крестьянских изб. Понадобилось бы до 3 миллионов вагонов или 30 тысяч хорошо нагруженных товарных поездов, чтобы это количество древесины вывезти (практически эту работу на 2/3 выполняют реки Севера).

До 10 миллионов кубических метров —

почти четверть всей заготовленной древесины — доставляется в Архангельск.

План послевоенной сталинской пятилетки предусматривает превращение заготовки и вывозки леса — отрасли, в которой преобладает ручной труд, — в развитую механизированную промышленность с постоянными и квалифицированными кадрами рабочих. К концу новой пятилетки основная часть леса будет спиливаться электропилами, работающими от передвижных электростанций.

Хорошие участки крупнотоварных насаждений дают при сплошной рубке до 150 кубических метров с гектара. Из них около 45 процентов приходится на пиловочник (и строевой лес). 30 процентов — на балансы и провалы, остальные 25 процентов — на дрова и отходы (сучья, ветки, шепы). В свою очередь пиловочник при обработке дает только 55—60 процентов выхода готовой продукции, остальное отходит в виде щепы, опилок,

¹ Дровосек измеряет не «сплошными» (как дрова при распиловке) кубическими метрами, а в веревочках на «отыске» кубические метры (так называются фехтметры).

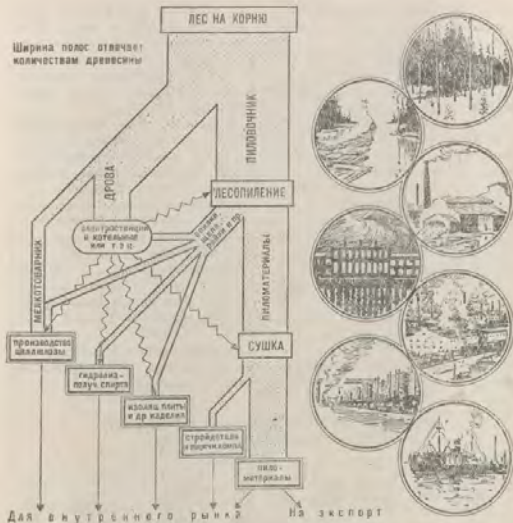

Рис. 12. Схема переработки древесины в готовую продукцию.

рек. Отсюда ясно огромное значение использования «отходов» — как полученных при заготовке, так и скапливающихся в центрах десопиления. Советская лесопромышленность встала на путь полного использования отходов. Так, выстроенные в 1932—1937 годах в Архангельске два крупных целлюлозных комбината работают: один — целиком на отходах десопиления (Соломбаль-

ский), другой (в Мечка-Полое) — на прилавном мелкотоварнике (балайсы); энергетика обоих предприятий основана на сжигании отходной древесины (дрова и опилки). Из этих отходов древесины организовано производство спирта путем гидролиза и другие лесохимические производства. И в самом процессе механической обработки древесины достигается более высокий уровень «благоражи-

вания» продукции (выпуск ящичных комплектов, выпуск строганых досок, искусственная сушка их).

Заготовки древесины проходят в основном в западной и юго-западной части края. В последние годы возрастает значение заготовок и вдоль железных дорог, особенно новой линии от Коноши на Вельск, Котлас и Печору, прорезавшей своей юго-западной половиной нетронутые лесные массивы.

По мере роста потребности отечественного рынка в лесоматериалах, что обусловлено возросшими масштабами строительства в стране, а после войны и огромными восстановительными работами, усиливается значение пунктов переработки древесины именно в этой зоне.

За годы новой сталинской пятилетки вывозка деловой древесины на Север увеличилась в 2,9 раза.

Центры лесопиления. Архангельск продолжает оставаться крупнейшим цент-

ром лесопиления. Общая мощность архангельских лесозаводов (свыше 140 лесорам) составляет более половины мощности лесопильной промышленности всего края. Другие, меньшие, «устыевые» центры лесопиления — Онега, Мезень, Нарьин-Мар.

На сплавные пути ориентируются Котлас, Сыктывкар, Вельск. На железные дороги ориентируются: Котлас, Череповец, Пермислово, Вельск, Плесецк, Шалакуша, Коноша, Харовск.

Значительных размеров достигло лесопиление и Печорском бассейне (в связи с нуждами строительства новых городов, шахт и нефтепромыслов).

Фанерные заводы есть в Великом Устюге и Кадуе. В первом году послевоенной пятилетки крупный фанерный завод пущен в Жешарте (Коми АССР).

Из лесохимических производств наибольшее развитие имеет целлюлозно-бумажная промышленность.

ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, НЕ СВЯЗАННАЯ С ЛЕСОМ¹

Высшейшие центры ее:

1. Архангельск (машиностроение, судостроение, рыбная, хлопчатая, мукомолье, переработка водорослей, легкая).

2. Вологда (машиностроение, в частности по паровозоремонту, судоремонту и выпуску оборудования лесозаводов, льняная, пищевая, легкая).

3. Ухта (нефтеобработка, саженое производство).

4. Череповец (судостроение, пищевая).

5. Великий Устюг (щетиное производство, пищевая, легкая).

6. Чагода (стекольная).

7. Красавино (льняная).

8. Сыктывкар (судостроение, легкая).

9. Усть-Цильма (замшевая).

10. Остров Жижгин (переработка водорослей).

11. Станция Сухона (производство молочных консервов).

12. Лименда, у Котласа (судостроение).

Из этих отраслей наиболее важными являются судостроение и машиностроение, в частности транспортное, переработка льна, рыбная промышленность, щетиное производство, переработка водорослей.

¹ См. рис. 13.

ГОРНОДОБЫВАЮЩИЕ ОТРАСЛИ

Все отрасли горнодобывающей промышленности в крае появились только в годы сталинских пятилеток.

Важнейшие полезные ископаемые и их использование¹

Уголь	Месторождения Печорского бассейна: Воркута, Инта, Хальмер-Ю, Щугор и др.	Первые изыскательские работы предпринимались еще в 50-х годах XIX века, но были неудачными. Систематические изыскания ведутся с 1921 года. Добыча на Воркуте с 1932 года, на Инте со времени Великой Отечественной войны.
Нефть	Месторождения Ухты: Чибью, Ярега; район Верхней Ижмы.	Известны давно, но широкие разведки начались только с 1929 года. Начало широкого освоения — 1930 год.
Асфальтиты	Ухтинский район.	Осваиваются в советское время.
Золото	Р. Илч, Щугор и другие мелкие месторождения.	
Соль поваренная, калийная, глауберова	Серегово. Соляничное и другие месторождения.	Известны издавна. Эксплуатировались еще в XVI веке Строгановыми, имевшими ряд «варниц».
Точильный камень	По рекам Вое, Солясу, Лузе, Выми, Вашке.	
Известняки	Главным образом пологая Бирючево (Онега) — Орлецы (Сев. Двина).	
Гипсы	Главным образом Звонское месторождение на Сев. Двине.	
Песок стекольный и строительный	«Белый Бычок» и многие другие месторождения.	

¹ В ряде — имеющие собственное значение и эксплуатируемые в больших масштабах.

Угли Печорского бассейна по своему типу очень разнообразны; наряду с углями кизеловского типа (Урал) имеются месторождения коксующихся и спекающихся углей, близких к донецкой марке «ПЖ»; важнейшее из них Воркутинское. Большое значение приобретает новое месторождение Хальмер-Ю с коксующимися углями марки «К».

Больше всего шахт находится вокруг города Воркуты. Весной 1946 года из 18 работающих и 20 строящихся шахт Печорского бассейна вокруг Воркуты было сосредоточено 11 работающих и 14 строящихся.

Калорийность воркутинских углей в среднем 7—8 тысяч калорий, влажность 3—5 процентов, зольность около 15 процентов (весьма варьирует); очень ценно малое (меньше 1 процента) содержание серы. Хранение даже в штабелях

высотой до 10—15 метров не вызывает самовозгорания и потому не представляет трудностей.

В послевоенной сталинской пятилетке в Печорском бассейне будут введены в действие новые шахты мощностью 7,7 миллиона тонн. Кокс из печорского угля составит базу металлургического завода, который в послевоенной пятилетке будет строиться на северо-западе СССР.

Уголь добывается, кроме Воркуты, на Инте и в Еджид-Кырте («Шугор-уголь»).

Крупнейшее значение имеет нефтедобыча Ухты. Месторождения характеризуются большим разнообразием нефтей (от весьма легких до самых тяжелых). Весь Ухтинский район характеризуется высокой газоносностью.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Сельское хозяйство Лесного Севера пределало за годы сталинских пятилеток большой путь. Основные вехи этого пути:

1. Расширение посевных площадей (больше чем в полтора раза). Благодаря одновременному повышению урожайности достигнуто то, что Север в значительной степени сейчас сам обеспечивает себя хлебом, то есть превратился из потребляющей области в производящую.

2. Земледелие продвинулось далеко на север. Практически земледелие сейчас ведется на всей территории описываемого в этой книге района. Оно осуществляется много севернее, чем раньше (рис. 15). Этим достигнуто обеспечение (хотя пока и не в полной мере) разрастающегося населения суровой тундры свежими овощами, зеленью. Цынга —

старинный враг человека на Крайнем Севере — сейчас побеждена.

3. Изменился состав культур. Сохранилась доля зерновых (при увеличении абсолютной площади посева) за счет роста технических культур — особенно льна, картофеля и бобовых. Среди зерновых резко возрастает доля пшеницы, которую здесь следует считать новой культурой.

Урожайность по ведущим культурам значительно превышает довоенную.

4. Животноводство испытало большой качественный рост.

На Севере развито животноводство, главным образом молочного, частично молочно-мясного направления. Крупного рогатого скота больше, чем лошадей и даже чем овец; дойных коров больше, чем рабочих лошадей.

За годы советской власти старые очаги племенного животноводства — вологодский и архангельско-холомогорский районы — явились рассадниками высокопородного молочного скота. Резко возросла удойность. Получила дальнейшее развитие многообразная переработка молочной продукции (маслоделие, сыроварение, выработка сгущенного молока и т. д.).

Оленеводство развито в Ненецком национальном округе и на севере Коми АССР. Часть оленеводческих колхозов перешла с чисто кочевого на полуседельный образ жизни; и кочевку с оленями отразаживают только бригады пастухов. Собычно ягельные пастбища в тундре могут прокормить четыре-пять оленей на каждый квадратный километр. В борьбе с эпизоотиями, ранее жестоко поразившими оленеводство, большое значение имеет впервые научно поставленная ветеринарная помощь; центр ее — Ветеринарно-бактериологический институт, работающий с 1925 года в селе Ижме. Оленеводство дает, в частности, базу для замшевого производства.

Основой всех достижений в сельском хозяйстве явилась его социальная перестройка — коллективизация и вооружение передовой машинной техникой.

В пределах Архангельской и Вологодской областей в Коми АССР создано до

9 тысяч колхозов, значительное количество совхозов, главным образом молочно-животноводческих, племенных (особенно в Вологодской области), оленеводческих.

Главная масса продуктивного скота сосредоточена в колхозах (до 10 тысяч МТФ); много скота принадлежит колхозникам, которые часто имеют по две-три коровы.

Сельское хозяйство сильно механизировано. Например, в Коми АССР в конце 1948 года было 17 МТС, около 600 тракторов.

Все отрасли сельского хозяйства Севера в послевоенной сталинской пятилетке будут развиваться, повышать культуру производства. Например, в Вологодской области посевные площади увеличатся на 10 процентов. Возрастет и урожайность. В результате за пятилетку по области сбор зерна увеличится в $1\frac{1}{2}$ раза, льно-волокна — в $2\frac{1}{2}$ раза.

Особое внимание уделяется подъему и дальнейшему развитию северного животноводства. Например, в Вологодской области поголовье крупного рогатого скота должно возрасти более чем на треть. Предусмотрено улучшение породности и повышение продуктивности скота. Средний удой на одну фуражную корову увеличится по области в сравнении с довоенным уровнем более чем в полтора раза.

ТРАНСПОРТ

Морские порты Севера

1. **Архангельск** — главный порт края и важнейший центр экспортной торговли СССР лесоматериалами. Играет крупную роль в системе Севморпути и в малом каботаже на северных морях СССР. Центр судостроения. По техническому оборудованию должен быть отнесен к первоклассным портам устьевых типов. На баре и частично на рейде нуждается в дноуглубительном периодическом зем-

лечении. Имеет огромный хинтерланд (то есть территорию, которая к нему тяготеет и им обслуживается), заключающий не менее $\frac{1}{2}$ населения и лесных богатств края.

2. **Онега** — небольшой устьевой порт. Лесоэкспорт. Хинтерланд — бассейн реки Онеги. С 1940—1941 годов получил и железнодорожную связь.

3. **Мезень** — небольшой устьевой порт, хинтерланд которого совпадает с бассейном реки Мезени (богатая и южная

части лесом). Лесозэкспорт. Крупная база зверобойных промыслов.

4. Нарын-Мар—устьевой порт, являющийся «морскими воротами» в Ненецкий национальный округ и бассейны Пе-

торы. Важен как опорная база для освоения этого слабо населенного края; роль эта была особенно велика до постройки Северо-Печорской железнодорожной магистрали.

Главные судоходные реки

	Название	Конечная (верхняя) пристань		Название	Конечная (верхняя) пристань
1	Сев. Двина	Судоходна вся (от слияния Сухоны с Югом)	7	Шексна	Судоходна вся (от озера Белого), шлюзована
2	Сухона (с притоком Вологодой)	Судоходна вся (от устья Вологда до Кубельского озера, плавание затруднено), г. Вологда	8	Ковжа	Судоходна вся (от Мариинского канала), шлюзована
3	Вытегда	Сыктывкар (при большой воде—селение Вольгин)	9	Вытегра	Судоходна вся (от Мариинского канала), шлюзована
4	Печора	Троицко-Печорское (в малую воду—Еджид-Кырт)	10	Уса	Усть-Воркута
5	Мезень	Макарьевская (у Кослан)	11	Ижма	Порожское
6	Онега	Бирючево	12	Пинега	Сульца
			13	Вага	Благовещенское
			14	Вомь	Весляна
			15	Юг	Никольск
			16	Вашка	Лоптюжская

Через юго-западную часть края проходят Мариинская и Северо-Двинская системы искусственных водных путей; у юго-восточной границы находится сейчас заброшенный Екатерининский канал, соединяющий бассейны Вытегды и Камы; он может пропускать только лодки.

больше чем вдвое: из 2,9 тысячи километров, имеющихся сейчас, 1,75 тысячи километров встроено уже после 1938 года.

Обслуженность Севера железнодорожными путями кажется невысокой, если относить ее к площади, но она высока в сравнении с численностью населения.

Железные дороги

Железнодорожная сеть Севера за последние предвоенные годы и за годы Великой Отечественной войны возросла

	Длина ж.-д. путей	
	на 1000 кв. км	на 10000 жителей
Север	2,4 км	9 км
Весь Союз . .	около 5 км	несколько более 1 км

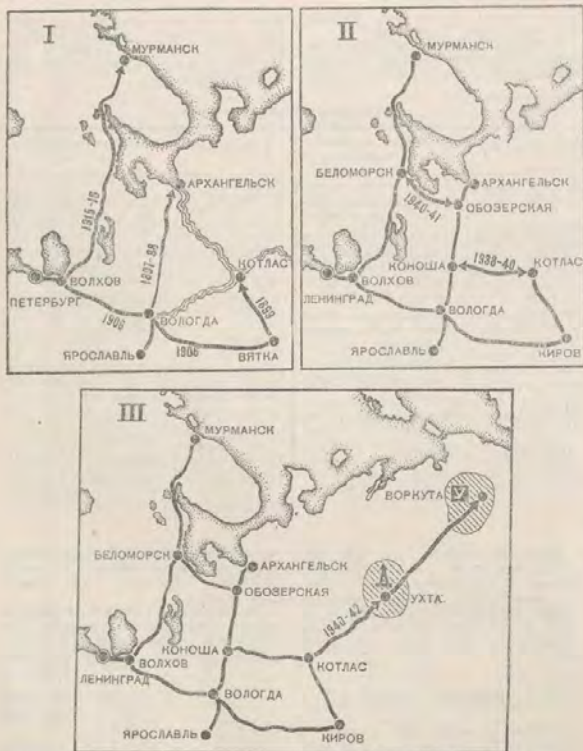
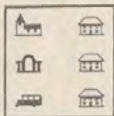

Рис. 16. Этапы развития железнодорожной сети Севера.

СЫКТЫВКАР

ВОЛОГДА

АРХАНГЕЛЬСК

База Академии Наук

Музей союзного значения

Высшее учебное заведение

Крупный театр или дом культуры

Большой п.к.и.о.

Автобус

Трамвай

Речной трамвай

Величина квадратов примерно соответствует плотности населения

Рис. 18. Культурные и обслуживающие учреждения в главных городах Лесного Севера Европейской части РСФСР.

По плотности населения Лесной Север Европейской части РСФСР ближе к малоосвоенным районам Северной и Средней Сибири, чем к своим «соседям» — старому Промышленному центру и горнозаводскому Уралу.

Средняя людность сельских населенных пунктов невелика: для Севера типичны мелкие деревни.

Больших городов здесь только два: Архангельск (по переписи 1939 года 281,1 тысячи жителей) и Вологда (95,2 ты-

сячи жителей). Кроме того, по данным 1946 года, в крае было 25 средних и малых городов (Котлас, Сыктывкар, Воркута, Ухта, Череповец, Сокол, Велький Устюг, Онега и др.) и 33 поселка городского типа. В крае много мелких центров промышленного характера — лесопунктов, больших запаней, бойких пристаней, небольших лесозаводов (например, при станциях железных дорог), центров маслоделия и т. д.

В настоящее время идет быстрое развитие новых горнопромышленных горо-

дон — Ухта, Боркуты — и расположенных вблизи от них рабочих поселков.

Если исключить отдельные крупные ступки населения в городах, небольшой сравнительно густо населенный уголок к югу от Белого озера (Череповец — Вологда), на остальной территории края население реденькими дентами деревень и поселков вытянуто только вдоль рек.

Города Лесного Севера — прежде всего промышленно-транспортные центры. Одновременно многие из них — важные центры подготовки кадров.

На Севере до 10 высших учебных заведений. Имеется ряд научно-исследовательских учреждений.

Важнейшие высшие учебные заведения края:

1. Архангельский лесотехнический институт (АЛТИ). Этот институт, имеющий несколько тысяч студентов, находится после Ленинградской лесотехнической академии самым крупным в стране учебным заведением по подготовке кадров для лесного хозяйства.

2. Вологодский институт молочного хозяйства.

3. Сыктывкарский педагогический институт — основной центр подготовки национальной интеллигенции народа коми.

Большую научную работу ведет База Академии наук СССР в Сыктывкаре.

Ценные фонды, характеризующие природу и историю края, сосредоточены в Вологодском, Архангельском и Устьожском музеях.

В Архангельске выстроен большой театр на 2 тысячи мест. В Сыктывкаре действует дом культуры, играющий видную роль в развитии национального искусства Коми АССР. Театры созданы и в новых городах — в Ухте и Воркуте.

В культурной жизни Севера большое место занимает радио. При характерных для края огромных расстояниях, при транспортной удаленности ряда поселков, новых центров национальной культуры, зимовок и т. д. радио уничтожает чувство оторванности. Отличная работа радиослужбы стала традицией северных радиостов, беспрерывно осуществляющих надежную связь с самыми удаленными пунктами, с полярными базами и с кораблями.

Рис. 19. Доля Архангельской и Вологодской областей и Коми АССР в некоторых показателях по всему СССР.

С Л О В А Р И К НЕКОТОРЫХ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ НА СЕВЕРЕ ТЕРМИНОВ И СЛОВ

Акватория — вообще водная поверхность (аналогично территории). В лесной промышленности так называют часть реки у лесозавода, отведенную для стоянки плотов.

Баланс — сортament древесины, служащий сырьем для целлюлозно-бумажного производства. Тщательно очищенный от коры кругляк длиной 1—2 метра и диаметром в 10—15 сантиметров. Важно отсутствие сучков.

Баны — плавучие ограждения из бревен.

Веретья — возвышенные места поймы (обычно в виде гряд, напоминающих в плане веретено).

Веснование — весенняя охота.

Волок, волочэк, волочка — перешеек, водораздел, узкое пространство между двумя речками, через которое можно переволочить судно (лодку) или перетащить груз.

Голбец, голубец — деревянная пристройка в виде ящика или сундука около пята в северной избе; через голубец устраивают вход в подпол.

Горбуша — большой серя с короткой рукояткой; употреблялась встарину повсеместно на Севере. Теперь изредка используются горбушей там, где неровности почвы не дают ходить косяе. По местному выражению, горбушей траву не жнут, а «скоблят».

Горбыла — боковой обрезок бревна (обычно с остатками коры), имеющий в сечении форму сегмента. Отход лесопиления.

Горенка — комната без печи, пристраивается к повети (см.). Используется главным образом летом.

Грибика — деревянный совок с зубьями для сбора ягод.

Диепáтч — премия за досрочную погрузку (английский термин, который в ходу в северных портах).

Ела — небольшое морское одномачтовое судно, вооруженное одним парусом; имеет очень острые нос и корму.

Забор — перегородка из саай поперек реки для ловли семги; отсюда — «забирать реку».

Зажбы — скопление льда во время ледохода, вызывающее наводнение.

Закбл — то же, что и забор, но для провешивания сетей служат не сваи, а забитые в дно реки колья.

Залом (на сплаве) — затор идущей молей (см.) или прорвавшей какую-либо запань древесины, перегородившая реку.

Запань — пловучее затрждение из бревен на сплавной реке. Служит для того, чтобы удерживать идущий молей (см.) лес. Около запани производятся сплотка и сортировка древесины.

Зпмняк — дорога, по которой ездят только зимой.

К а р б а с — большая лодка, пригодная и для плавания в море. Может ходить и на веслах и под парусами.

К а с л а т ь — пасты (олений).

К и п з ё к — треугольное бревно во всю длину крыши. В некоторых местностях это бревно называют «охлуеши». Отсюда «охлуешиное угощение», когда, срубив избу, приступают к покрытию кровли.

К о к л ю ш к и — прибор для плетения кружев; состоит из подушки и парных палочек (до 300 штук).

К о м е л ь — шпиль конец срубленного ствола дерева.

К о н ё ц — толстый канат на корабле; обычно кондом называют канат, которым корабль пришвартовывается к стенке; в этом случае конец представляет собой петлю, накидываемую на крытый в землю короткий столб (кихт).

К о ч ь, к о ч а — старинное мореходное палубное судно об одной мачте. Неюгда на кочках поморы и сибирские юмленпроходим совершили немало географических подвигов в арктических водах. На кочках была открыта Новая Земля, достигнута Обская губа; из кочка Семен Дежнев в 1648 году обогнул мыс, названный впоследствии его именем, и первый прошел через Берингов пролив и т. д. Преимуществом малых кочей перед громоздкими западноевропейскими кораблями того времени была их способность пробираться в разводах между льдами и проходить по мелководью.

К о ш е л ь — на слопе не скрепленные непосредственно друг с другом бревна, охлывленные цепью из связанных бревен, за которые кошель буксируется.

К о ш к а — песчаная отмель, свешиваемый остров.

К р о с н а — кустарный ткацкий станок.

К у к о л ь — напущен из оленьей шкуры мехом вверх.

К у р ь я — остатки старого русла. Часто представляет собой удлиненные заливы, отделенные от современного русла песчаными косами. Курьи иногда используют для устройства зимних затонов для судов или для второстепенных лесостоянок.

Л ё ж н я — дорога, настланная из бревен.

Л е с о н а т ь — охотиться в лесу.

Л ё т н и к — дорога, по которой ездят только летом.

Л у ч и т ь — ловить рыбу (обычно острогой) ночью, при свете огня, зажигаемого на носу лодки.

М а л и ц а — мужская верхняя одежда надеваемая через голову, не разрезается. Шьют малицу из шкур молодых оленей, не достигших года.

М н о г о р я д к а (на сплаве) — плот, в котором бревна соединены в несколько слоев. Многорядки могут сплавляться только при достаточных глубинах реки, что возможно лишь на магистральных реках.

М о л ь, молевой сплав — сплав несвязанных бревен «россылью», ничем не управляемых и приводимых в движение исключительно силой течения. Применяется на малых реках.

М о с т ы, м о с т и к и — деревянный, настлан на улице, на дворе, в избе, на дне лодки. Мостки, проложенные на улице, заменяют на Севере тротуары.

Н а з л о к — отлогий мыс, сложенный песками, намытыми («изволонкутыни») волнами.

Н о с — обрывистый крутой мыс.

О д н о р я д к а (на сплаве) — плот, составленный из бревен, уложенных в один слой.

О з а д ё к — зимняя изба, которую в северной деревне обычно ставят позади летней.

О з н а к — признак, знак, особенность.

О р а т ь — пахать землю (отсюда «орамья земля»).

Осенойтъ — охотиться осенью.

Падун — южный ветер на Селерий Двице.

Пърка — верхняя женская одежда, обычно делается из оленьего меха (у немцев и северных коми).

Пастъ — западня из звериной тропе.

Перебѣры — мелководные поперек реки, песчаная или каменная гряда.

Переволѣк — см. водок.

Пѣстер, пѣхтер — плетёный из бересты корб, в который собирают ягоды и грибы. Пестеры носят за спиной на лубяных перевязях.

Пѣмъ — мягкая высокая обувь из оленьего меха. Шьется часто из шкур, содранных с оленьих ног.

Повѣтъ — нежилая пристройка к крестьянскому дому, над хлебом. Здесь хранятся корма для скота, сруба и другие принадлежности крестьянского хозяйства.

Полагунья — сосуд, мера жидкости (около 8 литров).

Полѣй — второстепенное подутмершее русло реки.

Правѣло — длинное весло, служащее вместо руля.

Прѣпе — лесоматериал, употребляемый для крепления шахт.

Пыжий — олень до трехмесячного возраста; мех пыжика считается особенно ценным.

Рѣйки — длинные обрезки досок, отход лесопилень.

Рефулѣр — землесосный снаряд, приспособленный для перекачки по трубам добытого со дна грунта в полужидком состоянии; сама эта перекачка называется рефулированием.

Ровдуга — замша из оленьей кожи.

Ронить — валить (деревья).

Рюжа — сеть для ловли рыбы, представляющая собой конус, изогнутый в обручи.

Сѣвникъ — длинная до полу одежды из оленьего меха с пришитой лямкой и рукавицами. Надевается через голову и поверх малицы в сильные морозы.

Старѣца — старое русло реки, иногда образующее озеро.

Стивидѣр — браковщик лесоматериала (гермин, широко применяемый на Севере).

Струг, стружок — небольшая лодка, главным образом для плавания по реке; обычно выдалбливается из бревна.

Такелаж (на сплаве) — тросы и скрепления, используемые при сплотке древесины.

Топляк — утопленные при сплаве бревна. При скоплении на мелких участках реки топляк может являться серьезным препятствием для судоходства.

Трелевка — подтаскивание бревен для сплава.

Туес — цилиндрический сосуд (размерами от ведра до стакана) из березового лыка с корой. Служит при сборе ягод, для хранения грибов, овощей и т. д. Деревянное дно и стенки хорошо сделанного туеса не пропускают жидкости.

Угѣр — штабель или просто большая куча бревен.

Хвѣс (сплава) — последние плоты или идущие моен (см.) бревна во время лесосплавного сезона.

Хлыст — бревно, срубленный ствол дерева.

Чарусъ — очень глубокое болото, обычно бывшее лесное озеро, прикрытое сверху тонким травяным или моховым покровом. Является страшной «ловушкой» для лесного путника.

Шаньга, шаньжа — ватрушка из ячменной, ржаной или пшеничной муки, запекается с рыбой, творогом или ягодами.

Шар — пролив. По В. Ю. Визе, это распространенное изречение у поморей

название, вошедшее и в официальную географическую номенклатуру (например, Югорский шар); происходит от норвежского слова «шихеры» (произносится «шэр»), скопление скалистых островков с узкими проходами между ними.

Шелони́к — юго-западный ветер. Поморы говорят: «Шелоник на море разбойник, без дождя мочит».

Шня́ка — рыбопромысловая лодка.

Ягель — лишайник, широко распространенный в тундре. Служит основным кормом оленям.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Азия — 126.
 Айкино, станция — 140.
 Академия наук СССР, база в Сиктив-
 каре — 146, 251.
 Акционерное общество Московско-Яро-
 славской железной дороги — 59.
 Александровский сад в Вологде — 50.
 Алеутские острова — 126.
 АЛТИ, Архангельский лесотехнический
 институт — 79, 251.
 Аляска — 7, 223.
 Амалицкий В. П. — 130, 131.
 Америка — 78, 126.
 Англия — 35, 44, 78, 87, 88.
 Андерсен, геолог — 163.
 Андома, река — 30.
 Ануфриевы, семья капитанов — 91.
 Арктика — 91, 92.
 Архангельск — 13, 19, 23, 34, 35, 36,
 37, 45, 59, 61, 65, 66, 67, 68, 69,
 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 78,
 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 89,
 90, 91, 92, 95, 96, 97, 98, 107, 109,
 110, 114, 117, 121, 123, 124, 128,
 130, 134, 144, 146, 164, 166, 175,
 205, 207, 216, 219, 223, 225, 227, 229,
 238, 239, 240, 246, 249, 250, 251.
 Архангельская губерния — 232.

Архангельская область — 8, 79, 140,
 166, 181, 223, 230, 246, 249.
 Африка — 78.

Б

Баженины — Федор и Осип Андреевич,
 кораблестроители — 83.
 Баку — 134, 154, 157, 163, 164.
 Балтийское море — 32, 34, 46.
 Балтика — 7, 28, 32, 33, 34.
 Баренцово море — 175, 219, 230.
 Батюшков К. Н., поэт — 42.
 Белое море — 31, 34, 36, 37, 44, 46,
 47, 56, 68, 75, 82, 84, 88, 133, 175,
 188, 189, 202, 205, 212, 219, 227,
 230.
 Белое озеро — 28, 31, 32, 33, 34, 227,
 247, 251.
 Беломорск, город — 61.
 Беломорско-Балтийский канал имени
 Сталина — 33, 34.
 «Белый Вычок», завод — 235, 242.
 Бельгия — 78.
 Берг Л. С., академик, президент Все-
 союзного географического обще-
 ства — 232.
 Беринг, Витус, исследователь полярных
 стран — 126.
 Берингово море — 7.
 Биармия — 29, 147.
 Бирючево — 242, 247.
 Благовещенск — 207.

Благовещенский собор в Солянычегодске — 133.
Благовещенское, приставь — 247.
Большеземельская тундра — 149, 166, 170, 212, 216, 219, 220.
Бренник, остров в дельте Северной Двины — 67.

В

Вага, приток Сев. Двины — 28, 30, 79, 101, 109, 110, 206, 207, 230, 247.
Ваенга, приток Сев. Двины — 101.
«Вайгач» — 92.
Вакон, купец — 126.
Варсонофьев В. А., геолог — 176.
Вашка, приток Мезени — 230, 242, 247.
Введенский монастырь в Солянычегодске — 133.
Великий Устюг, город — 49, 65, 72, 109, 125, 126, 128, 130, 131, 133, 134, 146, 205, 240, 250.
Великобритания — 139, 223.
Вельск, город — 110, 207, 240.
Верхняя Ижма, приток Печоры — 160, 242.
Верхняя Тойма, приток Северной Двины — 101.
Верхольский район — 207.
Весляна, приставь — 247.
Владивосток — 106.
Водла, река — 23.
Воже, озеро — 23.
Волга — 7, 28, 29, 31, 32, 34, 41, 147, 207, 230.
Волжский бассейн — 32, 33.
Волжско-Балтийский водораздел — 32.
Волжско-Окское междуречье — 31.
Вологда, город — 36, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 53, 55, 59, 60, 72, 77, 109, 121, 124, 128, 130, 133, 134, 144, 205, 207, 223, 240, 247, 249, 250, 251.
Вологда, река — 41, 208, 230, 247.
Вологда-Архангельск, жел.-дор. линия — 59, 109, 110.
Вологда-Ленинград, жел.-дор. линия — 34.
Вологодская губерния — 232.
Вологодская область — 8, 33, 34, 51, 52, 53, 54, 56, 58, 223, 225, 246, 249.

«Вологодские губернские ведомости», газета — 130.
Вологодский институт молочного хозяйства — 48, 251.
Вологодский альбомбинат — 47, 48.
Волошево (Волоцкое) озеро — 23.
Волхов — 36.
Вольги, приставь — 247.
Воркута, город — 121, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 216, 218, 219, 220, 242, 244, 249, 250, 251.
Воркута, приток Усы — 171, 174.
Воркутинское месторождение — 174, 177, 178, 218, 244.
«Воркутуголь» — 176, 219.
Вороныны, семья капитанов — 91.
Воронов — 163.
Воткиа — 147.
Вол, река — 242.
Вьма, река — 79, 133, 148, 230, 242, 247.
Вытегра, река — 32, 33, 247.
Вытегра, река — 31, 65, 69, 79, 108, 121, 122, 123, 124, 125, 132, 133, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 147, 148, 149, 153, 164, 207, 208, 209, 216, 227, 230, 247.
Вышневолоцкая система — 32.
Вятка, город — 144.
Вятка, река — 139, 207.

Г

Галицкие удельные князья — 30.
Галицкое княжество — 117.
Гальберг, инженер — 163.
Герасимов Д. — 234.
Герберштейн Сигизмунд, историк и географ — 125.
Геркуланум — 179.
Германия — 168, 176.
Геродот, греческий историк — 147.
Герцена улица в Вологде — 42.
Глазго, город в Великобритании — 223.
Гледен, гора — 125.
Голландия — 78.
Голубково, деревня — 215.
Гом Джингли — 102.
Господин Великий-Новгород — 27.
Гренландия — 223.
Гриза, деревня — 122.
Григорово, деревня — 122.
Григорьев А. А., академик — 224.

Грихнево, деревня — 122.
Грумант (Шпицберген) — 28, 91.

Д

Датиллов, жел.-дор. станция — 249.
Данна — 128.
Данская губа — 230.
Дежнев Семен — 126.
Денисовка, деревня — 97.
Диди-Лило, село — 49.
Добролюбова, геолог — 176.
Дом культуры в Сыктывкаре — 146.
Донбасс — 173, 175, 176.

Е

Европа — 27, 68, 83.
Еджид-Кырт — 244, 247.
Екатерина II — 126.
Екатерининский канал — 247.
Елизавета, дочь Петра I — 162.
Емца, приток Северной Двины — 28, 101, 230.
Емца, станция — 207.
Ермзяк — 134.

Ж

Жешарт, город — 240.
Жижгин, остров — 240.

З

Заволоцкие волости — земли на Севере, куда вели первые пути по волокам — 29, 31.
Заволочье, см. Заволоцкие волости.
Загорка — 122.
Загорск, город — 31.
Заонежье — 28.
Западная Европа — 28, 86, 88, 144.
Запечорье — 181.
Заполярье — 178, 180, 220.
Звоз, поселок — 100.
Звозское месторождение — 242.
Звягина Л. — 157.
Золотуха, речка — 49.
Зыряне, прежнее название коми — 147.

Иван Грозный — 43, 44, 45, 88, 133.
Ивановский, исследователь Севера — 122.
Ижма, село — 174, 246.
Ижма, река — 11, 148, 166, 230, 247.
Ильч, река — 230, 242.
Имандра — 207.
Инкин, геолог — 176.
Иностранцев А. А. — 131.
Инта — 242, 244.
Инта, река — 177.
Исаак Масса, голландский купец и географ — 45.
Исландия — 223, 224.
Италия — 139.

И

Кавказ — 8.
Кадуй, город — 240.
Казань — 133, 144.
Казахстан — 150.
Кама, река — 28, 29, 133, 134, 144, 147, 166, 247.
Каменный монастырь на Кубенском озере — 31.
Камчатка — 126.
Канада — 7.
Канал имени Москвы — 33.
Кандалакша — 207.
Канин, полуостров — 224.
Канинская тундра — 212.
Кара, река — 178.
Каргополь, город — 28, 225.
Карелия — 28, 234.
Карело-Финская ССР — 8, 34, 61, 181.
Карское море — 212.
Каспий (Каспийское море) — 8, 10.
Кеостров — 89.
Кена, река — 28.
Кенозеро — 28.
Кибра, село — 150.
Киев — 42, 117.
Кириллов монастырь — 31.
Киров С. М. — 174.
Киров, город — 121.
Кировская область — 130.
Киров-Котласская ж. д. — 121, 122, 123, 140, 144.
Китай — 87.
Клондайк — 86.

Кояклогост, жел.-дор. станция — 140, 154.

Ковжа, река — 32, 33, 247.

Коврига, гора — 227.

Кокшевыга, приток Ваги — 28.

Колокольная, гора — 227.

Коломенское, село — 56, 84.

Кольский полуостров — 34, 181.

Колима — 126.

Комя АССР — 8, 20, 139, 140, 147, 166, 175, 223, 225, 230, 240, 246, 249.

Ковноша, жел.-дор. станция — 61, 110, 121, 240.

Корабельное пристанище — 86, 88.

Корабельный рукав дельты Северной Двины — 66.

Корпусов — 49.

Кослань, пристань — 247.

Кострома, город — 146.

Кострома, река — 30.

Котлас, город — 18, 36, 65, 109, 110, 121, 122, 123, 124, 125, 127, 130, 132, 134, 139, 140, 142, 164, 174, 206, 207, 219, 227, 240, 249, 250.

Котцев, капитан — 91.

Кошков, мастер-чертежник — 129.

Красавино — 130, 132, 240.

«Красная кузница», завод — 81.

Крутая, гора — 156, 161.

Крутые, деревня — 122.

Крылов Н. А. — 129.

Кубенское озеро — 28, 30, 31, 34, 83, 247.

Кузнецов М. П. — 134, 135.

Кузнецово, деревня — 122.

Кузнециха, река — 89.

Куратов Н. А. — 150.

Куратово, село — 150.

Л

Лабрадор — 86.

Ладожское озеро — 32.

Лальск — 132.

Лальская бумажная фабрика — 130.

Лавин Иван — 126.

Латкин В. Н., красавец — 23, 145.

Лача, озеро — 28.

Лая, река — 81, 230.

Ледовитый океан — 7, 8, 10, 23, 28, 92, 139, 164, 166, 211.

Лена, река — 126.

Ленин В. И. — 35, 50, 52, 124, 134, 136, 164, 174.

Ленинград — 24, 34, 50, 89, 118, 121, 175, 176, 177, 181, 182, 220.

Ленинград—Киров, жел.-дор. линия — 47.

Ленинград—Мурманск, жел.-дор. линия — 61.

Ленинградская лесотехническая академия — 251.

Леонтьева К. В. — 99.

Леняя — 91.

Летка — 142.

Леткинский район — 142.

Лименда — 122, 240.

Ломоносов М. В. — 80, 97, 98, 147.

Лондон — 87, 118, 131.

Лоптюжская пристань — 247.

Луза, приток Юга — 130, 230, 242.

Лявкин Г. С. — 150.

М

Маймакса, рукав дельты Северной Двины — 66, 67, 75, 76, 89, 90.

Макаров Фофан — 87.

Макарыбская, пристань — 247.

Малая Печора — 210.

Малая Северная Двина — 125, 230.

Малоземельская тундра — 166, 212.

Марининская система (Марининский водный путь) — 32, 33, 34, 247.

Марининский канал — 33, 247.

Марково, деревня — 122.

Марр Н. Я., акад. — 147.

Медичи, флорентийский род — 133.

Мезень, город — 18, 79, 82, 118, 225, 240, 246.

Мезень, река — 11, 28, 61, 107, 139, 227, 229, 230, 246, 247.

Мезенская губа — 230.

Мечка-Полой — 76, 78, 239.

Молочная, станция под Вологдой — 43.

Монастырь Михаила-архангела — 37, 86, 87, 88.

Монреаль, город — 223.

Мордва — 147.

Моржовец, остров — 82.

Морозов — 232.

Мосеев остров — 83, 84.

Москва — 30, 31, 32, 41, 42, 43, 44, 46, 49, 56, 59, 84, 87, 88, 92, 97, 98, 106, 117, 118, 121, 132, 133, 156, 158, 172, 175, 195, 202, 207, 217, 223.

Москва—Архипельск, жел.-дор. линия — 47, 61, 249.

Москва—Волга, канал — см. Канал имени Москвы.

Москва-река — 33.

Московский Кремль — 43, 46, 56, 120, 176, 219.

Московско-Ярославская ж. д. — 59.

Мостова, деревня — 122.

Мотва, река — 230.

Мудьюг, остров — 36.

Мураши, станция — 140.

«Мурман» — 91.

Мурманск, город-порт — 36, 91.

Мурманская ж. д. — 68, 207.

Мурманский рукав дельты Северной Двины — 66.

И

Наводчиков, Михайло — 126.

Надеждин Н. И., издатель журнала «Телескоп» — 144.

Наполеон I — 46.

Народная, гора — 227.

Нарым, город — 50.

Нарьян-Мар, город — 164, 166, 167, 175, 215, 216, 217, 240, 247.

Наталья Кирилловна, мать Петра I — 84.

Находкина П. А. — 88.

Нева, река — 33, 46.

Невельский национальный округ — 109, 223, 246, 247.

Нижний Новгород — 144.

Никифоров — 89.

Николай I — 144.

Никола-Карельский монастырь — 50.

Никольск, пристань — 247.

Никольский рукав дельты Северной Двины — 66, 81, 87.

Никольское устье Северной Двины — 87.

Нобель, нефтепромышленник — 163, 164.

Новая Земля, острова — 28, 91, 166.

Новгород, город — 27, 29, 30, 31, 44, 98, 117, 132.

Ново-Двинская крепость — 84.

Новоходмогоры — 89, 98.

Норвегия — 123, 224, 230.

Няндама, жел.-дор. станция — 61.

О

Обозерская, жел.-дор. станция — 61.

Обь, река — 145, 147, 176.

Озесса — 91, 118.

Ока, река — 8.

Онега, город — 18, 35, 61, 79, 240, 246, 250.

Онега, река — 28, 41, 55, 61, 201, 207, 230, 242, 247.

Онежская губа — 230.

Онежское озеро — 28, 32, 33.

Оранец, деревня — 209.

Оршес, река — 209.

Орджоникидзе Г. К. — 50.

Орлеан — 242.

Осоавиахима набережная в Вологде — 48, 49.

Остальцев, капитан — 91.

Оттава, город — 223.

П

Падозеро, деревня — 122.

Пай-Хой, хребт — 227.

Памир — 8.

Пахтусов П. К. — 91.

Пединститут в Сыктывкаре — 145, 251.

Переяславское озеро — 83.

Пермилово, жел.-дор. станция — 240.

Пермино, деревня — 122.

Пермь — 147.

Пермь-Котлясская ж. д. — см. Киров-Котлясская ж. д.

Петербург — 32, 46, 49, 50, 134, 144, 162.

Петр I — 32, 46, 71, 83, 91, 162, 202, 205.

Петроградский проспект в Архангельске — 71, 72.

Печора, река — 11, 23, 28, 29, 35, 96, 107, 110, 121, 133, 139, 145, 147,

148, 149, 164, 166, 167, 168, 169, 171,

175, 176, 177, 178, 207, 209, 210, 211,

215, 216, 217, 218, 219, 227, 229, 230,

240, 247.

Печорская губа — 166, 210, 229, 230.

Печорская ж. д. — см. Северо-Печорская жел.-дор. магистраль.

Печорская улица в Архангельске — 72.

Печорский бассейн — 34, 168, 175, 177,

220, 240, 242, 244, 247.

Печорский край — 166, 167, 174.

Пинега, приток Двины — 36, 101, 196, 207, 229, 230, 247.

Плесск, жел.-дор. станция — 61, 240.

Плеханов Д. Г., православный мастер-живописец — 44, 45.
 Поволжье Верхнее — 30.
 Полевой, геолог — 163.
 Полярный круг — 149, 171, 172, 186, 212, 223.
 Полярный Урал — 171, 176.
 Псковская улица в Архангельске — 72.
 Помесье — 179.
 Попов В. Я. — 174, 217.
 Порожское, пристань — 247.
 Пот-Чурк, гора — 227.
 Поча, река — 28.
 Прикамье — 106, 147.
 Прилуцкий монастырь в Вологде — 46, 55.
 Причерноморье — 8.
 Проспект Павлина Виноградова в Архангельске — 71, 72.
 Прялунов, купец — 162.
 Пурилово, мыс — 86, 87, 88.
 Пустозерск, село — 166.
 Пушотный, матрос — 91.
 Пушкин А. С. — 129.

Р

Раблягское болото — 235.
 Рейкьявик, столица Исландии — 223.
 Россия — 8, 23, 32, 35, 36, 37, 39, 44, 49, 51, 52, 68, 84, 87, 98, 125, 136, 177.
 Ростов, город — 31.
 Ростовские удельные князья — 30.
 Ростовское княжество — 117.
 РСФСР — 8, 220, 223, 224, 225, 235, 250.
 «Русское слово», газета — 161.
 Русское бюро ЦК — 49.
 Русь — 8, 27, 30, 31, 44, 46, 83.

С

Сабля, гора — 209, 227.
 Савины Истома и Федор, русские живописцы — 132.
 Савыкина — 49.
 Свердловск, город — 113.
 Свирь, река — 22.
 Своземлены — 30.

Северная Двина, река — 8, 11, 28, 30, 34, 35, 37, 41, 44, 45, 61, 65, 66, 67, 69, 70, 71, 74, 75, 76, 79, 86, 87, 88, 89, 91, 93, 95, 96, 97, 99, 100, 101, 107, 108, 109, 110, 111, 118, 121, 122, 124, 125, 130, 133, 141, 144, 205, 206, 207, 208, 209, 227, 229, 230, 242, 247.
 Северная Кельма, приток Вычегды — 230.
 «Северная чернь» — 129.
 Северное море — 28.
 Северные Увалы — 28, 227.
 Северный морской путь — 37, 68, 92, 182, 238, 246.
 Северный полюс — 92.
 Северный Урал — 181, 227.
 Северо-Двинская система — 34, 247.
 Северо-Печорская жел.-дор. магистраль — 140, 156, 164, 166, 167, 168, 169, 172, 175, 176, 177, 229, 247, 249.
 Северо-Ухтинское нефтяное промышленное товарищество — 163.
 Седов Г. Я. — 91.
 «Седова», ледокол — 92.
 Седь-Йола — 164.
 Семиденха, деревня — 122.
 Серёгово, жел.-дор. станция — 153, 242.
 Сибирь — 8, 46, 50, 128, 133, 134, 141, 149, 165, 225, 250.
 «Сибиряков», ледокол — 92.
 Сигизмунд III — 88.
 Сидоров М. К. — 23, 162.
 Скандинавия — 7, 86, 147, 223.
 Скифия — 147.
 Скифы — 148.
 Слонов — 126.
 Советский Союз — 8, 19, 47, 60, 76, 79, 130, 156, 167, 247.
 Сокол, город — 60, 76, 235, 250.
 Соликамск, город — 144.
 Соловецкие острова на Белом море — 31.
 Соловецкий монастырь — 31.
 Соломбалла — 70, 78, 84, 89, 91, 92.
 Соломбалка, речка — 92.
 Сомыньегородск, город — 125, 132, 134, 135, 136, 144, 242.
 Соплес, река — 242.
 Софийский собор в Вологде — 43, 44.
 Среднехреняга — 207.
 СССР — 8, 24, 37, 48, 54, 104, 156, 160, 161, 151, 223, 233, 244, 246, 251.

Сталин И. В. — 34, 38, 48, 49, 50, 99, 134, 135, 136, 164, 175, 176, 182, 190, 211, 219.

Сталинград — 20.

Строгановы — 132, 133, 144, 242.

Студеное (Белое) море — 29, 186.

Суда, река — 55.

Судальская земля — 30.

Сукачев В. Н., акад. — 12, 13, 232.

Сула, река — 30.

Судла, пристань — 247.

Сухановы — 144.

Сухона, жел.-дор. станция — 54, 240.

Сухона, река — 11, 28, 34, 47, 55, 60,

65, 79, 108, 109, 121, 122, 123, 124,

125, 126, 131, 132, 133, 205, 208,

230, 247.

США — 7.

Сыктывкар, столица Коми АССР — 72,

121, 140, 142, 143, 145, 146, 147,

150, 153, 223, 225, 240, 247, 249

250, 251.

Сыктывкар — Мураши, автомобильный

тракт — 150.

Сысола, река — 140, 143, 144, 145, 148,

230.

Т

«Таймыр» — 91, 92.

Тифильев — 224.

Тиманская тундра — 212.

Тиманская экспедиция — 162.

Тиманский край — 149, 227.

Тифлисская губерния — 49.

Тихвинская система — 32.

Тихий океан — 8.

Тихонович Н. Н., геолог — 164.

Тойма, река — 196.

Толубеево, деревня — 122.

Тотыма — 132.

Троице-Сергиева обитель в Загорске —

31.

Троице-Печорское, пристань — 247.

Тундра, жел.-дор. станция — 61, 62.

Туркестан — 8.

Тянь-Шань, горы — 8.

У

Уиллауби Хью — 87.

Урал — 8, 46, 47, 133, 144, 147, 160,

182, 218, 244, 250.

Урало-Кузнецкий комбинат — 182.

Уса, река — 148, 166, 171, 176, 218, 219,

230, 247.

Успенский собор — 43.

Устюг — см. Великий Устюг.

Усть-Васюга — 101, 104, 105.

Усть-Воркута — 247.

Усть-Выль — 144.

Усть-Ижма, жел.-дор. станция — 167,

174.

Усть-Кожва, жел.-дор. станция — 166,

168, 172, 182.

Усть-Кубенское, село — 53.

Усть-Сысольск — 143, 144.

Усть-Уса, село — 167, 174, 216.

Усть-Цильма, село — 167, 240, 249.

Уфлюга, приток Двины — 55, 101.

Ухта — 153, 154, 155, 156, 157, 158,

160, 161, 162, 163, 164, 165, 216,

230, 240, 242, 244, 249, 250, 251.

Ухта-Печорский трест — 164.

Ф

Федор Иванович, царь — 86, 88.

Финляндия — 147, 230.

Финский залив — 46.

Фок — 232.

Фокия А. Д. — 204.

Франция — 68.

Х

Хальмер Ю. — 178, 242, 244.

Харовск, жел.-дор. станция — 240.

Хвалынское (Каспийское) море — 29.

Холмогорская, станция — 61.

Холмогоры — 61, 86, 87, 88, 97, 98, 99,

100.

Цильма — 11, 166, 230.

Цинзерлинг — 224.

Ч

Чаадаев П. Я. — 144.

Чагода, город — 240.

Чегодолецкий район — 235.

Чебоенский — 126.

Чебоксаров Н. Н. — 147.

Чебсарский совхоз Вологодской об.

ласта — 53.

Чекуев — 207.

Ченслер Ричард — 87, 88.

Черева, приток Волги — 28.

Черемисы — 147.
Череповец, город — 34, 235, 240, 250.
Черникович П. П. — 99.
Чернов А. А., профессор — 163, 175, 176.
Черное море — 8.
Чернышев, профессор — 162.
Чернышева князь — 227.
Чернышевский Н. Г. — 150.
Чётлаасский Камень, гора — 227.
Чабью, месторождение нефти — 242.
Чирин Прокопий — 132.
Чирков, мастер-чертежник — 129.
Чистые пруды — 172.
Чудь — 147.

Ш

Шалакуша — 61, 240.
Швейцария — 130.
Швеция — 224, 230.
Шексна, река — 30, 32, 33, 34, 230, 247.
Шенкурск, город — 36, 109, 206.
Шилов — 126.
Шильниковский Е. П., художник — 49.
Шишкин Н. И. — 147.
Шомакса, село — 128.
Шницберг, острова — 28, 117.

Щ

Щугор — 242.
«Щугоруголь» — 244.

Э

Эдуард, английский король — 87.
Эйфелева башня — 238.
«Экспортлес» — 37.

Ю

Юг, река — 65, 125, 126, 130, 208, 230, 247.
Южная Африка — 131.

Я

Якутия — 223.
Ярёга, река — 156, 160, 163, 242.
Ярегское нефтяное месторождение — 157, 163.
Яренск, город — 141, 165.
Ярославские удельные князья — 30.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕСНОЙ КРАЙ	5
ЧЕРЕЗ ВОЛОКИ	25
ВОРОТА ЛЕСНОГО КРАЯ	39
Вологда	41
Дом на набережной Осознанных	48
Вокруг Вологды	51
Прямо на север	59
АРХАНГЕЛЬСК	63
Город-порт	63
Город на болоте	70
Город-лесопилка	75
Моссов остров	83
Столетия назад	86
На 64-й параллели	89
ВВЕРХ ПО СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ	93
На динском пароходе	95
Лесной промысел	100
Северная деревня	111
НА ПЕРЕПУТЬЕ ВЕЛИКИХ РЕК	119
Котлас	121
Устюг Великий	125
Сольничегодск	132
И СТРАНУ КОМИ	137
Вверх по Вычегде	139
Сыктывкар — столица Коми	144
В КРАЙ УГЛЯ И НЕФТИ	151
Ухта	153
В нефтешахте	157
Газ и сажа	161
Борьба за северную нефть	162
Северо-Печорская магистраль	164
Воркута — город угля	172
Страна будущего	179
СЕВЕР В ОБРАЗАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Составил М. Яновская	183
СЕВЕР В ЦИФРАХ. Составил В. Похитшевский	221
СЛОВАРИК НЕКОТОРЫХ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ НА СЕВЕРЕ ТЕРМИНОВ И СЛОВ	252
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	256

Принято в печать 29/VI 1948 г.,
АКС-220. Печать листов 19^{1/2}х.
Уч.-изд. л. 22. Фум. 70х82^{1/2}х.
Тираж 75-000 экз. Цена 14 руб.
Второе массовое издание.
Заказ 706.

•

Налетки и наклейки по глубокой
печати выполнены типографией
«Игра революции», Москва,
Филипповский пер., 13.

•

Типография «Красное знамя»
зд-ва «Молодая гвардия»,
Москва, Сушарская, 21.